

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 2 / 2014

Сентябрь-Декабрь

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантас**Т**ика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 2/2014

№ 2 (19)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.su

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 27.07 2014
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31.95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 19

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ

- 3** *Е. Щетинина*
Дьявол в деталях (повесть)
- 21** *В. Венгловский*
Кто малиновку убил?
- 36** *Е. Гамаюнов*
В поисках свободы
- 45** *А. Давыдова*
Море Хикки

ПРОШЛОЕ

- 51** *В. Копернин*
Сталь, порох и бумага

КОНТАКТ

- 61** *Жаклин де Гё*
Однажды в Сибири
- 72** *И. Соколова*
Зачем и почему

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 75** *Е. Сафронова*
Спаситель отечества (повесть)
- 97** *Т. Томах*
Шанс для перпендикулярной нереальности
- 107** *А. Федорец*
Чеканщики слов

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 111** *В. Семенякин*
Разговор

ЮМОРКОН

- 114** *А. Юдин*
Космическое наследство
- 126** *К. Выборнова*
Кршмяга
- 130** *А. Шатров*
Фоторобот преступника
- 136** *Е. Наркевич*
Может же

Елена Щетинина

Дьявол в деталях

повесть

Я всегда говорил Морту, что его фамилия несколько претенциозна — особенно учитывая то, чем он сейчас занимается, и тем более учитывая то, чем он занимался раньше — и предлагал сменить ее на что-то более простое, пусть даже и столь же звучное, но менее тематическое. Он задумывался, а потом вяло отвечал, что привык к ней. Или что это не мое дело. Или что если я придумаю хороший вариант — он его рассмотрит.

В результате я приходил к выводу, что Рюген Морт просто не хочет ее менять — только не знает, почему.

* * *

Дворецкий смерил нас взглядом, в котором смешивалось презрение, удивление, любопытство и испуг.

Я легко классифицировал эти чувства — презрение было элементом профдеформации дворецкого, удивление — тому, что прислали именно нас, а не кого-то более... классического, любопытство — по той же причине, что мы были весьма колоритной парочкой, а испуг — ну а кто не испытывает испуг при виде сыщика, расследующего убийство, по которому ты вполне можешь проходить подозреваемым?

— Мне предложили вести это дело, — сухо сказал Рюген.

— Я звонил полковнику Лоуренсу, — так же сухо ответил дворецкий, заблокировав своим телом проход.

— Я старый друг полковника Лоуренса, точнее, он мой старый друг — и поэтому он предложил вести это дело мне, — пока Рюген объяснялся, я аккуратно фиксировал нашего собеседника (рост выше среднего, возраст ближе к критическому, внешность около стандартной), а также снимал информацию с помещения (шестиуровневый интер-особняк на тридцать пятом этаже Верхнего Города, стоимость выше люксовой, вкус интерьер-мастера ниже субпрофи).

— Но мы думали, что полиция... — замялся дворецкий.

— Я имею некоторое отношение к полиции, — спокойно сказал Рюген, постукивая пальцами механической руки по дверному косяку.

- Некоторое?
- Ключевое слово — «отношение». Я могу войти?
- О, да... конечно, — сдался тот.

Дверь была классического типа, рассчитанная на обычных людей, которые не имели привычки таскать у себя на плече что-то — поэтому, переступая порог, Рюген наклонился, а я втянул голову. Дворецкий с любопытством наблюдал за нами. Желая закрепить полученный эффект, я выбил клювом нецензурную морзянку и трижды повернул голову вокруг своей оси.

— Ошо, — укоризненно шепнул мне Морт. — Не трать энергию. Где труп? — спросил у дворецкого.

— Наверху, — отрапортовал тот.

— Вы его, надеюсь, не трогали?

— Разумеется.

— Разумеется, «да» или разумеется, «нет»? — в нашем тандеме было условлено, что на людях вопросы задает только Рюген. Я же брал на себя фиксацию человеческих реакций. Вот и сейчас я моргнул и сделал еще один снимок дворецкого — лицо того выражало абсолютно спокойствие.

— Разумеется, нет. А также, чтобы вы дальше не спрашивали — никто не выходил из этого дома. И не входил тоже. Исключая вас только что.

— Хорошо. Перечислите тех, кто в доме.

— Дети покойного — Эрик Вайс и Эрика Вайс, гость и старый друг покойного — мистер Джулиан Сэрп. И я, — у дворецкого обнаруживались явно военные замашки. Я мог бы поспорить, если бы у филина из металла, полимеров и крохи органики было на что спорить — что наш собеседник служил во времена Войны Городов, возможно даже прапорщиком.

— Кто обнаружил труп?

— Эру. Эр-У. Робот-уборщик.

* * *

Дворецкий провел нас наверх, на шестой уровень особняка. До искомой комнаты мы добирались с трудом — коридор был заставлен и завален столами, стульями, креслами, а около самой комнаты возвышался огромный шкаф.

— Хозяин хотел устроить перепланировку уровня, — сказал слуга, наблюдая за тем, как Морт изучает пустой шкаф и рассеянно проверяет — на этот раз пальцем здоровой руки — ближайший стол на наличие пыли. — Все комнаты освобождены от мебели, окна залиты цепраксом, а стены и пол отгрунтованы.

— Поэтому у вас уборщик и заглянул в комнату?

— Не совсем, сэр. Тот запрограммирован в определенное время собирать пыль в помещениях.

— И обнаруживать тела на полу?

— У уборщика в память заложен план расположения основных объек-

тов. Как только то, что он видит при входе, не совпадает с этим планом, робот автоматически фиксирует новый вид, меняет программу, запирает дверь — и направляется ко мне. А я уже прихожу и разбираюсь, в чем отклонение от нормы. Обычно это упавший стул или еще что-то подобное. Старая модель, плохо учится.

Уборщик напоминал небольшой металлический боб на колесиках, с отверстием для манипуляторов и крупной оптической линзой на торце. Покрытие на боках кое-где облупилась, а одно из колес было треснуто.

— Какая поразительная рухлядь, — шепнул я Рюгену.

— Вот кто бы говорил, — пробормотал он мне в ответ.

— Что? — спросил дворецкий.

— Нет-нет, ничего — ответил Морт. — А почему робот такая рух... Почему он такой древний? Разве финансы покойного не позволяли приобрести более... продвинутую модель?

— Хозяин считал, что роботы должны быть чем проще — тем лучше. И упаси Бог — не похожи на человека. Он говорил, что его оторопь берет, когда он видит железяку, похожую на человека.

— Феномен «зловещей долины» — пробормотал Рюген.

— Что?

— Да просто... полагаю, что в таком случае — чрезвычайно жестокая шутка провидения, что его убийство предложили расследовать именно мне?

— Что? — дворецкий сделал вид, что не понимает.

— Ну, от меня его бы отвращение взяло, разве не так? Меха-протез руки, глаза, на лице сетку плохо положили, не так?

Дворецкий замялся.

— Значит, так, — кивнул Рюген. — Но да ладно, это не имеет отношения к делу. Итак, как было обнаружено тело? Только в деталях.

— Эру прибыл на уборку, открыл дверь, обнаружил лежащее тело, закрыл дверь, отправился ко мне, я пришел, Эру открыл дверь, я увидел лежащее тело, подошел, убедился, что хозяин мертв, вышел, Эру закрыл дверь, я сообщил всем в доме, что хозяин мертв, мы пришли, Эру открыл дверь, они увидели труп, убедились, что хозяин мертв, вышли, Эру закрыл дверь, я позвонил в полицию.

— Прекрасно, — с наслаждением сказал Рюген.

— Что, простите?

— Ваш рассказ — он прекрасен. Вы четко и ясно описали весь процесс, без лишних деталей.

— Спасибо.

— То есть получается, что комната была закрыта изнутри, когда произошло убийство?

— Именно так. Если дверь заперта снаружи, то ее можно закрыть как изнутри, так и снаружи. Если же она заперта изнутри, то ее можно открыть только изнутри — снаружи же это может сделать только Эру.

— Какая сложная схема. А подобрать ключ?

— Невозможно.

— А как-то... механическим путем?

- Это абсолютно невозможно.
- Выломать из Эру манипулятор?
- Нет.
- Но зачем такая сложность?
- Понимаете ли... — дворецкий замялся. — Когда-то хозяин занимался разными делами... в общем, он хотел, чтобы ... ну ему могло понадобиться время, чтобы что-нибудь убрать, чтобы вошедшие не увидели...
- Открывайте, — вздохнул Рюген. — Посмотрим, что там.

Тело лежало посреди абсолютно пустой и голой комнаты, на боку, подтянув ноги к животу — нечто, напоминающее «позу эмбриона», с той лишь разницей, что руки были расположены так, что полностью скрывали лицо, уткнувшееся в локтевые сгибы.

- Ошо, зафиксируй с пяти точек, — сказал Рюген.
- Я возьму еще шестую, на два часа в зените, — предложил я.
- Хорошо, — кивнул он.

Я видел, как вытягивается обрамленное седыми бакенбардами лицо дворецкого — разумеется, тот не понимал нашего разговора. Мы давно выработали этот язык — еще когда Рюген работал охотником за головами в Среднем Городе и у нас подчас не было времени на долгие распоряжения-рассуждения. Слово — снимок — можно работать дальше. Ну или бежать, пока не поймали.

Конечно, сейчас нас никто не торопил — переход на более спокойную и размеренную работу сыщика сказывается на ритме жизни — но отказываться от своих привычек никто из нас не собирался. Да и кто знает, вдруг когда нас снова потянет обратно, на нижние городские уровни.

- Вот тут еще, Ошо, — попросил Морт, показывая на пол.
- Я, аккуратно выставляя на крыльях угол планирования, спустился ниже.
- Разве тут до меня уже был кто-то из полиции? — спросил Рюген у дворецкого.

— Нет, сэр, — ответил он. — Я же вам рассказал, кто, как и когда тут появлялся.

— А как вы тогда объясните это? — Рюген отодвинулся, чтобы тому было лучше видно.

Я зафиксировал удивленное лицо слуги, а потом едва заметные полузатертые черточки мелом на полу у головы покойного.

— И вот еще, — Морт осторожно приподнял колени трупа. — И вон там, у стоп.

— Не знаю, сэр, — кажется, дворецкий был искренен. — Дверь была заперта.

— А в тот момент, когда здесь были люди? Они могли сделать что-то подобное?

— Нет, сэр. Я не заметил ничего такого.

— А разве там можно было что-то заметить? Скорбящие родные и близкие разве не обступили тело?

— Как вам сказать, — замялся дворецкий. — Надо сказать, что родные-то особо и не приглядывались.

- А близкие?
- Мистер Сэрп пощупал пульс и очень огорчился.
- А как выразилось его «очень огорчился»?
- «Боже мой! Какой ужас».
- Мда, — сказал Рюген и задумался.

Я еще раз зафиксировал лицо дворецкого. Тот не выглядел опечаленным.

- Сюда, Ошо, — позвал Морт.

Я повернул голову к нему. Он уже перевернул труп на спину.

- Ошо, вот эту борозду на шее. И вот еще это.

«Вот это» было раной на животе, кровь из которой весьма скупо перепачкала рубашку и лежащий, как оказалось, под телом нож.

— И как ты это объяснишь, Ошо? Его задушили, а потом еще и зарезали? А потом — чпок! — и испарились из комнаты?

Я пожал крыльями.

— Я знаю, это риторические вопросы. А где остальные? — спросил он у дворецкого.

- Где-то в доме, — пожал плечами тот.

* * *

Подобных Эрику мы с Рюгеном часто встречали в Среднем Городе. И даже иногда в Нижнем. Правда, там такие люди выглядели совсем уж жалко. Здесь же, в Верхнем, благодаря прекрасному питанию, хорошему уходу, великолепной медицине, качественным наркотикам и непаленой выпивке — они имели все шансы дожить до старости. Насколько я знал, Рюген презирал такой тип людей — слабых, безвольных, склонных к алкоголизму, галлюциногенам, девочкам, иногда даже мальчикам, целенаправленно и методично губящим свою репутацию, здоровье, жизнь просто так, потому что они больше ничего не умеют делать.

Я видел, как Рюген старался не кривить губы — все-таки, Эрик был не из отбросов Нижнего Города, хотя по сути не так уж и далеко ушел от них. Я же методично фиксировал облик худосочного, когда-то явного красивого, а сейчас лишь бледной тени себя прежнего, юноши — высокий лоб со старательно припудренной угревой сыпью, водянистые глаза, на крыльях носа следы недавнего кровотечения, тонкие губы, длинная шея с острым кадыком, впалая грудь, нервные пальцы теребят пуговицу..

- А м-можно она н-не будет н-на меня смотреть?
- Это не она, это он, — пожал плечами Морт.
- Я имел в в-виду, п-птица.
- Это не птица, это биоробот.
- Да к-какая р-разница! П-пусть это н-на меня н-не смотрит!
- К сожалению, это невозможно. Ошо фиксирует наш разговор. И вас.
- В к-каком с-смысле?
- Ну, вдруг мне захочется переслушать наш разговор. И еще раз посмотреть на вас. Тогда Ошо как раз и предоставит запись и снимки.

Эрик поник, как воздушный шарик, из которого приспустили воздух.

— Прежде всего, я хотел бы принести вам свои соболезнования по поводу смерти вашего отца, — официально заявил Морт.

— С-спасибо, — вяло ответил Эрик.

— Итак, где вы были в момент убийства?

— В с-своей к-комнате.

— То есть, вы знаете, когда именно произошло убийство?

— Н-нет.

— А как тогда?

— Я п-просто в-весь день п-после общего обеда был в с-своей к-комнате! — занервничал парень.

— И чем вы там занимались? — ехидно спросил Рюген. Я понял, что он тоже увидел засохшую кровь.

— Не ваше дело! — истерично выкрикнул Эрик, от волнения даже перестав заикаться.

— Хорошо-хорошо! — миролюбиво поднял руки Рюген. — Расскажите, как вы узнали о смерти отца.

— Я б-был в с-своей к-комнате. П-пришел Г-гастон. С-сказал, что отец м-мертв. Я открыл д-дверь.

— То есть вы открыли ее только тогда, когда узнали, что отец мертв.

— Н-нет. К-когда узнал, зачем п-пришел Г-гастон.

— А вы всегда так делаете?

— К-как — так?

— Сначала узнаете, зачем пришел человек?

— Н-ну разумеется! Это же В-верхний Г-город! Тут н-надо быть н-начеку!

— Даже в своем доме?

— Т-тем более в с-своем доме!

— Боже, как у вас страшно жить, — вздохнул Рюген. — И что дальше было?

— С Г-гастоном уже б-была с-сестра. Я в-вышел и п-пошел с ними. М-мы зашли за м-мистером С-сэрпом. П-потом втроем п-поднялись, и...

Лицо парня начало подергиваться. Я моргнул и сделал еще один снимок.

Эрик разрыдался.

* * *

Я никогда не встречал близнецов, столь похожих — и одновременно столь же и различных. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что мы с Рюгеном вообще редко встречали близнецов. Это не самая популярная мутация в Нижнем и Среднем, да и не самая живучая. Видимо, в Верхнем Городе с этим все обстояло иначе.

Я стал фиксировать в том же порядке — белокурая челка падает на высокий лоб, голубые глаза зло прищурены, нос презрительно наморщен, так же презрительно кривятся губы, тонкие пальцы небрежно держат длинную — кажется, с настоящим табаком, который на вес золота даже в Среднем Городе, — сигарету. Ей мы явно не нравимся. И даже неизвестно, кто боль-

ше — Рюген, который старается сидеть так, чтобы не было видно изуродованную дурно вживленной мышечно-нервной металлосеткой щеку, или же я, моргающий с тихим щелчком на каждый дюйм ее элегантной комнаты.

— Вам обязательно таскать с собой эту ужасную сову? — да, видимо, я выигрываю в этом конкурсе на самый отвратительный гибрид механики и биологии.

— Ошо филин. Во всяком случае, маркирован он именно так.

— О, и зачем же он вам?

— Он записывает наш разговор. И фиксирует ваше поведение.

Бровь взлетела вверх.

— О, вот оно как! Если бы я знала, что останусь в веках, я бы приделалась по-праздничному.

Она явно языкастее своего брата. И, что хорошо, без дефектов речи. Будет легче расшифровывать запись.

— Прежде всего, я хотел бы принести вам свои соболезнования по поводу смерти вашего отца, — снова официальные нотки.

— Ой, да ладно вам, — махнула она рукой. — Вы его знать не знали — может лишь только как персонажа газетной хроники. Да и, кроме того, разве соболезнование — не чужеродное слово в вашей профессии?

— Я всего лишь хотел отдать дань этикету, — пожал плечами Рюген.

— Этикет вам благодарен.

— Итак, где вы были в момент убийства?

— Я не могу этого сказать. Потому что я не знаю, когда был этот самый момент убийства.

— Два часа назад.

— В своей комнате. Я весь день — после обеда, где мы присутствовали все четвером, то есть троим, а Гастон прислуживал — была в своей комнате.

— А зачем вы тогда спрашивали меня про то, когда произошло убийство?

— Мне было просто интересно.

— Вообще-то это был ваш отец — и вам всего лишь интересно?

— Мне это интересно лишь постольку, поскольку это был мой отец.

— Какие сердечные отношения, — язвительно пробормотал Морт.

— Привыкайте, если вам придется и дальше работать в высшем свете.

— Как вы узнал о том, что он мертв?

— Пришел Гастон, сказал, что отец мертв, мы пошли — ой, и правда мертв.

— А можете поподробнее?

Она вздохнула.

— Я была в своей комнате — читала книгу, если вас это интересует! — раздался стук в дверь...

— А дверь была заперта?

— Разумеется.

— Почему разумеется то, что в своем доме вы запираете дверь?

— Ну потому что мало ли что кому надо будет от меня, когда я не буду желать того?

— Хорошо, пусть, — кивнул Морт. — Продолжайте.

— В дверь постучали. Я спросила — кто? «Это я, Гастон» — был ответ мне. Я подошла, отперла дверь. Гастон был бледным — надо сказать, что он никогда не отличался цветущим видом — и выглядел взволнованным. Он пробормотал что-то вроде: «Хозяин мертв, надо, чтобы вы поднялись наверх». Я переспросила — что? Он повторил — «Ваш отец мертв, нужно, чтобы вы поднялись наверх». Я вышла, заперла дверь.

— А вы не слишком часто открываете-закрываете двери?

Она холодно посмотрела на него:

— Видимо, вы никогда не жили в больших домах.

— Да, это верно. Продолжайте.

— Мы прошли к Эрику. Судя по всему, он в тот момент... ммм... отдыхал.

— Как минимум семью миллиграммами, — ухмыльнулся Рюген, отворачивая от нее лицо.

— Не разбираюсь, поверю вам на слово. Потом — уже втроем прошли к мистеру Сэрпу, поднялись наверх, Эру открыл дверь — да, папаша мертв. Ужас просто.

— Мне показалось, что ваш брат очень переживал по этому поводу.

— Он по любому поводу очень переживает. Кстати, — проследила она, какую часть ее комнаты фиксировал я в этот момент... — это импрессионисты — если, конечно, это вам о чем-то говорит.

— Я не люблю такие картины, — небрежно сказал Морт.

— Почему? — без интереса спросила она.

— Они напоминают мне... — он пощелкал пальцами, подбирая слово. — Мусор. Хаос. Неразбериху. Намешанные в одну кучу детали, обрывки, мазки.

— Вы примитивны, — небрежно пожала плечами она. — Вы сейчас можете в отместку за эти слова поднять меня повыше в вашем списке подозреваемых, но я повторю — вы примитивны.

— Почему же?

— Ну, прежде всего, потому что путаете «не люблю» и «не понимаю».

— Да?

— Это свойственно всем примитивным людям. Они не могут что-то понять — не хватает либо их скудного образования, либо столько же скудного мозга, либо как раз в избытке банальная лень — но так или иначе они что-то не могут понять, и вместо того, чтобы повышать уровень образования, развивать мозг или же бороться с ленью, предпочитают убедить себя — и убеждать в этом другим — что им это «не нравится». Они это, видите ли, «не любят». А это уже совсем иной коленкор, да.

— Хорошо, — кивнул Рюген. — А еще?

Она внимательно посмотрела на него:

— Вы так пытаетесь избавиться от возможных подозрений в скудости вашего мозга?

— Слово «возможные» предполагает, что вы так не думаете? — сухо спросил он.

Она вздохнула и стряхнула пепел с сигареты.

— Я сомневаюсь, что у вас он вообще есть.

— Вот оно как.

— Ну а как иначе? — она обвела его контур сигаретой. — Как иначе? В вас столько... не своего... снаружи, то возникает закономерные вопросы, сколько не своего у вас внутри.

— Не своего, — просмаковал он. — Интересный эвфемизм.

Она пожала плечами.

— Но мы уклонились от темы, — сказал он. — Что еще?

— Ах, да. Вы просто не умеете правильно смотреть такие картины.

— Так научите?

— Надо просто отойти подальше, — внезапно устало ответила она. — Не вглядываться в детали — они лишь сбивают. А увидеть всю картину.

Рюген встал и отошел к двери.

— Надо же... — медленно произнес он. — Забавно. Никогда не думал...

— А вы можете думать? — печально оскорбила она.

— А у вас... у вас есть что-то не свое?

— Ну, во-первых, не ваше дело. А во-вторых — да, легкие, последствие юношеской попытки добраться до цеппелинов. Плюс — могу курить сколько угодно. Еще вопросы есть?

— Да.

— И?

— Добрались?

Она потушила сигарету — жестоко, практически размазав ее по пепельнице.

* * *

Мистер Сэрп. Короткий ежик седых волос, серый классический — очень дорогой — костюм, серые глаза, серая кожа, серый — практически без интонаций — голос.

— Вас смущает мой Ошо? — спросил Рюген, заметив, как Сэрп смотрит на меня.

— Не то, чтобы смущает — скорее он мне любопытен.

— Это технико-бионическое существо, — пояснил Морт.

— Как вы?

— В этих терминах я бы сказал, что я био-техническое... существо. Я же все-таки человек. А Ошо — робот.

— Не обижайтесь. Я не хотел оскорбить вас.

— Констатация факта не является оскорблением. Я всего лишь поправил вашу ошибку.

— Я просто знаю эти модели. Они были одними из первых. И я, надо признаться, весьма удивлен. Я думал, что эта линейка уже давно пришла в негодность.

— Как видите, Ошо весьма хорошо функционирует.

— Я поражен, да.

— Вы хорошо разбираетесь в старых моделях роботов?

— Только зная старое, можно разрабатывать новое, — развел руками Сэрп. — Моя же фирма как раз и занимается техническими разработками

в области роботостроения. Робот, максимально приближенный к человеку, но при этом без биовнедрений...

— Прежде всего, я хотел бы принести вам свои соболезнования по поводу смерти вашего друга, — сменил тему Рюген.

— Спасибо. Это действительно сильный удар для меня. И тем более сейчас, практически при мне...

— То есть вы хотите сказать, что меньше бы расстраивались, если бы это произошло, если бы вы были не здесь?

— Знаете... человек, очень сложное психологическое существо. Я бы тогда мог вытеснить из своего сознания мысль о смерти моего друга и думать, что он жив — просто не в состоянии со мной связаться...

Рюген задал ему те же вопросы — а Сэрп дал ему те же ответы, с поправкой на себя. Да, он встретился со своим другом и его семьей за обедом, а потом весь день находился у себя в комнате. Он любит интимность пространства, поэтому запер дверь и открыл ее только когда постучал дворецкий — как там его зовут? С дворецким уже были молодые Вайсы, и все вместе поднялись наверх, робот открыл дверь, его друг был мертв, это ужасно. Вот, впрочем, и все.

— Я бы еще очень бы хотел, чтобы убийца был найден сегодня до вечера, — попросил Сэрп, когда Рюген собрался уходить.

— Вот как?

— Да. Просто понимаете, я тут проездом... Челнок заберет меня вечером из Новой Гедонии обратно в Эринию. Я же живу и работаю там — а тут был в гостях.

— Ах, да «из города выдачи нет»?

— Вот именно, — кивнул Сэрп. — Вот именно. Мне бы не хотелось, чтобы несправедливое подозрение пало на меня...

— Несправедливое?

— Разумеется, я же невиновен. Разве у вас другое мнение?

Рюген пожал плечами.

— Так вот, я и говорю, что мне не хотелось бы, чтобы несправедливое подозрение пало на меня, но все бы говорили, что в связи с «из города выдачи нет» я ушел от наказания, — развел руками Сэрп.

— Вас так волнует этот моральный аспект?

— Меня волнует то, что в таком случае настоящий убийца останется безнаказанным.

* * *

— Запиши, Ошо, — сказал Морт через полчаса, просматривая снимки, сделанные мною и взятые у уборщика. — Запиши, что это самое глупое дело, с которым я... кхм... имел дело. Оно до невероятности скучное и унылое — при всей своей... кхм... невероятности.

— Давай, я сам буду литературно оформлять твои выкладки, — предложил я.

Рюген вздохнул.

— В любой из тех книг, что я читал, это было бы завязкой невероятной, увлекательнейшей детективной интриги! «Убийство в запертой комнате»! Всего четверо подозреваемых! И у каждого нет алиби!

— Не так громко, — попросил я. — Мои уши слишком чувствительны. Меня все-таки делали по проекту настоящих филинов.

— Извини, Ошо. Итак, удивительное убийство. Четыре человека, у каждого из которых мог быть свой мотив. И при этом — поразительная, невозможная скука. Всем просто наплевать на то, что Вайс умер. И тем более наплевать, что его убили. И знаешь, что Ошо... мне кажется, что мне тоже становится на это наплевать.

— Это плохо, — сказал я. — Это мешает делу.

— Это уже помешало, Ошо. Мне даже не хотелось вести с ними беседу. Да, я задал какие-то вопросы по делу... но потом разговаривал уже просто так. Ну да, крупный магнат убит. Ну да, его труп все еще тихо коченеет в пустой запертой комнате наверху. Но — ну и что? Король умер — да здравствует король. Минус один магнат — плюс новый магнат.

— Это непрофессионально, — заметил я.

— Я знаю, Ошо, знаю. Когда я работал охотником за головами — там все было просто. Были преступники, которых нужно поймать, был город, из которого их нельзя выпустить. Были правила, по которым эти люди были преступниками — я понимал и принимал эти правила.

— Или не принимал, — уточнил я.

— Ну да, — кивнул он. — Иногда. Совсем редко. В совсем частном случаях. Но как бы то ни было, Ошо — я знал, на что работаю. А тут... Мне все равно. Это неправильно. Сыщик должен быть заинтересован в деле.

— А у тебя никак не получается?

— Нет, — помотал он головой. — Никак. Ведь поводов для заинтересованности в деле не так уж и много. Деньги? О них речь не шла. Справедливость? Прости Господи, какая справедливость в Верхнем Городе. Профессиональная гордость? Ну только если она. Загадка? Скука окружающего убивает ее. Знаешь... я все чаще и чаще задаю себе вопрос — может быть, в том, что во мне остается все меньше и меньше... живого, может быть, в этом есть свой резон? Безжизненный, бездушный механоид расследует преступления равнодушных и скучных людей. Скажи, Ошо, когда я могу уже не думать о себе в контексте человеческого? Когда от меня останется десять, пять процентов себя? Или только имя будет моим? Что делает человека человеком?

— Это дело на тебя дурно влияет, — пожал я крыльями. — Развяжись с ним побыстрее. Вот тебе и заинтересованность — избавься от него в кратчайшие сроки. Правда, разумеется, не в ущерб качеству. Не ткни пальцем в первого попавшегося.

— Обижаешь, Ошо.

— Ну вот тебе и интерес. Слабо управиться до вечера?

— А если окажется, что слабо?

— Ты сменишь фамилию.

Морт посмотрел в окно.

В небе парили огромные неповоротливые туши цеппелинов, заброшенные со времен Войны Городов.

— Как ты считаешь, — спросил он меня. — Если попытаться куда-то добраться вдвоем, а не в одиночку, это получится?

* * *

Через час после этого нашего разговора все подозреваемые было собраны в гостиной. Рюген старался не улыбаться — но я видел, что он безумно рад. Кажется, и в этот раз со сменой фамилии у меня ничего не получилось.

— Возможно, это несколько старомодно, господа... — начал он. — Но мне захотелось, чтобы это дело было завершено именно так.

— О, уже даже завершено? — ехидно спросила Эрика, закуривая.

— Не знаю, обрадует вас это или огорчит — но да, оно уже завершено. Морт помолчал.

— Скажу сразу — мне почему-то было неинтересно это дело. Я даже обсуждал это с коллегой.

— С вашим диктофоном? — снова подала голос близнец.

— Для меня он коллега, — терпеливо сказал Рюген. — И прошу вас относиться к нему именно как к моему коллеге. То есть, если вы уважаете меня, то уважайте и его. А если вы не уважаете меня, — он посмотрел на Эрику, — то хотя бы уважайте его.

Девушка пожала плечами.

— Я не мог понять — зачем, — начал Морт. — Зачем такая сложность — убийство человека в запертой комнате, или же создание впечатления, что убийство произошло в запертой комнате? Как это произошло — второй вопрос. Точнее, вопрос, который должен быть вторым, но неизменно выходит на первый план.

Он похрустел пальцами механической руки.

— Но зачем? Мистера Вайса можно было убить где угодно — а потом так же где угодно спрятать, хотя бы в том же шкафу, что стоит в коридоре около пресловутой комнаты. До ужина никто бы не хватился хозяина дома, потом бы его нашли роботы-слуги... Это было бы гораздо проще. Потом бы появилась полиция, навела справки, осмотрела рану.. и поняла бы, кто убийца.

— Думаете? — спросил Сэрп

— Уверен, — кивнул Рюген. — По большому счету, это было бы дело часа, не более. Даже если бы у вас всех отсутствовало алиби — как, впрочем, и сейчас — это было бы дело часа.

Он все-таки не удержался и усмехнулся. Да, это выглядело жутковато.

— И я понял. Убийство в запертой комнате совершилось ради того, чтобы это была именно запертая комната. Это и было самоцелью.

Он сделал паузу.

— Но я еще попутно понял, как это убийство было совершено.

— Попутно? — удивился Сэрп.

— Да. Потому что в тот момент было уже неважно, как это именно произошло. Ведь я уже нашел убийцу.

— Погодите... вы выяснили, кто убийца, до того, как поняли, как было совершено убийство?

— Да.

— Но... по какому признаку?

— По тому, как оно нам было подано.

Рюген встал.

— Мой Ошо не просто диктофон, фотоаппарат и мой коллега, его память еще набита всеми книгами-детективами, которые когда-либо видели свет. Вам уже ничего не скажут эти имена — да и мне, честно говоря, тоже они ничего не говорили когда-то. Это уже сейчас только по стилю и интонациям, до того, как будет названо имя главного героя, я смогу отличить историю Агаты Кристи от рассказа Конан-Дойля... В этих детективах уже есть все возможные варианты преступлений, типы убийц, мотивации их поступков...

— То есть, вы просто быстро прочитали книжки и нашли нечто похожее? — усмехнулась Эрика.

Рюген покачал головой.

— Нет, ни в коем случае. Я еще не прочитал все книги, что в Ошо — но даже если бы это было так, то я бы не смог запомнить их. Один весьма знаменитый в свое время герой детективов — некий Шерлок Холмс — говорил, что человеческий мозг обладает конкретной вместимостью. И нечего забивать его тем, что потом не понадобится — в ущерб действительно важным для работы вещам. И Холмс знал лишь только то, что ему было нужно — будучи весьма необразован во многом другом. Вполне вероятно, что это всего лишь художественный прием — но кое в чем автор прав. А именно в том, что человеческая память действительно весьма избирательна. Так что я даже и не стал копаться в ней. Я пошел по другому пути.

Он сделал паузу. Я хотел сказать ему, что он перебарщивает с театральностью, но передумал. Мне тоже было интересно.

— Был такой автор — Честертон, который, кроме всего прочего, писал и детективные романы. И в этих романах главным героем — собственно, сыщиком — был некий патер Браун, милый кругленький человечек, который, будучи священником, при этом гениально раскрывал преступления. И когда его спросили, как он это делал — скромно ответил, что он и был преступником.

— С-силен с-священник! — выпалил Эрик.

— Вы тоже ничего не поняли, — улыбнулся Морт. — Тот герой, кто спросил об этом Брауна, тоже не понял его реплику. На самом деле патер имел в виду, что он начинал мыслить как преступник.

— Т-то есть в-вы хотите с-сказать, что...

— Да, именно так. Я попытался понять, зачем убийца провернул такую сложную схему — и в тот момент понял, кто он.

Рюген сделал паузу.

— И? — напряженно спросил дворецкий.

— Я сейчас понимаю Эркюля Пуаро, — мечтательно протянул Морт.

— Кого?

— Да, еще одного героя детективных романов. Он очень любил собирать всех подозреваемых в одной комнате и выступать перед ними с долгой речью о том, как он раскрыл преступление — и только потом, в самом конце, сообщать, кто же убийца. Да, в книге это выглядело занимательно и напряженно — только я не мог понять, зачем это ему нужно было на практике. Неужели нельзя было просто сказать — «убийца ты, потому что так и так»? Зачем было все это «это было так, но я думал, что эдак, оказалось, что я ошибся, потом я понял все правильно, это было вот так, не правда ли, господин Смит»? А вот сейчас я понимаю. О да! Сейчас я понимаю, зачем это!

Он хлопнул в ладоши.

— Я судил тогда по своему опыту охотника за головами. Там же совсем другой ритм жизни — погони, засады, маскировки, вынюхивание. А здесь все иначе. Копание в людских интригах, взаимной ненависти, изоциренного ума и отчаянной глупости. Ты вымазываешься грязью тут куда больше, чем на самых нижних этажах нижнего города.

— Это очень пафосно, — стряхнула пепел Эрика, — Но нельзя ли ближе к делу.

Рюген усмехнулся. Эрик поежился.

— Это маленькое наслаждение — игра с властью. Не с властью сильного — а с властью знающего. Вот вы — два наследника, один магнат и даже вы, дворецкий, получающий за месяц больше, чем я напахивал за год — вы все обладаете в той или иной степени властью над людьми. Денег ли, статуса ли — Гастон, я видел, каким взглядом вы смерили меня при встрече, это тоже последствия какой-никакой да власти. А сейчас вся власть тут у меня. Я могу ткнуть на любого из вас пальцем сказать — «убийца — ты!». И все, никто ничего не сможет поделать.

— Если вы ткнете на невинного, то он сможет доказать вашу неправоту, — пожал плечами Сэрп.

— Если сможет. Я несколько знаю ваш мир. В нем можно доказать свою невинность, только если в ней будут заинтересованы окружающие. Если же им выгоднее, чтобы виноватым назначили вас — то так оно и будет. Здесь же один человек — сам убийца — заинтересован в том, чтобы виновным назначили кого-то другого, а всем остальным на это наплевать.

Рюген вздернул подбородок вверх.

— Так что это моя плата за сегодняшнюю работу — подержать вас в руках и посмаковать свою власть.

— Это мелко, — сказала Эрика.

— Наверное, — согласился Рюген. — Но мне это пока нравится. И я опять отклонился от темы. А ведь... Ошо, который час?

— Пять, — сказал я.

— Пять, — повторил он. — Господин Сэрп, когда у вас челнок на Эринию?

— Через три часа. Надеюсь, что вы успеете рассказать свою захватывающую историю к этому времени.

— О, не беспокойтесь. По сути, осталось совсем немного. — И так,

как бы построить свой рассказ... — побарабанил он пальцами по подбородку. — Думаю, что я все-таки пойду по наиболее извилистому пути.

Он откашлялся.

— Вы видели позу, в которой лежало тело? Разумеется, для вас она могла ничего не говорить, но для меня она была... по меньшей мере странной. Человек не падает так. Это больше похоже на судороги после принятия какого-нибудь яда, но как правило, после подобных ядов окоченение наступает слишком быстро — раньше, чем обычно. Окоченение же тела мистера Вайса шло по обычной схеме. Затем — удушение и удар ножом. Удушение явно привело к смерти — об этом говорит ножевая рана, которая была нанесена посмертно. Нож, который лежал под животом... Все эти детали выглядят так... странно. Даже слишком странно...

Рюген помолчал.

— Убийца сначала задушил. А потом спрятал тело в шкаф, что стоит в коридоре. Затем запер дверь изнутри и лег в позу, в которой его невозможно было признать. Он знал, что с минуты на минуту придет робот-уборщик, увидит нечто непонятное во вверенном ему помещении, зафиксирует все — и уйдет. Заперев дверь снаружи — что можно будет спокойно открыть. Затем убийца встал, вынул тело из шкафа, перенес его в комнату — уложил его на пол — точь-в-точь такой же позы, какой лежал и сам. Вот отчего и зачем были те меловые метки на полу! Да, забыл сказать. Нанес покойному удар в живот — просто так, чтобы запутать следствие — и только потом уложил на пол. А потом спокойно вышел, заперев дверь снаружи — и поднялся в свою комнату. И стал ждать паники — точнее сдержанного любопытства — и прибытия полиции.

— Но почему он так сделал? — развел руками Сэрп.

— Зачем, — уточнил Морт. — Здесь нужно говорить «зачем». Все преступления — особенно связанные с убийствами — делятся на те, что «почему?» и те, что «зачем?». Убийства «почему», как правило, спонтанны. Они совершаются или в состоянии аффекта, или полными идиотами. Убийства «зачем» иные. Они имеют расчет и смысл. Лишь иногда в них вкрадывается «почему» — если по какой-либо причине предмет или объект «зачем» не сработали. Например, от первого же удара по голове молоток разлетелся на части, пришлось добивать жертву подвернувшимся под руку телефонным справочником.

Эрика звонко рассмеялась.

— Спасибо, — сказал Рюген. — Любое действие человека вообще можно рассматривать с позиции «почему» и «зачем».

— Вот как, — хмыкнула Эрика.

— Вот, например, ваши реплики, которые перебивают мою речь, — спокойно продолжил Рюген. — Я прекрасно понимаю, что это пафосное и театральное выступление — но я заранее предупредил, что так это и будет выглядеть. Можно задать вопросы «почему» вы это делаете, и «зачем».

— Попробуйте, — усмехнулась Эрика.

— «Почему» вы это делаете? Потому что вам скучно. Почему вам скучно? Сейчас будет известен убийца, это же кульминационный момент! Так часто делает сам преступник, да. Чтобы ввести сыщика в растерянность.

Или выставить его идиотом, чтобы никто не поверил ему. Это хорошо действует особенно в тех случаях, если сыщик сам по себе является несколько эксцентричным. Может, даже просто странным. Ничего общего не находите?

— То есть, вы только что сказали, что я — убийца? — подняла бровь Эрика.

— Что? Ах да... то есть нет, я всего лишь привел вам пример.

Эрика усмехнулась.

— Вы перебиваете меня «затем», чтобы быть чуть выше всех здесь.

Девушка побледнела.

— Только человек, желающий быть выше всех, будет пытаться забраться на цеппелины. И только потерпевший в этом неудачу, будет упорно биться дальше.

Эрика молчала.

— Думаю, что из данного диалога вы сделали вывод, что я не считаю мисс Вайс убийцей, — обратился Рюген ко всем. — Она можете покинуть эту комнату, если хочет.

— Думаю, я задержусь... — дрогнувшим голосом сказала она.

— Любопытство! — возвестил Рюген. — Любопытство, которое, как известно из старой поговорки, сгубило кошку. И чуть было не сгубило все это дело. А спасло его — как ни странно — все то же тщеславное желание мисс Вайс быть выше, покрасоваться перед случайным собеседником. Никогда ничего нельзя делать в одиночку, только вдвоем, только вместе с кем-то ты докопаешься до истины, ты достигнешь высот... ты будешь там, где хочешь быть. И этот «кто-то» может появиться совершенно внезапно — сам не ожидая, да подчас и не желая этого.

— Вот как? — спросил Сэрп.

— Есть такая фраза «за деревьями не видно леса», — пояснил Морт. — В старых книгах сыщики так упорно лопатили каждую долю дюйма в поисках улики... Так собирали каждую крупинку пепла, по которой они могли бы восстановить всю картину преступления... Что я, признаюсь, оказался в такой растерянности перед этой тайной пустой и закрытой комнаты, что мне стало скучно и захотелось бросить все это дело. Я просто не знал к чему подступиться. И если бы я начал действовать, как старые мастера, то просто бы запутался во всех деталях. Да и не только я. Любой бы полицейский не смог бы — во всяком случае, быстро — разобраться в этом деле. И если бы не краткая и экспрессивная лекция мисс Вайс по поводу импрессионистов... Я всего лишь отошел подальше и перестал смотреть на детали. И увидел всю картину! В которой совершенно были неважны никакие детали!

Рюген перевел дух.

— Зачем все эти сложности? Чтобы запутать полицию. Чтобы вместо того, чтобы искать убийцу, они задались бы вопросом — как произошло убийство. И потратили бы на это часы. А может даже дни. Или — о ужас! — неделю!

— Но все равно бы нашли? — улыбнулся дворецкий.

— Я не склонен переоценивать нашу полицию, — уклончиво ответил

Рюген. — Но думаю, что нашли бы. Но только даже завтра это было бы уже бесполезно.

— Почему?

— Потому что с города выдачи нет. Не так ли, мистер Сэрп? Старое правило, оставшееся еще с Городских войн? Города не имеют общей юрисдикции. Преступление, совершенное в одном, не имеет никакого веса в другом. Приехать сюда, убить старого друга — друга ли? — и обставить все так, чтобы уехать, совершенно официально уехать до его раскрытия. Всем наплевать на покойного мистера Вайса. Верхний Город — всем наплевать на всех, а большинству еще и на себя. Только несчастная полиция уныло отдувается за наличие старых законов — есть труп, значит нужно расследовать и найти убийцу. И они находят — прекрасно находят! И вы знали, что они найдут — просто вам нужно было их чуть придержать. Заманить мистера Вайса в пустую комнату... это было легко, тут все параноики, сидящие под замками... знать, что именно эта модель робота — а вы же работаете со старыми моделями! и думаю, что причина убийства могла быть именно в расхождении взглядов на антропоморфность роботов, которая вылилась в проблемы с финансированием ваших проектов — делает снимки именно с такого ракурса... продумать позу.. Дьявол в деталях — и вы выпускаете этого дьявола. А потом разыгрываете небольшой спектакль — вам даже не нужно напрягаться, тут никому неинтересна скорбь. И все. Потом лишь дожидаться, пока полиция провозится до момента X, развести руками — вас, как гражданина другого города, не могут задерживать по причине всего лишь подозрения — и улететь. Все.

Наступила тишина.

— Вы не докажете, — ответил тот.

— Если б вы знали, как часто эта фраза звучала в старых книгах, — улыбнулся Рюген.

— И как на нее отвечали?

— По-разному.

— И как ответите вы?

— Лишь то, что никто из здесь присутствующих не заинтересован, чтобы доказывать вашу невиновность.

Молчание.

— Всем наплевать на всех, да. В том числе и на вас. Ошо, ты все записал?

— Конечно.

— Замечательно. Пошли скриптограмму полковнику Лоуренсу, что мне в течение часа нужен человек, обладающий полномочиями ареста в Верхнем Городе. Скорее всего, это будет он сам.

— Хорошо, — ответил я.

Наступила тишина.

— И что там в ваших старых книгах происходит потом, когда преступник найден? — вдруг спросила Эрика.

— Я не знаю, — беспомощно признался Рюген. — Кажется, это авторам было уже неинтересно.

Вчера я снова сказал Морту, что его фамилия несколько претенциозна — особенно учитывая то, чем он сейчас занимается, и тем более учитывая то, чем он занимался раньше — и предложил сменить ее на что-то более простое, пусть даже и столь же звучное, но менее тематическое. Он задумался, а потом ответил, что, учитывая то, чем он сейчас занимается — а тем более, чем он занимался раньше — весьма вероятно, что скоро она будет единственным, что у него останется своего. И чтобы я катился со своим предложением ко всем чертям — или что там у старых занудных филинов.

И я понял, что он ответил на свой самый главный вопрос.

А еще мы на днях будем пытаться добраться до цеппелинов.

Втроем.

Об авторе

Родилась в 1981 году в Омске, где до сих пор и обитает. Закончила Омский Государственный университет по специальности «культурология» и магистратуру «история». Преподаватель вуза, журналист, театральный критик, музейный работник и много кто еще.

Имеет ряд научных публикаций; ряд журналистских публикаций; художественные публикации: проза (фантастические рассказы) в альманахе «Полдень XXI век», журнале «Уральский следопыт», сборнике «Полночь дизельпанка», областных литературных сборниках «Складчина», «Когда-нибудь мы встретимся», «Можно коснуться неба», «Годовые кольца», поэзия в журнале «Переводчик», областном сборнике «Когда сильна уверенность в тебе»; литературная критика в областном сборнике «ПарОм». Лауреат областной молодежной литературной премии Ф.М. Достоевского, лауреат международного конкурса поэзии «Стихи о переводе и переводчиках». Участник и ведущая областных литературных семинаров.

Владимир Венгловский

Кто малиновку убил?

— **Р**оби! Роб! Открывай скорее!
Громкий стук в дверь отвлек Робина от его обычного вечернего занятия.

— Не заперто! Входи, давай, — недовольно проворчал Робин, продолжив считать вполголоса: — Двадцать четыре, двадцать пять...

Эхо от грохота металлической обшивки затихло в глубинах жилых отсеков, слившись с общим привычным шумом. Где-то гудели грузовые лифты, шелестели гусеницы тележек; в ответ на работу горнодобывающих машин вздрагивали стены. Дверь отъехала в сторону, в комнату влетел Хосе-Вискача.

— Роб! — заверещал он, на мгновение запнулся, но быстро опустил взгляд вниз, обращаясь к голове Робина, а не к э-э-э... противоположной его части.

Робин висел вниз головой, зацепившись ногами за перекладину под потолком, и поднимал туловище, качая пресс. Рядом на полу лежали тяжелые гири со стертыми ручками.

— Двадцать шесть, двадцать семь... Ну, говори, зачем пришел.

— Понимаешь... Это насчет Вольфа.

— Что?!

Робин прыгнул на пол и выпрямился. Рядом с Вискачей он выглядел настоящим гигантом.

— Что с Вольфом?!

— Возвращается после сторожевого вылета, — затараторил Хосе. — Все прошло спокойно. Он дал свои позывные Маяку. Но... — Взгляд Вискачи забегал по комнате, проскочил по фотографиям на стене и остановился на большой картине с зеленой травой. — Вольф задержался во время посадки, отстал от Крыла. Понимаешь, он не отвечает на запросы. Может, испортилась связь, а может... Ну, ты же его Смерть, Роби, и я подумал... Я сам вспомнил про тебя, Роби. Правда-правда. Там пушку разворачивают, только ведь он все равно сесть успеет.

Вискача выпалил последние слова уже в спину Робину, который, как был голый по пояс, так и рванул по коридору к выходу. Лишь схватил меч с подставки в углу комнаты. Бластер, как всегда, висел в кобуре на поясе, колотился о бедро во время бега — привычная и неизменная часть снаряжения.

Потому что поселенцы на Марсе рождаются и живут с оружием в руках.

Потому что никто не знает, когда друга настигнет изменение, и потребуется удар Обещанной Смерти.

* * *

В семь лет свободного времени хоть отбавляй.

Рослые, крепкие, с покрасневшей обветренной кожей мальчишки выглядели, словно неразлучные братья. Куда Роби — туда и Вольф. Где замечен Вольф — там ищи и Робина. Правда, Роби на три месяца старше, и Вольф всегда признавал его лидерство во всем, что касалось Хитрых Идей. Но нынешняя Идея родилась в голове именно Вольфа, под копной светлых непослушных волос, торчащих, словно иголки рассерженного ежа.

— Найдем и убьем! — гордо сообщил Вольф, сжимая рукоять тяжелого бластера, оттягивающего пояс — того и гляди свалится вместе с кобурой и штанами.

Эх, хороша мысль, нельзя не согласиться. Жаль только, что не Роби первым додумался отправиться на охоту за степным волком-убийцей. Вот уже неделю хищник терроризировал поселение. То козу задерет, то собаку. Но точку поставила сегодняшняя ночь, когда волк утащил младенца толстухи Лили, что живет на восточной окраине.

— Ладно, идем, — согласился Роби. — Давненько я ни по кому не стрелял.

Вольф хотел сказать, что «давно» — это не позже вчерашнего дня. Хотя... Вчера было не по «кому», а по «чему» — не повезло старому ветряку на Развалинах.

Вчера друзья выслеживали Измененного среди старых мертвых домов, и тишина Развалин наблюдала за мальчишками черными провалами окон. Тихо шелестел по камням колючий ржавый песок. «Скрип-скрип», — поскрипывал одинокий ветряк, неизвестно как уцелевший после всех пылевых бурь.

— А ты откуда знаешь, что здесь есть Измененный? — проговорил Вольф. Почему-то шепотом. Он, конечно, хотел сказать громким уверенным голосом, но, наверное, повлияли длинные тени, оживающие под заходящим багровым солнцем. Да! Точно! Это вечернее колдовство Марса, не иначе.

— Чувствую! — важно ответил Роби. — Он где-то спрятался.

И шумно втянул воздух, словно Измененного можно найти по запаху. «Скрип-скрип».

— А... — хотел было спросить Вольф, глядя на друга, заложившего большие пальцы за пояс — ну прямо первопроходец-исследователь. Пионер космический. Хоть картину пиши, одну из тех, что в музее висят. Но вопрос «...где ты научился?» остался произнесенным, потому что...

«Ба-бах!», — раздалось позади.

Вольф и Роби подскочили на месте, повернулись и одновременно выстрелили.

«Все равно — напуган ты или нет, стрелять должен не задумываясь, не поддаваясь страху, а выпуская его в виде ярости».

Так говорил учитель.

Энергетические разряды прошелестели выше головы смуглого мальчишки и врезались в башню ветряка. Хорошо, что он такой невысокий был. В смысле не ветряк, а незнакомый мальчишка. Он стоял прямо перед друзьями, и его руки, из которых только что выпал кусок ржавой трубы, заметно дрожали. Дрожь постепенно поднялась вверх, задержалось левое плечо, и из дрогнувших губ вместе с каплей скатившейся на подбородок слюны вырвался стон:

— Э-э-э...

— Ну, извини-извини, — сказал Роби. — Мы не хотели. А ты кто? Что-то я тебя не припомню.

— Х-хосе, — пролепетал мальчика и наклонился за упавшей трубой, взмахнув черной челкой.

— Я его знаю, — вдруг сказал Вольф. — Слышал. Это чокнутый беспризорник.

С грохотом рухнул ветряк, проломив крышу старого дома.

— А ты где живешь? — спросил Робин у Хосе.

— Т-там, — беспризорник ткнул грязным пальцем в сторону сгущающихся среди Развалин теней.

— Здорово! — воскликнул Вольфи.

Потом друзья дадут Хосе прижившуюся кличку «Вискача». Но это будет гораздо позже. А сейчас...

Сейчас Роби повел себя так, словно Идея поохотиться на волка принадлежала ему.

«Ну, ладно», — подумал Вольфи и поплелся вслед за другом.

Взрослые охотники отправились на восток. Туда вели следы волка-убийцы. Но друзья знали, что волк — он ведь очень хитрый. Почти как Роби и Вольф. Правда, в своей долгой семилетней жизни мальчишки живого волка еще не видели. Только чучело. Ничего — подстрелят, тогда и посмотрят. Зато они точно знали: раз охотники пошли на восток, волк отправится в противоположную сторону. Там-то друзья его обязательно дождутся.

— А мы скоро волка найдем? — поинтересовался Вольф, наблюдая за большим скорпионом, пытавшимся забраться в пещеру под грудой валунов.

— Скоро, — убежденно ответил Робин.

Он ведь был Лидером. А Лидер в таких ситуациях должен с чувством собственного достоинства оглядывать горизонт, показывая всем любопытствующим, что знает он гораздо больше, чем сообщает.

Скорпион давно бы уже забрался под землю, но мешала колючая ветка, которую ставил на его пути Вольфи. Развернуться и убежать тоже не получалось. Скорпион злился, крутился на месте, цапал клешнями и лупил хвостом, оставляя на ветке ядовитые капли. Наконец он не выдержал и отчаянно зашипел-заверещал. Словно в ответ на скорпионий писк отчаянья в темноте пещеры холодно блеснули глаза.

— Роби! — закричал Вольф, забыв про бластер и падая на спину.

Это потом друзья узнали, что увидели всего лишь щенка-волчонка. После того как взрослые приволокли тушу убитого острозубого гиганта. А сейчас перепуганное не меньше мальчишек создание серой тенью промелькнуло над Вольфом, оставив у того на лбу глубокие царапины от когтей, и бросилось в степь. Робин выстрелил первым. Вольф — вторым, но в зверя попал именно он. Друзья подбежали к добыче. Задние лапы волчонка были сожжены, и зверек полз на передних, оставляя после себя мокрый красный след. Хищник обернулся и посмотрел на ребят затравленным полным боли взглядом.

— Давай, стреляй. Это твоя добыча, — сказал Робин.

Вольфи двумя руками поднял бластер. Короткое толстое дуло смотрело волку между глаз. Через несколько секунд Вольфи опустил оружие.

— Он... Он живой.

— Да, — сказал Робин и нажал на спусковой крючок. — А теперь уже нет.

— Уже нет... — повторил Вольфи.

Словно оправдываясь за секундную слабость, Вольф начал стрелять и остановился лишь, когда на оплавленном песке остался выгоревший след. В воздухе противно пахло паленой шерстью.

Своего первого Измененного Роби убьет десять лет спустя. Это будет его молодая жена Джуди на втором месяце беременности.

* * *

Сжимая холодную рукоять меча, Робин вышел из здания. Ветер растрепал волосы и уколол грудь сотнями острых песчинок. Робин поежился. Истребитель класса «Виверна» уже стоял посреди площади. Клубилась, оседая, багровая пыль. Сгрудившиеся возле лазерной пушки люди тревожно галдели. Если выстрелит пушка, то взрывом истребителя раскурочит все вокруг. А если первым выстрелит истребитель...

Робин шагнул вперед.

Если выстрелит истребитель, Марс не досчитается нескольких десятков поселенцев. Вот ведь идиоты — бежать надо было. Бежать. А сейчас уже поздно — любое движение может спровоцировать стрельбу.

Еще шаг к ошетилившейся лазерными турелями машине.

Дымчатое стекло кабины надежно скрывало пилота от взглядов со стороны.

— Роби! Хорошо, что ты пришел! — это подбежал взмокший Дэниел. — Он! Ты! Сделай что-нибудь, Роби!

Дэниел одет в парадную форму командира Крыла. Для кого это он так вырядился? Вот ведь пижон! Дэниел словно споткнулся о взгляд Робина и отступил.

— Вольфи! — закричал Робин. — Это я! Я пришел, как и обещал, Вольфи!

В висках стучала кровь. Разболелся разъем на затылке. Но ведь металл не может болеть! В груди медленно зарождалась ярость.

— Смотри, Вольфи, я оставил бластер!

Оружие грузно шлепнулось в песок.

— Сделаем это как раньше, Вольфи. Как в старые добрые времена. Ты же помнишь?

По крайней мере, Робин очень на это рассчитывал.

* * *

Им уже по пятнадцать лет. Время в летной школе прошло незаметно. Друзья выросли, возмужали. На выбритых затылках давно блестели контакты информационных разъемов.

«Огнестрельное оружие не дарит того ощущения победы, как контактное, ближнего действия. Например, меч, — говорил учитель, взмахивая зажатым в руке клинком. Десятки глаз заворожено следили за его движениями. — Только пронзая врага оружием предков, вы выпускаете на свободу чистую ярость, позволяя ей вести вас к победе».

Робин и Вольф стояли друг против друга в пустом спортзале и сжимали мечи до побелевших костяшек. Длинные тренировочные клинки если и считались затупленными, то это означало лишь то, что упавшая на лезвие волосинка не будет перерезана надвое под собственным весом.

— Защищайся, Измененный!

Роб шагнул вперед и первым нанес удар.

«Дзынь!» — клинки скользнули друг по другу.

Вольф отвел меч Робина в сторону, остановив его движение широкой гардой. Взмах! Новый удар, отдающийся болью в пальцах. Эхо металось по спортзалу пойманным зверем. Робин сделал опасный выпад с левого бока, заставив Вольфа отступить в сторону и занять невыгодную позицию.

— Х-ха!

Выпад, вспарывающий рукав Вольфа. На пол со звоном упал меч. Робин шагнул вперед и толкнул друга корпусом...

— Нет, Роби! Нет!

Этот крик остановил Робина. Он вдруг понял, что стоит над лежащим Вольфом и обеими руками держит высоко поднятый меч. С направленного в грудь Вольфа клинка падали капли крови. Вольф держался за раненую руку и смотрел на Робина затравленным взглядом пойманного волчонка.

— Не надо, — повторил он.

Ярость схлынула. Робин отшвырнул оружие и протянул руку, помогая другу подняться.

— Прости, — прошептал он. — Тебе срочно нужно в медпункт.

Вольф стремительно бледнел.

— Сейчас-сейчас... Сейчас. Подожди, Роби.

— Что?

— Роби, — сказал Вольф, — когда придет время, и я изменюсь... Ты сделаешь это по-настоящему? Так, как победил сейчас.

— Да, — коротко ответил Робин.

Так он стал для Вольфа Обещанной Смертью.

Кабина истребителя приподнялась, и на землю выпало красное, кольчатое, словно дождевой червь, огромное щупальце. Когти на его конце скребли по песку, оставляя борозды. В толпе испуганно вскрикнула женщина. Кто-то, чертыхаясь, схватился за оружие. Робин предостерегающе поднял левую руку и уверенно направился к истребителю.

Выстрелов не будет. Мясорубка на площади отменяется. Остались лишь Робин и Вольф, неразлучные, как всегда.

Робин шел, а из кабины выползали все новые и новые щупальца. Противно пахло мускусом. Но Робин все равно слышал запах кипящего супа. Нос щипал нарезанный лук, и преследовал аромат накрошенного на кухонной доске сваренного мяса. Робин ненавидел суп.

Джуди, когда стала Измененной, совсем не походила на эту тварь, перевалившуюся через борт кабины. Хотя когтей было не меньше...

«Шмяк!» — шлепнулась на песок бесформенная туша.

Робин ударил мечом метнувшееся живой резиной щупальце. За мгновение до того, как склизкий обрубок покатился по песку, Роби увидел, что между когтей есть еще и рот, усеянный мелкими зубами. Второе щупальце хрупнуло под острым клинком, разбрызгивая кровь. Третье... Четвертое... Робин резал и рубил. Уклонялся от острых когтей и зубов. Его тошнило от запаха супа.

Щупальца кончились. Робин очутился возле большого красного пузыря, покрытого шевелящимися обрубками. К пузырю все еще тянулись провода нейроконтактов. На гладкой маслянистой коже проступали черты знакомого лица. Под высоким лбом с едва заметными тонкими шрамами-полосами на Роби смотрели взглядом затравленного зверька глаза Вольфа. Робин на секунду замер. Но лицо уплыло вглубь пузыря, сменившись огромной зубастой пастью. Робин вонзил меч в глубину розовой плоти, налегая на рукоять всем своим весом, проталкивая клинок все глубже и глубже. Из пасти Измененного вырвался хрип вместе с брызгами крови и осколками зубов. Пузырь лопнул, растекшись по земле розовой вздрагивающей лужей.

Робин вытер меч. Надо помыться и сменить выпачканные кровью брюки. К черту все. К дьяволу. В глубины проклятого космоса.

Подскочил Дэниел, что-то активно говорил, пытался пожать руку. Но Робин прошел мимо. Хотелось напиться. До беспамятства и поросычьего визга.

— Это я закричала, когда появился Измененный, простите.

Высокая стройная девушка с бледной, не знакомой с марсианским ветром кожей, подошла к Робину.

— Я впервые увидела монстра.

В баре было достаточно шумно. Шахтеры, пилоты, все о чем-то болтали, шутили, ссорились. Но за этим столом сидел лишь один Робин.

— Можно с вами поговорить?

Робин молча выдвинул свободный стул. Девушка села, положив руки с тонкими пальцами на стол. Руки были красивыми. Это Робин отметил машинально, не задумываясь.

— Когда прилетели? — наконец хрипло спросил он.

— Сегодня утром вместе с «Веной». Я журналистка из «Спэйс ньюс». Светлана Вишневская... Можно просто Света, — добавила девушка после минутной паузы. — Я...

— На несколько месяцев?

— Что?

— Я спрашиваю, на несколько месяцев прилетели?

— Ну... Да. Да, конечно.

Больше вопросов от Робина не последовало. Он сидел и, не отрывая взгляда, смотрел на закупоренную бутылку «Марсианской особой». В руке Робин сжимал пустой стакан.

— Робин, — нерешительно произнесла Света. — Вас ведь Робинем зовут, да?

Роби кивнул.

— Измененный... Он был вашим другом? Это правда?

— Да, — разлепил пересохшие губы Робин.

— И вы так просто его... убили. Извините. Я ведь не из любопытства. Мне надо написать статью. Я должна понять Марс.

— Вы его никогда не поймете. — Робин опустил стакан и посмотрел на Светлану. — Вы придете и уйдете, не оставив после себя следа. Как и сотни других. Чтобы понять эту проклятую планету, здесь надо прожить жизнь. Почувствовать собственной шкурой колючий ветер. Навсегда стать ее пленником. Отрастить хвосты, зубы, щупальца и черт-знает-что-еще и сдохнуть в красных песках. Либо уйти в бездну космоса к таким же чудовищам. Да! Я убил Вольфа. Но он умер перед этим сам, когда стал Измененным. Я лишь выполнил то, что обещал. И я ненавижу Марс за это. За подобные обещания. Вам этого не понять.

Робин вскрыл бутылку и наполнил стакан прозрачной жидкостью. Светлана мягко опустила ладонь на руку Робина, дно стакана стукнуло о поверхность стола.

— Так помогите мне, — сказала она и слегка улыбнулась.

Проходящий мимо Дэниел с бутылкой пива в руках хохотнул:

— Наш мистер Недотрога любезничает с новенькой? Так-так. Что-то явно случилось в марсианских песках. Ну, ничего, госпожа Светлана, если Нелюдимка не удовлетворит ваши запросы, помните, что рядом всегда есть я.

Робин зло посмотрел в сторону командира, затем обратился к Свете:

— Скажите, сколько времени может жить на Марсе человек до Изменения?

— Это зависит от интенсивности излучения поля Трансформации, — словно по учебнику процитировала Светлана. — Так как основное поле начинается на границе между Марсом и поясом астероидов, где сейчас база Измененных, то Марс не попадает в зону пика. Поэтому, люди могут года-

ми жить на его поверхности, сохраняя гуманоидный облик. Однако любой человек, находящийся на Марсе более полугода, накапливает в себе механизм трансформации, со временем вызывающий скачок мутации. И человек превращается в Измененного. Средняя продолжительность жизни на Марсе — двадцать пять лет.

Затем Света немного подумала, шевеля губами, и добавила:

— Плюс-минус три года. По последним статистическим данным.

— Значит, если судить по вашей статистике, — вдруг улыбнулся Робин, — мне уже плюс пять лет. Хорошо, Света, я покажу вам Марс. Мне ничуть не жалко потратить часть времени, которого я уже отвоевал у этой планеты. Только мне нужна правдивая причина, по которой вы прилетели сюда. Не желание написать статью. Ведь на Марс летят только добровольцы. Почему вы согласились на эту работу?

Света сжала губы, достала из сумки фотографию и молча положила ее на стол.

* * *

Робина мучили сны. Страшные, наполненные запахом лука и рубленого мяса. Вновь и вновь он переживал один и тот же день.

«Я ненавижу эту жизнь, Роби! Я устала жить в постоянном страхе».

И — «бам, бам, бам» гремели на кухне тарелки, бряцали крышки кастрюль. В такие моменты Робин пытался куда-то спрятаться, словно маленький ребенок. Говорят, во время беременности женщины хандрят, и у них портится характер. Оставалось только терпеть и ждать. Дождался... Каждый раз во снах с кухоньки раздавались рев и шипение. Робин вбегал, уже понимая, что случилось непоправимое.

В такие моменты Робин просыпался, задыхаясь от волнения, и ощущал, как колотится сердце. Руки все еще чувствовали холод бластера.

Но он ведь не мог тогда поступить по-другому?

* * *

Походная форма сидела на Светлане весьма... обольстительно. Робин неожиданно для себя отметил этот факт. С самого утра он встретил журналистку возле ее комнаты, и сейчас они вместе направлялись к Развалинам. К старому Городу, где когда-то жили первые колонисты Марса. Благо сегодня Робин не на дежурстве.

— А здесь красиво, — сказала Света, остановившись на вершине невысокого холма.

Всходило солнце, прогоняя с равнины ночную мглу. Блеклый Фобос исчезал, растворяясь в красноватом мареве. Даже Развалины в утренних лучах выглядели не страшно, а торжественно, олицетворяя собой памятник старине. Остатки купола устремлялись в небеса, словно все еще бросали планете вызов.

— Вы мне расскажете о старом Городе, да? — спросила Светлана.

— Я? Нет. Но есть кое-кто, впитавший Развалины в свои поры. Он до сих пор не хочет жить с людьми. Это Хосе по прозвищу Вискача. Здесь его логово.

— Вискача? — удивилась Света.

— Да. Знаете, есть такой пустынный зверек. Тащит к своей норе всевозможные безделушки со всей округи. Складывает у входа целую коллекцию без всякой на то причины. Просто так. Вот и наш Хосе тоже...

Света рассмеялась.

— Да, — улыбнулся Робин. — Он в детстве был совершенно чокнутым. А сейчас такой, нормальный, только немного со странностями.

— Точно, вискача, — указала Света на землю возле одного из домиков.

У темного дверного провала валялись куски ржавого металла, мотки проволоки, обломки старой аппаратуры.

— Вот паразит, — сказал Робин, поднимая с земли часы. — А я их искал. Когда он их спереть ухитрился?

Робин поднес часы к уху.

— Ты смотри, идут еще.

— Гости! — донеслось из дома, и оттуда выскочил Вискача, на удивление в чистом белом переднике. — Ура! Заходите-заходите.

Хосе принялся трясти Светлане руку.

— Рад, очень рад! Я ждал. Мне о вас Робин вчера вечером рассказывал. Все... Все вам поведаю о Развалинах. Попробуйте, какие булочки я испек. А какой здесь воздух!

Вискача вдохнул полной грудью и зажмурился от удовольствия.

— Разрешите вам, Светлана, представить нашего Вискачу, — усмехнулся Робин, застегивая часы на левой руке. — Плюс три года.

— Что? — не сразу поняла Света. — А! Ясно.

И она повнимательнее присмотрелась к Вискаче.

— Ну что ж, давайте пройдем в ваше жилище, — улыбнулась Света и достала диктофон.

Сияющий Вискача церемонно поклонился и прошел следом. Робин задержался снаружи. Он увидел упавший ветряк и тяжело вздохнул.

Здесь они играли с Вольфом. Вот тут выслеживали Измененного и едва не подстрелили бедного Хосе. Под этим камнем они поймали редкую бронзовку, из чьих крыльев сделали украшение для мамы Вольфа. А вон в тех развалинах дома из серого камня когда-то свила гнездо малиновка. Помнится, он долго пытался сделать лук, чтобы подстрелить маленькую юркую птичку. Хотел быть похожим на храброго воробья из песенки, которую пела ему в детстве мама.

Кто малиновку убил?

Я, ответил воробей.

Лук и стрелы смастерил

И малиновку убил.

Эта песенка — единственное воспоминание о маме. Больше ничего

Робин не помнил. Мама Изменилась, когда он был еще очень маленьким. И отец вскоре ушел следом за ней.

Все здесь — память. Каждый уснувший камень и каждый мертвый дом. Даже клубящаяся в воздухе ржавая пыль пронизана воспоминаниями.

Люди жили здесь, в Городе-под-куполом. Когда-то давно. Во время колонизации красной планеты. После отвоевания у Марса плацдарма началась терраформация. Новые технологии, обогащение атмосферы кислородом. Марс должен был превратиться в цветущий рай. Тогда еще никто не знал о поле Трансформации. Тревога началась, когда первые корабли, улетевшие дальше в черноту космоса, не вернулись назад. Многие исчезали без следа. А те, которые возвращались... У них на борту находили чудовищ — истерзанных, мертвых. И живых. Тех, что выжили в кровавом пиршестве.

Потом произошел всплеск Изменения на Марсе. Город-под-куполом погиб, захлебнулся в волне монстров. Лопнул, как мыльный пузырь. Это случилось задолго до рождения Робина. Животные из биолaborаторий не подвержены полю. Только человек. Звери выжили, вырвавшись на просторы планеты. Разум превратил людей в монстров.

Робин поднял с земли камешек и бросил в старый ветряк. Попал. Камень отскочил от лопасти и упал вниз, подняв кучку ржавой пыли.

«На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы», — вполголоса пропел Робин строки из старинной песни — пересказ с какого-то славянского языка и грустно улыбнулся.

Космос навсегда закрыт для человечества. Люди заперты в пределах собственной планеты. Дальше простирается проклятое поле Трансформации, уходящее в глубины космоса. Его нельзя почувствовать. Его нельзя понять. Оно просто есть. Черная материя, окружающая родную планету. Космическая тюрьма. Загон для скота.

Людам больше не о чем мечтать.

Проклятый космос! Проклятый Марс! Планета нафарширована полезными ископаемыми, как праздничный гусь яблоками. Потомки колонистов живут на чертовой планете, подыхая здесь чудовищами.

Из дома раздался крик. И рев, переходящий в сипение, давящее на уши, перехватывающее дыхание, раскалывающее голову ультразвуком. А затем Робин почувствовал запах готовящегося супа.

Из двери выбежала, не переставая кричать, Светлана. Споткнулась, упала на песок. Ее ногу сжимала когтистая лапа. Там, в сумраке дома, угадывались очертания зубастого бесформенного монстра.

Робин выхватил бластер и выстрелил. Перебитая лапа вползла в дом, брызгая кровью. Снова выстрел! Еще и еще. Робин стрелял, пока у бластера не закончился заряд.

Наконец все затихло. В доме клубилась расплавленная пыль. Робин подошел к Свете, смотрящей на него расширенными от ужаса глазами.

— Он... Вискача... Там...

— Все уже закончилось. Все прошло.

Робин поднял Светлану на руки и прижал к себе. Вытер чужую кровь с ее лица. Почувствовал, как бешено колотится сердце.

— Все уже хорошо.

Робин опустил Светину голову себе на плечо. Мягкие волосы приятно щекотали кожу.

Так они и вернулись к поселению — Робин всю дорогу нес Свету на руках. Девушка иногда вздрагивала, и Робин чувствовал, как промокает от слез рубашка. А мужчины никогда не плачут. Просто не имеют права.

Сегодня он убил Вискачу, и у него больше не осталось друзей.

* * *

Светлана проснулась, зажгла светильник и некоторое время лежала с открытыми глазами, изучая трещины на потолке. Пробежала взглядом по фотографиям, полюбовалась картиной, на которой летели белые голуби над зеленой травой. Потом наклонилась к спящему Робину и поцеловала в щеку. Робин что-то недовольно проворчал сквозь сон. Света улыбнулась и распушила ладонью его жесткие волосы. Слегка нахмурилась, когда пальцы прикоснулись к информационному разъему на затылке. Опустила руку ниже, дотронувшись к бьющемуся на шее пульсу, погладила грудь, покрытую буграми мышц и шрамами. Дотронулась до маленького медальона на шее.

Интересно, чей портрет спрятан в медальоне? Наверное, там та же женщина, что и на фотографии под картиной?

Робин резко схватил Свету за руку. Девушка вскрикнула. Только что она видела человека, и вот уже на кровати лежит сгусток ярости со злыми глазами. Извиваются щупальца, готовые впиться и разорвать на части. Нет! Это все тот же Робин. Он не Изменился.

Просто показалось.

Света обхватила колени руками, спрятала лицо и заплакала. На руке остался покрасневший след от пальцев. Робин долго гладил Светлану по худой спине.

— Ну что ты, перестань. Я не хотел тебя напугать. Просто... Так получилось.

Света посмотрела на Робина покрасневшими глазами.

— Ты камень, Робин. Бесчувственный булыжник. Что снаружи, что внутри. Я не удивлюсь, если у тебя под кожей вместо крови течет ржавый марсианский песок.

Робин помолчал, продолжая механично гладить ее спину.

— У всех вас. Вы все здесь срослись с планетой, словно камни. Привыкли к своему оружию. Смирились с происходящим. Смерть друга больше не кажется трагедией, а лишь привычной рутинной. Да, ты прав — я никогда не пойму Марс. И не пойму вас самих. Но, спасибо, что ты пустил меня в свой мир, Нелюдимка. И я не оставлю тебя одного.

Робин удивленно посмотрел на Свету.

— Тот мальчишка на фотографии, — кивнула Света на стену, — он кто?

— Это мой сын.

— Врешь!

Рука Робина дернулась, пальца сжались в кулак.

— У тебя никогда не было сына, — жестко сказала Света. — Эта фотография создана с помощью графического редактора. Вводишь изображения отца и матери и получаешь возможный портрет ребенка. Он растет и старится от заданного в программе времени. Воображаемый. Никогда не существовавший. А, может, это не твой сын, Роби? Может это ты сам? Таким, каким бы ты хотел быть, если бы тебя не лишили детства? Вон тот мальчишка, что бежит по зеленой траве с воздушным змеем в руках?

Робин обнял Свету за плечи и прижал к себе.

— У меня тоже не было детства, — едва слышно сказала Светлана. — Родители погибли во время Энергокризиса. Я жила в детдоме. Ничего своего. Кровать, тумбочка, воспитатели-надсмотрщики. Но я выстояла, не сдалась! Я теперь сама себе хозяйка! Когда было плохо, меня выручала одна вещь, которую я всегда ношу с собой. Я читаю книгу, подаренную папой. Маленькую книгу с историей про мальчика, играющего со своим медвежонком. И тогда я попадаю в детство, которого у меня не было. Смотри.

Света достала из сумки потрепанную бумажную книгу. Робин с интересом открыл тонкую обложку. С первой же страницы смотрел большой неуклюжий плюшевый медведь с добрыми глазами и глупым выражением на смешной мордочке.

У Робина никогда не было книг.

— Я всегда мечтала встретиться с таким медвежонком и побывать в сказке. Только это невозможно, — сказала Света.

Робин не ответил. Он протянул Свете медальон и раскрыл его с тихим щелчком. Внутри — фотография черноволосой женщины с веснушками и вздернутым носиком. По мнению Светы, совсем некрасивым.

— Ты ее еще любишь? — тихо спросила она.

— А ты своего? — вместо ответа задал вопрос Робин.

— Да. Нет. Не знаю.

И Света вновь спрятала лицо в коленях.

Тогда, во время их знакомства, она показала Робину фотографию молодого человека. Робин вспомнил его. Это был Станислав Полак, тоже пилот. Он прилетел на Марс лет пять назад. Но быстро сгорел, став Измененным.

— Он дважды просил меня выйти за него замуж, — медленно сказала Света. — Я дважды отказала. Дура. Он записался добровольцем на Марс. Кому и что хотел доказать? Мне? Себе? Я... Я не думаю, что он погиб.

Робин защелкнул медальон.

— Я не верю, что Стас погиб, — повторила Света.

— Почему?

— Понимаешь... Только не смейся, но мне кажется, что поле Трансформации — это не зло, не ограда и не дьявол. Это тест, понимаешь? Рубеж, граница. Не поле делает людей монстрами. Поле лишь раскрывает, подталкивает к чему-то. У каждой цивилизации должна быть своя цель. Преобразившись, люди могут выйти куда-то во вне, стать, кем захотят. Лучше. Ты понимаешь меня? Стас мог просто улететь. Кто знает, сколько кораблей просто не вернулось? Что с ними случилось? Может быть, они перешли свой рубеж?

Света говорила быстро, захлебываясь и глотая слова. Робин чувствовал, что слишком многое и долго она держала в себе.

Робин не перебивал. Он вспоминал, как истребитель Полака вдруг развернулся и открыл огонь по своим. Как Дэниел, тогда еще не капитан, а простой пилот, метким выстрелом превратил кабину взбесившейся «Виверны» в огненный ад. Она вспучилась изнутри и лопнула кровавыми осколками. Шансов выжить у Полака, вернее, у Измененного, не было. Космос не отпускает свою добычу.

Робин поцеловал Свету в губы, и она удивилась, насколько нежным получился этот поцелуй.

— Теперь ты от меня не избавишься, — прошептала Светлана, — даже не надейся, Робин-малиновка. Ты знаешь, твое имя на английском языке — такая маленькая быстрая птичка.

— Да, я знаю, — ответил Роби.

Когда Света проснулась в следующий раз, Робин сидел и, не отрываясь, читал книгу. Света не стала ему мешать.

* * *

— Это не рейд! Не обычный вылет.

Руки Красавчика Дэниела слегка дрожали.

— Маяк зафиксировал активность Измененных. Приближаются несколько истребителей. Уже близко. По машинам, Крыло! Быстрее, парни, пошевеливайтесь!

Проходя мимо Дэниела, Робин вдруг улыбнулся:

— Ты знаешь, кто такой Винни-Пух? — спросил он.

— Что? — удивился Дэниел и затем некоторое время смотрел в спину удаляющегося Робина. Пожал плечами, хмыкнул и поспешил к своему истребителю.

Нейровыводы привычным холодком присоединились к затылку. Дрожь пробежала по телу. Робин не любил такие моменты. И любил одновременно. Когда ты становишься кем-то другим, чувствуешь истребитель, как свое тело. И рвешься в полет металлическим драконом. В момент старта словно взлетает твоя душа. А потом ее остужает чернота космоса.

Свобода полета и приближающийся враг. Драконы должны столкнуться в смертельном поединке. Не имеет значения, сколько их и сколько тебя. Есть только жажда боя и ярость, которую ты выпускаешь наружу. Потому что владение истребителем — все равно, что владение мечом. Клинок становится продолжением твоих рук. Истребитель — тобою самим. Ты убиваешь врага собственной яростью, разрываешь на куски лазерным огнем из своих глоток. Вырываешь противнику горло, вцепившись в него стальными зубами.

И ты будешь драться, чтобы не погибнуть.

Робин активировал пушки. Залп! Летящая навстречу «Виверна» с Измененным в кабине пошатнулась. На ее правом борту вспух красный нарыв. Обшивка прогнулась и лопнула, оставляя в пространстве капли

остывающего металла. Раненой птицей враг попытался уйти с линии огня. Врешь, не выйдет! Робин доберется до тебя, Измененный!

Линию огня перекрыл истребитель Дэниела. Что он делает? Это ведь добыча Робина! Как он посмел?! Настигнуть мерзавца, вцепиться щупальцами, испепелить огнем. Дэниел в последнюю секунду почувствовал опасность и вывел истребитель из-под лазерных лучей.

«Робин спекся! У нас новая цель! Не дайте ему уйти!»

Как интересно звучат слова по системе связи. Робин... Маленькая птичка...

Но, Робин это же он сам! Он что — мертв? Как смешно. Он же не умер, он вот здесь, в глубинах нового тела. Спрятался и наблюдает со стороны. Это же так забавно и интересно. Или вдруг он все-таки умер? Отчего? Его кто-то убил?

Кто малиновку убил?

Я, ответил воробей.

Но ведь храбрый воробей — это же тоже он. Робин помнит, как делал лук и стрелы. Выходит, что он убил сам себя? Нет, это совсем смешно. Так не бывает.

«Бывает, — ответил кто-то, — ты мертв. Тебя поглотила собственная ярость, Измененный. Вот эта груда щупалец и зубов. Зря ты убил юркую птичку».

Плохая привычка разговаривать самому с собой. Скверная. Так и с ума сойти можно.

Нет, он не мертв! Надо выплыть на поверхность, вскарабкаться сквозь сеть щупалец, раздвинуть частокол зубов. Ведь Робин помнит чьи-то слова. Это же все несерьезно. Это всего лишь тест. Рубеж, который надо пройти. Так говорила Света.

Он вспомнил! Вспомнил ее лицо! Черт возьми, Света же расстроится, если он не вернется! Но ведь Робин вернется, правда? Ведь он может быть кем угодно. Он же должен подарить счастье тому, кто в него верит.

Робин возвращался. Щупальца втягивались. Зубы пропадали сами собой. Он Изменялся вновь. Руки обросли бурый мягкой шерстью. На стекле кабины отразился большой плюшевый зверь.

Робин летел к своей цели, уклоняясь от лазерного огня суесящихся вокруг истребителей. Человеком он стать еще успеет. Потом, когда расскажет правду, что поле Трансформации можно преодолеть.

* * *

Дэниел успел посадить истребитель первым из преследователей. Он подбежал к истребителю Робина, стараясь не отвлекаться на крики Светланы, которую держали и не позволяли приближаться к месту посадки. Задыхаясь от ржавой пыли, Дэниел заглянул в приподнявшуюся кабину. Потом сделал шаг назад. Еще и еще. Бластер выпал у него из рук. На губах появилась робкая недоверчивая улыбка.

Света вырвалась, разбив кому-то губы в кровь, и побежала к истребителю, плача и смеясь одновременно.

И в каких бы космических далях Светлана не была, какие бы прекрас-

ные миры не посещала, она навсегда запомнила день, когда впервые встретила свою мечту.

Об авторе

Родился 1973 году в городе Житомире (Украина), где и проживает по сей день. Женат. Воспитывает дочку. Работает ведущим инженером-программистом. Литературную деятельность начал в 2010 году. Пишет на русском и украинском языках в жанре фантастики, фэнтези, сказки и криптоистории. Рассказы публиковались в сборниках ЭКСМО, Астели, Фантаверсума, в периодических изданиях «Полдень XXI век», «Химия и жизнь», «Уральский следопыт», «Меридиан» и др. (более 40 публикаций) Неоднократный призер многих литературных конкурсов и фестивалей. Считает, что современная литература должна дарить людям надежду, мечту и желание жить.

Ефим Гамаюнов

В поисках свободы

Трава за краем дороги, высушенная равнодушным солнцем, бесцветная и пыльная. Если не останавливаться, она сливается в серовато-желтую ленту, даже не ленту, а целое полотно, тянущееся до самой границы видимости. Слева и справа, до самого горизонта, перебиваемое лишь редкими безлиственными деревьями, мумифицированными останками торчащие посреди холмистых пустых степей.

Жаркий ветер врывается в открытые «наполную» окна, далеко впереди над ровной стрелой серой бетонной дороги дрожит призрачное марево.

— Гляди, — Стик разрушает навеянную дорогой иллюзию полнейшего одиночества... и неуловимой свободы: когда только ты, машина и дорога. Нет ни скорости, ни времени, пространство словно застыло, почти не меняя ландшафт, а ветер... даже его почти не замечаешь.

Слева, еще далеко, перегораживая часть дороги, показался темный квадрат блокпоста — последнего прибежища, так сказать. Темный БМВ ХХ, почти неузнаваемый за наращенной броней, скользил, глотая километры похожей на разъявленную пасть решеткой радиатора, приближаясь к нему. За рулем покрытой пылью машины сидел Андрей, в соседнем сиденье — Стик.

Стик залез в бардачок, достал пару пистолетов, тяжелых русских ТТ-М, передернул затвор, дослал патрон и протянул Андрею. Вообще-то на постах не трогают, не должны, но лучше подстраховаться. Оружие лишний гарант независимости, проверено и доказано.

Под одноглазым взглядом крупнокалиберного пулемета БМВ осторожно подъехал к коробке поста. Метров за пять до гранитной стены высился столбик с прицепленным плакатом, написанным краской по листу фанеры: «Анализатор». Андрей вырулил, притормозил, сунул руку в круглое отверстие прикрепленного к столбику аппарата. В палец кольнуло. Считыватели мгновенно сняли информацию с вживленного в ладонь адаптера подключения: имя, возраст, ДНК, подключение, бонусы на счете... Анализатор сравнил каплю крови из пальца с полученными данными. Зеленый огонек.

— Теперь второй, — проревел громкоговоритель.

Андрей аккуратно и неторопливо развернул машину, стараясь не давать патрулю поводов пострелять. Стик проделал необходимые процедуры... прибор на миг замер. Когда зеленый свет мигнул, он выругался.

— Нормалек, — к машине подошел, вынырнув из-за гранитного угла, высокий мужчина, одетый в камуфляжные штаны и кепку, на шее «Калашников-2200», русая борода, прищуренные глаза. — Сталкеры?

— Хреналкеры, — пробурчал Стик.

— Шутишь, — утвердительно хмыкнул бородатый. — Смелый, типа?

Пулемет, приглядывающий за машиной, несколько человек в форме, вывалившихся кто откуда... Смелый, ага... и самому дерзкому давит на нервы.

— Ехать можно? — Андрей посмотрел на охранника. Чипы отмечены, в принципе они уже как бы проехали пост. Теперь ничего не удерживает, если кому есть охота пожить.

— Да ладно, парни, расслабьтесь. Ян меня зовут, — представился он. — Может, заправить надо? Патроны, еда? Есть курево.

Патронов бы не мешало, и бензина.

— Нет, нормально. Сами. Денег нет.

— Ребят, сказать по-честному, я вообще не понимаю, зачем туда лезут, — он указал за блокпост, — но с вашими русскими подключениями, вообще труба полная. Есть легальные натовские на месяц, на полгода, возьмете? Переподключитесь, меньше проблем.

— Точно легальные? — Стик почесал нос, вроде как в раздумьях.

Бородатый обернулся и махнул кому-то рукой. Подбежал молодой, бритый налысо парень, протянул пару коробок. Ян сунул одну Стику. Инглиш, фирменная голограмма. В коробке — блестящий браслет с пустым индикатором на одной из крупных граней. Новый, неиспользованный.

— Всего день носишь и можешь снимать, перепрошивает, регистрирует, все сам.

— Знаю, — отозвался Андрей. — Денег только нет.

Ян наклонился к окну:

— Дело такое, тут один чел хочет добраться до Праги, возьмете — два на месяц ваши. Нормально, сами знаете, русские ящики падают. Вчера еще один рухнул, скоро с таким подключением капец полный будет. Может, в Москве и нормально работает, они над собой поддерживают, а тут... С этими все будет ОК.

— Месяц? — Андрей глянул на Стику, — месяц мало.

— Потом кинешь денег и переведешь на полный, я не фонд помощи, — развел руками Ян. — Ну, один на полгода, ладно. Идет?

— А что за чел? — поинтересовался Стик. — Не из этих?

— Да нет, — Ян сплюнул, про «этих» поминать плохая примета, — Он тут часто проезжал. В этот раз с машиной у него чего-то, тут бросит; вернется, будет заниматься. Ласс, может слышали?

Андрей неопределенно пожал плечами, Стик повторил жест — может и слышал, разве упомнишь?

— Ну, так подбросите?

— А, если не секрет, чего так о нем печешься-то? — спросил вновь Стик.

— Не парень, ты точно шутник, — ответил бородатый. — Он сталкерит,

выносит сюда всякое. Подключения тоже его. Я ему помогу, он мне. Бартер.

Стик вопросительно посмотрел на Андрея, тот и сам понимал: подключение в запас неплохо бы иметь. Кусок свободы. Легально фиг получишь, если только перепрошиваться полностью: и национальность и страну-родину... Ну и зона покрытия лучше, фишек у натовских побольше. С другой стороны — если все получится... а если нет?

— Да, давай возьмем, — Стик кивнул патрульному, — Зови своего... чела.

— Он мой как и твой, — Ян обернулся и свистнул, — Ласс! Давай подгребай.

Доброй дороги им желать не стали — еще одна примета «не из добрых». Ласс оказался невысоким средних лет мужиком, одетый, как и большинство, в «военку». Худое небритое лицо, стальные глаза: острые, быстрые, цепкие. Поздоровался, закинул в багажник рюкзак, сел на заднее сиденье. Стик небрежно кинул коробки с иностранными буквами в бардачок, захлопнул. БМВ рыкнул, выпустив клуб синеватого дыма, и неспеша поехал вперед, объезжая блокпост. По другую сторону, кроме пулемета из дота торчал ствол покрупней — автоматическая пушка, навроде «Бури»: из Дикой Пустоши ждали всякого.

Андрей сверился с базами, порыскав в Сетке: подключение здесь не сбило. Вот дальше... По этой дороге им еще километров семьдесят-восемьдесят, карты в Хранилище староваты, не обновлялись несколько десятков лет. Может уже и дороги нужной нет, заросла или... да мало ли чего.

— Тебе до Праги? — переспросил молчавшего Ласса Стик.

— Вообще-то нет, — хмыкнул тот.

— Не хотел этим говорить? — спросил Стик. Сталкер кивнул, Стик продолжил, — А куда?

Ласс наклонился и ткнул на дорогу:

— Туда.

Стик обернулся к нему и поднял брови:

— То есть? Давай конкретней, кореш.

— Довезете куда-нибудь, чем дальше, тем лучше. Скажу где высадить.

— А обратно как?

— Как повезет, — ответил сталкер.

Вечером наткнулись на одинокий домишко — сторожку у ржавой железной дороги. Лучшего места для ночевки не найти: кругом степь, близко не подобрешься, и защита все-таки. За день не произошло ничего интересного — ехать старались старыми дорогами, вдоль основных, еще обновляемых на картах со спутников, встречались банды всяких уродов: Пустошь калечила большинство живущих на ее покрытой язвами плещи, кого физически, кого морально. Да и водились тут в основном сбежавшие из центров, не цвет наций. Хотя по данным Сетки, жили в основном с натовскими и юсовскими подключениями, так что отследить, или хотя бы

пересчитать, при небольшом желании, можно легко, но дальше-то кто ползет в Пустошь? Сами натовцы? Ха! Ресурсов тутошные гады немного тратят, на центры не лезут, ну и не до них. А русским подавно чихать.

Развели костер, прикрывшись стеной домика с одной стороны, и натянув маскировочное полотно с другой. Нормальное, с тепловой защитой. Ласс сказал, чтобы консервы не тратили, ушел в наступающие сумерки и через полчаса появился с парой крупных то ли крыс, то ли кроликов.

— На воле можно есть вольную пищу, — сказал он, — Здесь есть выбор.

— Философ, — пробурчал Стик, пока Ласс снимал шкуры и потрошил добычу.

— Да ладно, нормальный чел, — сказал Андрей, — Может пригодиться, сам знаешь, а ну как силики... позовем с собой?

— Странный он какой-то, как бы сам не из... Хрен его знает.

— Намекнем, предложим... Нет, так не скажем всего... Сами-то не знаем, чего уж...

— Смотри, Эндрю. Как бы, как бы... Я чего-то его в Сетке не вижу совсем, даже по буржуйским подключениям прошелся, до которых могу дотянуться...

— Блокируют, гады, вот и не видно. Я тоже пробовал, только тут я и тебя теряю иногда. Хуже-то не будет. А может... он же типа сталкер, опытный...

Стик проворчал под нос ругательство. Он — против, подумал Андрей. А сам он, скорее — за.

Крысо-кролики, прожаренные на огне костра заставили подумать, что выбор вольной еды — то что надо. Во время ужина Андрей осторожно, намеками, пытался выяснить у Ласса насчет его, ну и своих, получается, планов. Ласс слушал внимательно, переспрашивал, хмыкал.

— Ребят, а вы не в запасной блок Сетки намылись? — спросил он, едва Андрей на время прервался.

— С чего ты взял? — деланно удивился Стик, тут же по Сетке перебрасывая Андрею — «Класс! Всего не скажем?».

— Врете плохо, — ответил Ласс, — Да и так ясно. В той стороне, куда едете, нет ничего. А историю про вторичный блок я слышал тоже. Не думаете же, что только вы знаете?

— Ну... А ты что про это думаешь?

— Я заходил далеко, ничего похожего не встречал. А зачем вам?

Андрей посмотрел на Стика, тот кивнул: чего уж!

— Если найдем, я могу влезть на чужие спутники, будем на русские подключения больше фишек кидать, денег заработаем — не снилось никому! Можно зону увеличить, надежность. Дополнительно управление наладим, ящики реже падать будут. Или вообще натовские на наши перекинем по базам: что у них, то и у нас. И не отрубишь тогда, завяжем на их спутники, а? Если кто тронет, вообще всем кранты! Мечта... свобода!

— Свобода? Разве? — Ласс смотрел на Андрея. — Глянь туда.

Он ткнул рукой вверх. Небо почернело, рассыпались по темному покрывалу яркие искры звезд. Невообразимая даль, неизведанная глубина. Если глядеть долго, начинаешь себя чувствовать до ужасного одиноким и... ничтожным, что ли?

— Там летают привязанные к Земле спутники, дарящие радости иллюзорной жизни, но разве они свободны? Нет. Смотри выше, дальше. Там, понимаешь?

Андрей кивнул, он понимал, как ему казалось: там, далеко-далеко там, живет безмолвный и необъятный дух абсолютной оторванности, независимости, свободы.

— Хрень! — Стик вырвал из грез. — Ласс, вопрос только в том, пойдешь ты с нами или нет? Вот так все просто.

Ласс помолчал некоторое время, шевеля уголи палочкой, а затем сказал.

— Почему нет? Я бывал в той стороне, доходил до Старого Парижа, — он замолчал, Андрей мгновенно вызвал из Хранилища карту, отметил границы и переслал Стику, — Могу помочь. Я так понимаю, русские подключения не случайны?

Андрей закрыл плоскость с картой: за секунды связался со Стиком, обговорив маршрут, который сталкеру пока знать не следует. Узнает, может быть.

— Что?

Ласс повторил вопрос.

— Вообще-то да, — ответил Стик, — У тебя не такое? Тогда все равно тебе бесполезно, если идешь, то за нами.

Сталкер пожал плечами — пусть так.

Еще два дня БМВ ХХ гнал по пыльным, заросшим дорогам. Связь с Сеткой начала прерываться к вечеру второго. Без обновлений данных об окружающем, без сведений о состоянии организма, без звучащих в ушах музыки и новостей Андрею сразу стало не по себе. Он привык всегда, даже когда вроде бы оставался один, быть в «активе»: пропускать в поисках свежих фишек инфу, перенаправлять запросы, на которые знал ответ (лишний бонус-плюс на подключение, он... нелишний), быть на связи... Адаптер, подпитываемый теплом крови, словно сам подпитывал кровь. А тут — раз, и будто руки нет: пошевелить хочешь, но не можешь. Жуткое ощущение.

Во время коротких сеансов стабильного подключения он нашел и заучил орбиты и зоны покрытия оставшихся «своих» спутников, заодно отыскал сигналы с пары иностранных, поддерживающих (на самом низком уровне: только связь с центрами) русские подключения. Стику тоже было неуютно, ругался он по любому пустяку. Ломка, почти наркомановкая: пугающая пустота внутри.

Ласс ничего, казалось, не чувал: по пути указал на пару старых заправок с остатками топлива, его подключение («интересно, все же — какое?») давало значительно больше информации.

Все же связи пока хватало, чтобы не наткнуться на несколько столбов огромных торнадо, возникших прямо на дороге впереди: всего в паре километров, обойдя их по долгой дуге. Вихри медленно проплыли у самого края горизонта.

— Месят городишко, — Стик глянул через спутник: подключение работало.

— В прошлый раз тут таких не было, — мрачно сказал Ласс.

— Что, совсем? — Андрей тоже глянул через Сетку: вихри словно играли в догонялки, бегая друг за дружкой, соединяясь и разлепляясь вновь. Завораживающее зрелище.

— Один, редко два. Больше двух зараз я никогда не видел. И не тут, дальше.

— Думаешь, Пустошь движется?

— Она живет по своим законам, может и движется, — уклонился от ответа Ласс, — Я не знаю.

Стик уверенно вел маленький отряд по остаткам улиц разрушенного поселения без затерявшегося давным-давно названия. Андрей знал — в этом и есть фокус: с трудом разысканная на просторах Сетки карта, забытая и почти никому не интересная: старье! И еще несколько десятков фактов, описаний, схем, погрязших в миллиардах терабайт Хранилища, почти уничтоженных и стертых бушующими инфопотоками новомодных фишек. Мгновенный доступ к любой информации и совершенствование поисковых механизмов все же не могут охватить необъятное. А вот сбить с толку, увести с прямого пути... Биллионы профилей и ящиков в Хранилище, бывших и настоящих, вымышленных и двойных... Прыгающие по подключениям, изменяющие данные, нелегалы и «контрики», живущие по фальшивым подключениям... Вообще чудо, что Стик натолкнулся на такое. Ну и сам он немало покопался, в конце концов не самый слабый аналитик в «РусСети». Бывший, да и ладно, посмотрим, кто скоро будет держать Сетку..

Жалко его ХХ пришлось бросить, улицы тут условны: груды камней, гнилых деревьев, поросшие жесткой и колючей растительностью. И полуразрушенные дома по сторонам.

Они добрались до заросшей высокой сухой травой и густым кустарником площади, впереди высился серый невысокий дом. На него Стик и указал автоматом.

— Почему так думаешь? — спросил Ласс. Он тоже сжимал автомат — Андрей отдал свой, хоть Стик и был против. Странно. У Андрея осталась пара небольших скорострельных пистолетов — должно хватить. Действовать надо быстро, если кто засечет, тут не отбиться...

— Есть сведения, что от блока идет сигнал, но не на спутник, а рядом, всего на несколько километров. Если искать через Сетку, то кругом глушат излучения, так что не получится, — сказал Андрей, — В общем, вроде это вот тут.

Нужное здание сохранилось на зависть лучше остальным, лишний повод думать, что они не ошиблись. Запасной блок, как и остальные, «основные», строили военные. Делали на совесть, прочно. Взрывы и погода выветрили кирпич обычных домов, превратив большинство в груды обломков или застывшие скелеты с проломами пустых окон. У этого окон на фасаде было всего несколько, зато стекла в них отсвечивали тускло, но вполне живо.

— Силики могут быть? — спросил Ласс.

Андрей и Стик думали над этим вопросом задолго до похода, поэтому ответил Андрей сразу:

— По идее, нет. Тут если и были, то старые модели, а у них с кожей проблемы. И радиация, — он сверился с Сеткой, пока можно... ничего скоро будет можно всегда, — на пятьсот процентов выше.

Стик присвистнул. Он заметно нервничал, даже щека подергивалась.

— В пять раз, многовато. Надо быстрее в бункер, там должна защита стоять.

Трудно не согласиться. Они осторожно двинулись вперед, огибая площадку по краю, прижимаясь к полуразрушенным домам, приглядывая и туда: мало-ли какие мутанты могут завестись в эдаком месте. А ну как что-то большое и нехорошее? Да еще и голодное? Последний отрезок пути обошелся без происшествий: нечто шевелилось в черных глазницах слепых строений, нечто шуршало в траве и кустах, но на движущихся людей не лезло. Опасалось ли, жрать не хотело — не говорило, а Андрею не очень и хотелось узнавать. Он, внимательно вслушивался и всматривался, а заодно, пока была связь, распароливал архивированные коды, перекидывал их на внутреннюю память в адаптер подключения (скачать или проверить его тут уже не могли — рядом ни одного анализатора, ни одного сканера подключений). А вот если связи не будет, а все данные в Сетке... Ждать? Ну да, буддийской Пасхи.

Двери в здании, железные, массивные, внушали даже не доверие, а легкий страх перед несокрушимой мощью. Должно быть, так давным-давно смотрели пехотинцы на первые бронемашины-танки. Стик уверенно подошел первым, стукнул по ничему на первый взгляд неприметному квадрату с левой стороны массивной плиты, подцепил пальцем образовавшуюся щель и откинул небольшую дверку. Так теперь счет на минуты, сигнализация должна остаться: сигнал, что блок расконсервируют уже пошел на спутник, и сколько времени пройдет, прежде чем на это обратят внимание? Военные власти, ну и прочие... падальщики и сталкеры-мародеры.

Андрей подбежал, автоматические пистолеты болтались на ремешках, хлопая по бокам, рюкзак с запасом сухпайков оттягивал плечи, руки шарили по застегкам карманов — быстрее! Тонкая пластиковая карточка (раритет инициализации, умерший с появлением адаптеров подключений) неудобно легла в руку. Эдакая большая, эдакая бестолковая. Раньше, Андрей это знал, такие использовали для хранения денег и разных бонусных очков — для каждого бонуса свой. Потрясающее неудобство, к счастью стертая цивилизацией как устаревшее. Но, опять таки, к счастью — сохранившееся здесь. Сколько они намучались, пока не смастерили действующую карту... вроде действующую.

Все работало: стоило вставить каточку в узкий рот приемника, как замерцал датчик отпечатков пальцев (еще один архираритет — подключение заменило и его, и еще кучу всяких «паспортов» и... э-э-э, «удостоверений»). Сенсорный экран расцвел белым, предложив ввести код. Два самых сложных момента: Андрей приложил палец к датчику, тот подумал и засветился зеленым. Стик позади шумно выдохнул. Есть! Еще один домысел оказался фактом — спутники обновляли базы данных работников «РусСети»

и в закрытых блоках! И обновляли нечасто, перестраховываясь от возможных сбоев и взломов: увольнение еще не успели отметить.

Отлично! Андрей заметил, что руки у него подрагивают.

Первый код он ввел неправильно, экран мигнул красным и высветил — резервная попытка. Теперь не ошибиться: вперед или назад? Как они поменялись? Последние недели он рассчитывал механизм смены паролей. Раскрылся тот нелегко, да и неизвестно, раскрылся или нет... А если нет? Андрей ощутил холодную испарину... Тогда... можно попробовать через двенадцать часов, только вот продержаться тут это время... совсем не факт.

Назад или вперед?

— Вперед, — подсказал Стик.

Андрей хотел удивиться — откуда он знает, но пальцы уже начали вводить цифры. Хорошо, вперед, так вперед, Андрей добил остальные и свернул мешающиеся перед глазами плоскости с расчетами.

Зажужжали невидимые моторы, глухо взвыло, дверь тяжело дернулась и открылась, выпустив облако тончайшей пыли.

— Осторожно! — закричал Ласс.

Андрей мгновенно присел (инстинкт, не выбитый никакой цивилизованностью), в уши ударили выстрелы.

Нарвались! Изнутри? Нет! Он подхватил пистолеты и как можно скорее развернулся, выставляя их перед собой. Глаза наткнулись на лежащего Ласса, на груди того расплывались алые пятна. Андрея пробрал мороз — неужели уроды какие-то выследили? Он перевел глаза и увидел рухнувшего с другой стороны от себя Стика. Дернулся к нему и тут же застыл в недоумении.

Стика тоже пробило несколько пуль, но вытекающая из него жидкость белесого цвета означала только...

Силик!

— Что за..? — вырвалось у Андрея.

Стик... черт, киборг!.. зашевелился, Андрей рванулся, выбивая из поднимающейся руки оружие. Глаза Стика распахнулись.

— Ты..., — Андрей что-то хотел сказать, но горечь заполнила рот, — Зачем?

— Он использовал тебя, — еле слышно прошептал Ласс, — У них ограничение на подключение к информации... Ты добывал ее...

Жизнь уходила из сталкера, лицо стремительно приобретало сероватый оттенок. Черт! Голова у Андрея шла кругом... Вот Стик находит его, вот выкладывает свой план, все карты на стол, так сказать. Предлагает, дает начальные данные... Подсказывает очень нужное и вовремя. Даже минуту назад — вперед, он сказал, вперед! И, едва Андрей открыл путь, как...

— Не думай зачем, — проскрипел силик, — Прости, Эндрю... ты знаешь. Люди должны быть равными и свободными...

— Ты не человек! — Андрея трясло. — Ты чертов киборг, силик, из-за таких как ты...

Стик закашлялся: пули Ласса пробили жизненно важные органы, выдрав из синтетического тела жизнь. Он умирал... как и сталкер.

— Для тебя я не человек... для таких как я... если бы мне удалось... и другим... Эндрю, мы стали бы одинаковыми, конец войне... Ты не знаешь как

это здорово: распоряжаться собой, ты не понимаешь? Идти ку-у-уда хочешь, делать чччч хочешь. Без нелегалы-и-ых перепрошивок, без контроля... беееезззззззз.

Какой-то контур в электронном мозгу киборга замкнуло, и он отключился.

— Странно, что ты не увидел раньше, — сквозь шум в ушах услышал Андрей голос Ласса. — Поздно... Иди, делай с установкой, что считаешь нужным... Быстрее. Скоро тут будут другие.

— Вычислят по твоему подключению? — Русское тут не работало, — Какое ловит?

Мысли лихорадочно скакали в голове. Нужно срочно переподключиться, теперь уже неважно, но так будет быстрее. Что будет? Вызвать надо! Кого? Налаживать блок! Но без Стика. Что же он хотел... уничтожить? Да! Другим? А если они доберутся до основных установок? Уничтожить подключения... они хотят... Свобода? А если уже...

— Силик переподключился. Он... вычислят его... не меня... я... свободен.

Андрей посмотрел — на запястье Стика серовато темнел браслет. Когда успел? Теперь точно выследят, он же... таким не положено, они не могут менять! «Они умнеют», — подсказала мысль, — «Стик обманул, тебя, сканеры, анализаторы. И... кому он мог указать координаты?».

Вдруг еще одно понимание толкнулось в голову:

— У тебя нет?..

Такого не бывает! Разве может человек существовать без подключения?

— Загляни выше. Там. Ты поймешь...

Ласс замолчал. Андрей увидел как легкая дымка затуманила глаза сталкера. Спасшего ему жизнь, Свободного человека.

Он взглянул на застывшее тело силика, которого считал своим другом. Киборга, ищущего для многих подобных себе.

Все, они все искали Свободу. И у всех она была разная.

А вот где настоящая?

Тяжелая дверь захлопнулась за Андреем.

...Разве спутники, привязанные к земле, свободны?..

...Как подняться выше?..

Об авторе

Родился в 1976 году. Вырос и живет в городе Петровске Саратовской области. Работает в администрации города. Хобби и увлечения: по роду деятельности — компьютеры, по жизни — книги, главным образом фантастические.

Писать начал в 2002 году, публиковаться «рискнул» в 2006-м. С тех пор рассказы выходили в журналах «Порог», «Полдень 21 век», «Уральский следопыт», «Меридиан», «Шалтай-Болтай», альманахах «Словесность» и «Фанданго», в сборниках «Настоящая Фантастика» (2008, 2014), «Аэлита» (2008–2013 гг.), «Антология Мифа» (2012–2013). Участник мастер-классов Д. Казакова, А. Первушина и Д. Скирюка. В № 2 за 2008 год «Знание-сила: Фантастика» был напечатан рассказ «Похититель снов», в № 1 (14) за 2012 год — рассказ «Тот самый день», а в № 1 (18) за 2014 год — рассказ «Поймать молнию».

Александра Давыдова

Море Хикки

Миллионы чужих жизней за стеклом, и ни одну из них больше не придется понимать, принимать, трогать. Окно, как средневековая гильотина, отрубил меня от них, собрав достойную плату за свою работу. По-моему, справедливо. Ни одна из этих жизней теперь не зависит от меня, а главное — не завишу я от них. Не нужно их чувствовать. Прикасаться. Вникать. Для меня города больше не существует. И его жителей — тоже. Наконец одна. Наконец свобода?

Я прижимаюсь щекой к теплому камню. Сквозь мокрые ресницы смотрю, как заходящее солнце укладывается на плитку ровными квадратиками. На губах соленый вкус моря. Если глубоко вдохнуть, в носоглотке становится щекотно от брызг. Как будто сделала слишком большой глоток шипучки. Я слышу, как волны тяжело бьются о берег. Шум прибоя раз за разом накатывает и накрывает с головой. Хочется раствориться в пене. Я улыбаюсь. Слышится мелодичный звон, как будто разбился бокал. Я тянусь к коммуникатору. Он дважды выскользывает из влажных пальцев, на третий раз я лениво подтаскиваю его к глазам. На экране цветет и подмигивает фиолетовый ирис. «Как ты?» — интересуется Дрэ. Только вот незадача. Здесь нет никакого «ты». Есть только «я»...

Когда начинала затекать спина, я поднималась и, размахивая руками, как во время утренней зарядки, подходила к окну. Во всю стену. В свое время я выбрала эту комнату из-за ее нелепой треугольной формы. Похоже на рисунки по оптике в школьном учебнике. В основании треугольника — стекло, и сквозь него в жильца летят свет, и звук, и тьма, и преломляются, отражаясь от стен, смешиваются в многослойный коктейль.

— Ни мебели толком, конечно, не поставишь, — извинялась хозяйка, — ни развернешься. Зато совсем недорого за центр города, и вид, ты только посмотри, какой вид!

Я молча кивала и мечтала, когда же наконец эта женщина перестанет болтать, подпишет бумаги, развернется и уйдет. Когда можно будет хлопнуть за ней дверь, с удовольствием прислушаться к тяжелому «клац», закрыть все замки и осмотреть свою крепость.

Вид из окна и вправду был хорош. Все небо в сетке проводов, несколько уровней рельсов, подвесная дорога, окна многоэтажки напротив. По-моему, прекрасная экономия на картинах, фильмах и заставках. Захотелось раз-

нообразия — смотри в окно. Движущиеся картинки в онлайн-режиме, круглосуточно.

Я смотрела на небо и считала провода. Чаще всего верхние ярусы города затягивал туман, поэтому подсчеты удавались весьма приблизительно. Но зачем мне точные цифры, если важен сам процесс? Провода дрожали в такт проносющимся составам монорельса и тихонько пели. Я прижимала ладонь к стеклу и чувствовала, что оно тоже трясется. Ночью же, когда поезда ходили реже, оно было совсем неподвижным и холодным. И липким, если подышать на окно. За ним в холодце темноты виднелись огоньки города. Правильной гирляндой, вмерзшими в лед светлячками.

Когда спину отпускало, я возвращалась к монитору и рисовала очередного монстра. Или прекрасную воительницу, это как повезет. Везло, правда, больше на монстров. Особенно хорошо они у меня получались, когда на город опускался туман. Мягкий, тягучий, бесформенный. Лепи, что хочешь. Вытаскивай из влажного небытия за хвост самые уродливые тени. Плоди сущности.

Когда я переехала от родителей в отдельную квартиру, у нас в городе было около десятка миллионов жителей. За следующие три года их количество выросло вдвое. Весь горизонт заняли острые силуэты новостроек. Ленты новостей твердили о новейших развлекательных и бизнес-центрах, о кинотеатрах и стадионах, о больницах и университетах. Под окном протянулись свежеуложенные дороги. Провайдер набрал новых клиентов, и сеть начала подвисать. Лично меня волновало лишь последнее. Зачем дороги, если ты никуда не выходишь не то что из дома — даже из комнаты? И какое дело до людей тому, кто сам заперся от них в треугольной крепости?

Та сторона треугольника, в которой находилась дверь, была самой ненадежной стеной обороны. Как ни крути, ее приходилось открывать хотя бы два раза в месяц, получить заказанные из магазина продукты. Когда работы было особенно много или выходила новая онлайн-игра, я забывала есть сутками, и срок обороны увеличивался. Правда, отчаянно болел желудок, но я его задабривала обещаниями «больше никогда не голодать». Глупо, конечно, но он до поры до времени верил.

В третью стену были встроены крошечный санузел и холодильник. Сколько раз приходилось выбрасывать испортившиеся продукты, случайно положенные на душевой поддон вместо морозилки, и как болят отмороженные пальцы на ноге, если на автомате шагнул в холодильник и на минуту задумался, почему пол такой холодный... Брр. Зато потом получались великолепные гнилостно-тухлые монстры и ледяные воительницы. Везде свои плюсы. А то любимый вопрос притворно-интеллигентных троллей — «где вы берете свои идеи?» Получается, из холодильника. Оригинально, правда?

Иногда, когда было настроение, я выбиралась в верхнюю десятку блогов. Лазила по лесенкам комментариев, бродила по троллячьим выселкам

и распутывала клубки чужих веселий и скорбей. Хотелось посмеяться — осваивала перлы сетевого жаргона, который менялся со скоростью широкого выделенного канала. А если надо было разозлиться или прийти в ярость для изображения батальной сцены — выкапывала какой-нибудь пост о любви и милосердии. С длинной линейкой одинаковых слов ниже, ни одной собственной мысли, однообразное — «копипаст», «копипаст», «копипаст». Если много раз подряд произнести «копипаст», зажмурившись, это похоже на голодные жалобы противных, крикливых, взъерошенных птиц. «Копипас-с-с-ст!» Черт, даже у сетевых троллей голоса поприятнее будут. Всякие там «ололо» и «риальне блевотэ псто» читаются гораздо веселее.

На фэнтези-форуме, куда я периодически захаживала в поисках вдохновения, у меня даже было «прикормлено» несколько зеленокожих. Для того, чтобы собирать у них интересенькие ссылки и выслушивать новости о последних холиворах. Заподозрить бы мне неладное сразу, но процесс шел слишком медленно и ненавязчиво — за пару лет один из троллей, глядишь, уже перебрался ко мне в закрытый уютный блог, каждое утро стал говорить «привет» в мессенджере рядом с сообщениями от заказчиков и присылать смайлики по праздникам. И самое ужасное — я поймала себя на том, что знаю, как его зовут. Не в сети, а в жизни. Ну, ладно там, кто-то его зовет. Родители или друзья, такие же любители виртуальной реальности, раз в год приходящие к нему попить пиво и коллективно пострелять монстров. Моих родненьких монстров, кстати, прошу заметить. Но мне-то зачем его имя, спрашивается?

Зачем мне слово «Дрэ» из трех букв, если я не собираюсь его писать на заборе или использовать вслух?

Затем, чтобы проснуться однажды ночью в холодном поту от того, что у тебя во сне шевелятся губы? И перекатываются звуки почти разучившимся говорить языком? Ты сидишь на полу, обхватив плечи руками, и вспоминаешь свой сон. И дрожишь в ужасе, потому что хуже всех тварей-из-тумана воспоминание о том, как ты разбиваешь свое любимое огромное окно и кричишь, кричишь, кричишь чужое имя в холодную темноту города. Она в ответ заглывает твой крик, плотоядно почавкивая, и вываливает на тебя все свои звуки, стоны, огни и звон разбитого стекла. Она победно ухмыляется тебе в лицо, потому что если тебе кто-то нужен, твоя крепость гроша ломаного не стоит. Если только не запереться заново — уже вдвоем.

Мы одинаково ненавидели людей. Глумились на страницах чьих-то свадебных фотоальбомов, доводили до истерик участников серьезных онлайн-конференций, перекидывали друг другу «лолы», слепленные из плевков в чужую душу. Мне все больше казалось, что он похож на меня. Что стекло не пойдет трещинами и мир не рухнет, если назвать его по имени. Что одиночество вдвоем — в два раза более забавная штука, чем одиночество в одно лицо.

Мы сплясали танцы вокруг друг друга на всех уровнях игр, на всех лестничных площадках комментов и в мессенджерах трех типов. Мы принюхи-

вались друг к другу, как сторожевые поисковые машины, как домены к серверам и как роботы к ключевым словам. У меня начали дрожать пальцы, когда он появлялся в сети, и я стала вдвое меньше работать. Он кричал капслоком, что в его окне нет никого, кроме меня, и ставил приват-режим тройной инвизибл.

Необходимость встретиться была налицо. Я уже звала его по имени каждый день и даже написала эти три буквы на заборе в социальной сети. Осталось только произнести вслух. Каждый раз, когда я шептала стеклу и городу его имя, сердце с противной щекоткой подбиралось к горлу и во рту пересыхало. Я стала бояться своего голоса.

Шестнадцатого сентября в восемнадцать сорок я открыла дверь и вышла в коридор. Медленно опустила карточку электронного ключа в карман и, прикусив губу, услышала за собой прощальный «кляц». Сделала шаг, другой. Ноги подгибались. Пришлось прислониться к стене, чтобы успокоиться, и двигаться медленно, уговаривая себя на каждый метр. Вру. Не метр — десяток сантиметров.

За чужими дверями шорохи. Там люди. Море, чертово море людей, живой биомассы, многорукой, шевелящейся, дергающейся. Они жуют, чавкают, глотают, хлопают губами, сморкаются, плачут, живут. Они шепчут, говорят, кричат, дышат, хрипят, подышают.

Я побежала.

Долетела по коридору до поворота, чуть не упала на скользком полу, дернулась налево — по-моему, там должен был быть лифт. И вправду, широкие зеркальные створки отозвались на кнопку, которую я дрожащим пальцем нажала десяток раз подряд. Кабина оказалась достаточно большой, чтобы забиться в угол, закрыть глаза и не видеть других пассажиров. Считать этажи и удары сердца и надеяться, что первые закончатся раньше.

Я вышла из дома и поняла, что разучилась дышать. Разучилась смотреть по сторонам, не впадать в панику, когда мимо пронесется мобиль, ориентироваться в толпе. Разучилась не обращать внимания на чужие лица. Не смайлики, нет — оплывающие, меняющиеся каждую секунду, с подергивающимися веками и уголками рта, с каплями слюны и размазанной помадой на подбородках, с дряблой и бугристой кожей. Я шла, как паладин шестидесятого уровня через песчаную бурю, вместо меча сжимая в кармане ключ от своей крепости и шепча с каждым шагом его имя. Хотя, это был сомнительный акт героизма. Если бы Дрэ жил дальше, чем в соседнем доме, крестовый поход мог бы сорваться из-за позорного бегства войска домой.

Лучше бы он сорвался.

У тролля оказалось человеческое лицо. И голос, не похожий на интонации в мессенджере. Пропахшие табаком пальцы и неловкие угловатые движения. Если я раньше и умела скрывать чувства, то за последние годы совсем разучилась это делать. И он все прочитал в моих глазах, которые не получилось спрятать за монитором. Удивление, недоверие, отвраще-

ние, ужас. Как мне было объяснить, что я испугалась не его, а себя? Поняв в секунду, что он мне все равно дорог, хотя и живой? Что я готова привести его в свой город или навсегда остаться — в его?

— Дрэ...

— Хикки...

Вот и все, никакой лесенки разговора не получилось. Сцепились пальцами и замолчали, как выброшенные на берег рыбы. Как немые, внезапно получившие дар разговора и не знающие, что с ним делать. Чувствуя, как этот дар истаивает под лучами жадного солнца, просыпается сквозь пальцы, и надо ловить его, ловить, пока не поздно, вцепляться намертво и держать до смерти. Иначе вместе с ним потеряешь и прошлое, и будущее, останешься с обмылком настоящего, всего с одним ударом сердца и одним дыханием.

На прощание он подарил мне угловатую флешку из серебристого металла с острыми гранями. Сам надел на шею, застегнул неудобную, слишком тесную цепочку. Пряча глаза сказал, что в следующий раз придет сам.

Только мы оба знали, что не будет никакого следующего раза. Потому что нет смысла называть друг друга по имени, если вы оба разучились это делать. Если вы оба — хикки.

Время остановилось и поймало прохожих в желе. Сквозь слезы их было почти не видно, и обратный путь мне дался гораздо проще, чем дорога к Дрэ. Вру. Не обратный путь. Отступление.

Я не спала трое суток. Рисовала, как проклятая, перекидывалась со всеми виртуальными собеседниками ничего не значащими фразами, бросила всех своих персонажей в бессмысленные неравные битвы. Дрэ не появлялся. Я выключила компьютер из сети впервые за три года, разбила окно и легла спать.

Мне снился кошмар. Из тумана пришли люди и сели вокруг меня на корточки. Стали хором разговаривать гортанными голосами, трогать теплыми пальцами и тыкать факелами в шею.

Я проснулась и поняла, что не могу дышать. Солнце перепрыгивало с осколка на осколок по кафельному полу и щекотало мне нос. Из-под щеки расплывалась бордовая соленая лужа. Горло саднило. Я подтащила непослушную руку к шее и нащупала подарок от Дрэ, воткнувшийся в ямку между челюстью и трахеей. В ушах шумело. Хотелось закрыть глаза и раствориться в гуле, похожем на голос моря. Моря прозрачного и безбрежного спокойствия.

И я наконец поняла, что такое настоящее одиночество. Это не когда тебе на кого-то наплевать. Или ты кого-то боишься. Это когда ты не зависишь от них, а они — не зависят от тебя. Весь город, в котором ты живешь. Вся страна. Весь мир. Настоящая свобода — это смерть. Когда ничего не существует. И главное — никого, даже тебя самого.

«Как ты?» — написал Дрэ в мессенджере. Потом помолчал и добавил:

— Знаешь, я тут подумал... Можно сделать вид, что ничего не было. Тогда у нас останется только память, но с ней легко справиться. Стереть, как ненужный файл. По-моему, неплохой выход. Ну, чего ты не отвечаешь?..

Об авторе

*Родилась в Ростове-на-Дону, закончила факультет филологии Южного федерального университета. Сейчас живет в Москве, работает сценаристом компьютерных игр, разработчиком «живых» интерактивных форматов в образовании и ассессором в службе поиска Яндекса. Фантастику пишет с 2009 года. Из жанров предпочитает гуманитарную (социальную) НФ и магический реализм. Первая бумажная публикация, рассказ *Puzzle*, вышел в сборнике издательства «Снежный ком» в 2009 году. Первая авторская книга «Вечер у Вайетов» — в 2012 году в издательстве «Шико». Печаталась в журналах «Уральский следопыт» и «РБЖ-Азимут», в сборниках издательств «АСТ» и «Эксмо». Лауреат премии Еврокон-2013 как лучший начинающий автор от России. Совместно с Виктором Колюжняком печатается под соавторским псевдонимом Алексей Верт (романы выходили в издательствах «АСТ» и «Шико»). Также пишет рецензии для журнала «Мир фантастики» и занимается составлением сборников.*

Влад Копернин

Сталь, порох и бумага

Бревенчатые стены закопчены. Литография с портретом государя почти не видна, только глаза хитро поблескивают из-под кивера. Сизый дым вьется под потолком, в нем видны воздушные замки, драконы, корабли... В нем, если очень хорошо присмотреться, видны великолепные шпили столичных дворцов и башен, видны бескрайние, занесенные снегом поля и степи, видны ели и сосны, бесконечные колеи дорог.

Видно прошлое — но совершенно не видно будущего.

Как ни всматривайся. Как ни напрягай зрение, как ни затягивайся ароматным дымом из глиняной трубки.

— Значит, ты говоришь — надо уходить, тегин?

— Я говорю, друг, решай сам. Я говорю — большая сила на вас идет. Я говорю — вас ждет смерть, если останетесь.

— Да кому мы тут нужны, большой силой на нас идти? — комендант крепости грустно усмехается в густые усы, затягивается, передает трубку другу.

Тот не спеша откладывает баранью ногу, вытирает руки о халат. Берет глиняную трубку — раскосые глаза жмурятся.

— Видно, нужны кому. Много кому нужны. — Загибает пальцы: — Халифату нужны, раз. Людям-ящерам нужны, два. Людям птицевзмей нужны, три.

— Ха! Халифат дряхл и немощен, рыболоды не сунутся со своего острова в эти степи, а рубберы еще помнят урок, который им преподали наши отцы. Да и на что им наша крепость? Угнать гарнизонное стадо коз? Нет, тегин. Вряд ли нам здесь угрожает что-то страшнее, чем умереть от скуки, — и комендант, ослабив форменный галстух, изобразил тяжелый вздох.

— Молодежь смеется над словами стариков, но ты немолод. Глупцы смеются над словами стариков, но ты неглуп. Ты, видно, знаешь что-то, чего не знаю я. Но я, друг мой, точно знаю то, чего не знаешь ты. Вижу то, чего не видишь ты — и даже твой государь не видит, — старик быстро глянул на литографию и сделал охранный знак рукой. — Говорят, он знает и видит все. Я сомневаюсь, — еще один суеверный охранный знак. — Если бы он видел все, что вижу я, он прислал бы сюда нойонов. Три-сто нойонов. Десять-сто нойонов. Тридцать-сто нойонов.

Комендант устало берет трубку из темных, в старческих пятнах, рук друга. Глубоко затягивается:

— Что же ты видишь? Расскажи мне об этом, старик.

Тегин хрипло смеется, как ворон каркает:

— То-то же! Интересны, значит, стариковские байки? Старики многое видят — а старики из звездного рода — почти все. Я вижу, как волнуются болота. Как дрожат от страха водоросли, как разбегается степное зверье. Как воронье летит сюда. Летит пировать.

— И все? — поднимает бровь комендант. Задумчиво щиплет длинный ус.

— Все? — зябко кутается в халат его собеседник. — Нет, не все. Ты говоришь, зачем они пойдут сюда? Ты говоришь, Юг дряхл и немощен? Ты говоришь, Запад далек и разобщен? Ты говоришь, твой Север могуч и грозен. Ты говоришь так?

— Говорю.

— А я говорю — пойдут. Пойдут, потому что ты забыл еще один край, Восток. Ты забыл про Сомбрию — ради нее твой Север пришел сюда, ради нее дряхлый Юг сядет на боевого верблюда, а Запад забудет свои распри и поможет дряхлому соседу.

— Значит, ты утверждаешь, что они придут сюда? — комендант отбросил напускную манерность и небрежный тон. Он подался навстречу тегину, ястребиный профиль напряжен, длинные пальцы сцеплены на рукояти серебряной сабли. — Ты поможешь нам?

— Я утверждаю. И я не помогу.

Комендант с силой стучит саблей о стол:

— Не поможешь? Ты называешь меня своим другом — и не поможешь мне? А ты помнишь, как твой дядя объявил себя ханом под протекторатом халифа и хотел удавить тебя? Кто с тремя солдатами вошел в его лагерь и освободил тебя? Помнишь ли ты, друг мой, об этом? — вскакивает, мечется по комнате. — Помнишь ли ты, как твой брат на свадьбе пустил стрелу тебе в спину? Помнишь ли ты, кто закрыл тебя? Или ты забыл, как твой племянник подмешал какую-то дрянь тебе в чай, и я в метель, напрямую по степи, рискуя пропасть, замерзнуть к шутам, летел за лекарем в губернский центр? Помнишь ли...

Старый тегин медленно встает, опираясь на посох. Он не повышает голоса, но в его словах чудятся раскаты отдаленного грома:

— Не смей попрекать меня моей памятью, друг мой. Я твой друг. Но я тегин своего народа. Когда мы с тобой были молоды, и вместе охотились, тебя помял шатун. Ты лежал здесь, на этом столе — а я камлал, я прошел из конца в конец по Великому Пути, чтобы тебе не пришлось пройти по нему раньше времени. Помнишь ли ты это? Когда твою жену ужалила гадюка, я ушел далеко в горы, чтобы найти целебные травы — и даже орлы изумленно смотрели на меня. Помнишь ли ты это? Когда твоего сына украли кочевые тарчахи — я поднял на ноги всех нойонов, я пять суток не слезал с седла — и вернул тебе первенца. Между нами нет неоплаченного счета. Кроме дружбы. Сядь — и слушай меня.

Комендант трет виски, садится. Нервно щиплет черный с проседью ус.

— Я твой друг, но я тегин своего народа. Слушай. Когда-то наш народ был силен и многочислен. Наши табуны паслись от островов Сердца Тумана на востоке до островов Заходящего Солнца. наших нойонов уважали от ваших Яра и Ладогграда до самых песков у подножия пирамид. Мои

предки из звездного рода были, как звезды на небе. Теперь нас осталось мало. Мой сын — последний из звездного рода. Мой народ покорился твоему государю. Я не хан, я всего лишь тегин, и не ищу большего. Но я помню о прошлом, и я смотрю в будущее.

— Так помоги нам! Помоги, и твой народ с нашей помощью... — в голосе коменданта вспыхивает надежда.

— Нет. Мой народ — без вашей помощи. Без помощи Запада. Без помощи Севера. Без помощи Юга. Сомбрия — наша земля, и она останется нашей, кто бы ни пытался здесь проломить хребет своему врагу. Я твой друг, но я тегин своего народа.

— Значит, ты ничего не сделаешь для меня? Для нас...

— Я тегин своего народа. Но я твой друг. И как друг говорю я тебе — уходи. Скажи своему государю, что это Сомбрия, это наша земля. Скажи своему государю, что Запад уйдет отсюда так же, как ушел Юг и уходит Север.

Комендант качает головой:

— Он не станет слушать меня, простого майора. У меня есть приказ, у меня есть крепость — и мне надо ее защищать или погибнуть. Вот так вот, друг мой.

Тегин снова мельком встречает глазами хитрый прищур человека с литографии. Снова быстрый охранный знак.

— Я не понимаю, почему твой государь хочет смерти своих нойонов. И мне не понять. Но если тебе нужен будет путь среди болот — я покажу. Это все, что я могу сделать.

Комендант тяжело опирается на саблю, встает:

— Ну что ж, если так, друг мой — до свиданья.

Тегин поднимается, прислоняет посох к стене:

— Нет, друг мой. Если так — прощай!

Он крепко — до костного хруста — обнимает майора и, не забрав глиняную трубку, выходит из избы.

Майор поправляет галстух, подходит к столу. В ворохе бумаг, пришедших с последней эстафетой по зимнику, находит казенное сообщение: «Сообщаю своим подданным, что вековечные враги наши, император страны Великого Пернатого Змея Эхекатлем-Валуа Девятым, королева Островов Заходящего Солнца Р'льеха Третья и Халиф Аль-Мельфол, объединившись, решили Отечество наше разорить...»

Сообщение получено месяц назад, отправлено — три. Следующая почта будет месяца через два, когда встанут дороги в болотном краю. С той же эстафетой получено известие, что объединенный десант высадился в древней Тавриде, на Ливадане. А значит вот сейчас, скорее всего, хриплые барабаны гонят вражеских солдат на штурм белокаменных стен Соколополиса. Высокие башни дрожат под ударами ядер, с набережной батареи бьют прямой наводкой по китам и кальмарам противника; и может быть, его сын — в полный рост под обстрелом — командует одной из них.

Это там. А здесь... Странно было даже представить себе, что кому-то придет в голову воевать за этот затерянный и забытый кусок болотного

края. Майор вышел из избы на улицу, часовой у входа лениво вытянулся во фронт, отсалютовал старой фузеей. Оружие в крепости помнило, видимо, еще маршала Фатумовского и его переход через Карпахи.

Двести человек. Неполная рота пехотинцев и неполная сотня кавалерии. Сотня немертвых животных под седлом. Семь заржавленных пушек. Женщины. Старики. Дети. Если старик тегин прав, и объединенные силы Запада и Юга идут сюда — что им можно противопоставить? Одной легендарной богатырской удали будет явно мало.

Комендант делал утренний обход крепости, щедро раздавал замечания, отвечал на приветствия — и не переставал думать. Распорядился на всякий случай укрепить стену там, где она внушала опасения. Приказал загнать гарнизонных коз в их сарай.

Планировать заранее что-то было бессмысленно, он не знал, с какой стороны ожидать нападения, не знал, какой силе ему придется противостоять.

Он просто ходил — и думал. Думал о том, что ему сказал старик. «Неужели государь хочет смерти своих нойонов?» Да, штандарт, раз поднятый, не должен быть спущен — на том стоит и стоять будет держава от Ляксандра Навского до сей поры.

Но дальний форпост, отделенный не только от столицы, но даже от губернского центра непроходимыми болотами — стоит ли он того, чтобы умирать за него? Когда-то давно, когда еще свежи в его памяти были Пажеский корпус, гвардия, столица — двухтысячелетний Яр-Инфернополис с его дворцами и башнями, серебряными шпилями и ажурными мостами — он не задумываясь ответил бы: «ДА!»

Теперь же — он думал. Он вспоминал жену, которая ждет его по ту сторону Великого Пути. Он вспоминал сына, который сейчас там, в Тавриде — и которого он, скорее всего, уже не увидит. Он вспоминал свою жизнь — и не знал, на что решиться.

Он мечтал — он давно уже мечтал покинуть эти болота, вернуться в столицу, если не в гвардию. Мечтал поехать по свету..

Мечтал.

И замечтавшись, не сразу понял, что слышит странное: как будто в болотах, из самых темных глубин, поднимаются огромные пузыри — и дойдя до поверхности, лопаются. «Земля пускает так же пузыри, как и вода... Болота, бывает, по ночам издают странные звуки, — подумал он. — Но чтобы посреди бела дня?» И во весь голос, зычно, как когда-то, в прошлой жизни, в лихой рубке на Шпрее, закричал:

— Боевая тревога! Орудия к бою, всем по местам стоять, командиры подразделений на третий бастион!

И сам, не обращая внимания на унесенную порывом ветра треуголку, бросился на стену в направлении звуков.

Поднявшись, майор понял, что старик тегин был прав. Вдали, там, где болотистая почва тонула в русле старой реки, один за другим поднимались из глубин и лопались огромные пузыри. Из них на готовые уже мостки сыпались, как горошины, солдаты в разноцветных мундирах. Красные колеты королевской морской пехоты, зеленые в грязных пятнах камзолы

рубберов — подданных Великого Змея, захвативших половину Старой Европы. Белые бурнусы воинов халифа.

Рев верблюдов и ишаков, стоны глубоководных тварей, стук молотков.

— Господин майор, может, ударить по ним, пока в себя не пришли? — предлагает ротмистр фон Клейст, командир кавалерии.

— Нет, — складывает трубу комендант. — В болоте твоя кавалерия ноги переломает. Причем, не противнику. А пехота увязнет сразу.

— Грамотные, сволочи, — сплевывает сержант Михайло, покрытый густым мехом богатырь-славояр. — Ничего, и не таких отдирали.

Парламентер, надушенный рыболод в красном суконном колете, говорит почти чисто. С небольшим прибулькиванием — но чисто. Протянул перепончатопалой рукой требование о сдаче крепости.

— Я не даю вам времени на размышление, жду немедленной и безусловной капитуляции, — цедил он. — Моя королева уполномочила меня...

Майор не дал ему закончить. Он вспомнил старика-тегина и улыбнулся:

— Скажи своей королеве, что мы не сдаемся. Государев штандарт, раз поднятый, не может быть спущен. Так ей и передай, слово в слово.

Чешуя на шее парламентера зашевелилась, лицо приблизилось по цвету к мундиру. Раздвоенный язык быстро-быстро заходил между острыми рыбьими зубами:

— Вы пожалеете об этом, майор! Мы цивилизованные люди, и не хотим кровопролития — но если вы оскорбляете самое Ее Величество, у нас не останется другого выхода...

Не договорив, он резко повернулся на каблуках и махнул белым надушенным платком в сторону своих. В ответ ему хрипло забили барабаны, заныли волынки, звонко заголосили горны и флейты.

— Иди-иди, — в спину ему прошептал комендант. — Цивилизованный люд, тоже мне.

И обернувшись к фон Клейсту, бросил:

— Ну, сейчас начнется.

— Может, надо было сдаться? — спросил Клейст. Михайло угрожающе зарычал.

Майор одернул его:

— Спокойно, спокойно. Может, и надо было. Но сейчас-то уж что. Помирать раз только придется, рано или поздно. По мне, так по весне самое время.

Клейст дернул плечами:

— Разрешите итти?

— Идите. Будьте готовы по первому сигналу на вылазку. Михайло, пехота на тебе. Первая полурота защищает пушки. Что бы ни случилось, батарею отдавать нельзя, это наша надежда. Ясно?

— Так точно, господин майор.

Первый приступ прошел словно в чад. Стремясь утратить защитников крепости, враги шли, как на парад. С развернутыми знаменами, печачи

тая, по возможности, шаг. Они, видимо, знали, что в крепости нет картечи — и что доисторические фузеи рассчитаны на дальность полторы сотни сажени, не больше.

Они не знали, что вместо картечи прекрасно можно использовать гвозди и старый ржавый лом. Первый пушечный залп оглушил их. Но не напугал: рано, далеко. Скорее, раззадорил. Они шли, они — хозяева жизни, объединенный десант трех империй, повелители двух третей земного шара.

Они шли, падали, поднимались, снова шли. Это было красиво. Это было страшно. Казалось, им нет числа, казалось, это железные люди, которые не знают страха, жалости, ничего человеческого — кроме исполнения приказа.

Шли. Пока после страшного залпа почти в упор комендант вполголоса не бросил:

— Штыки примкнуть. Вперед.

Первая штыковая атака смяла стройные цепи, прорвала, обратила вспять. Враг дрогнул и побежал. Кавалеристы фон Клейста преследовали их до самых болот — и с радостным «Ура!» торжественно вернулись в крепость.

Но все только начиналось. Вновь хрипло подали голос барабаны, вновь заунывно затянули свой плач волынки. Вперед бросили летучую халифскую кавалерию, и вот уже «Алла! Алла!» раздается у самой батареи.

Фон Клейст трижды водил своих в контратаку — но полусотни всадников слишком мало. Славояры Михалыча стояли насмерть — и умирали. Одна за другой замолкали пушки.

Майор послал на подмогу батарее из крепости еще людей — но они не могли противостоять напору. Три раза батарея переходила из рук в руки, комендант, размахивая саблей, сам водил в бой гренадеров. Тщетно.

Красные мундиры лились следом за белыми всадниками на верблюдах, как море.

Комендант вынужден был отдать приказ отходить.

— Михалыч, приступай! — крикнул он.

Могучий славояр повел плечами, сбросил с себя троих смуглых гвардейцев, чиркнул огнем. Еще. Еще. Стал на одно колено, наклонился к земле, чиркнул снова.

Взрыв.

Батареи больше не существовало — как не существовало доброй части захватившей ее армии.

Пасмурное низкое небо, острова нарастающего бурого снега, развороченные пушки, тела — и не определить уже, где свои, где чужие.

Поднимался ветер. Он гнал тучи с севера. Быстро темнело.

Майор смотрел на месяц, тускло блестящий сквозь тучи. Ему не давали покоя слова друга-тегина. «Я не понимаю, почему твой государь хочет смерти своих нойонов. И мне не понять. Но если тебе нужен будет путь среди болот — я покажу».

— Друг мой, мне нужна твоя помощь! — обратился он к месяцу. И услышал за спиной:

— Ты хочешь уйти к своим, через болота? Увести своих нойонов? Женщин? Я могу помочь тебе.

— Нет, друг мой. Я хочу, чтобы ты показал мне путь в сердце болот. Я хочу, чтобы ты провел меня — и полсотни солдат, и кавалерию с немертвыми животинами в тыл десанту. Это наша единственная надежда.

— Ты надеешься победить? Ты не понимаешь, что надежды для тебя нет?

— Я ни на что не надеюсь, тегин. Я прошу тебя, как друга, об услуге. О последней услуге. Прошу, как перед смертью. Ты ведь не откажешь мне?

— Нет. Другу не отказывают в просьбе перед смертью. Я проведу тебя — и уйду. Дальше не зови меня. Даже на Великой тропе, даже за ней — мы не увидимся больше.

— Добро, тегин. Веди.

Животинам обернули копыта тряпками, людям дали команду не зажигать огней и молчать так, будто идут той самой Великой тропой. Месяц окончательно завернулся в верблюжье одеяло туч. Шли наощупь. Когда кто-то сходил с тропы и трясина, урча от восторга, поглощала его — закусывали губы, чтобы не кричать. Все равно бесполезно. Никто не спасет. И никого не спасти.

Шли два часа, где по мягкому мху, где по колену в ледяной воде, а где и по горло.

Когда вышли на землю, упали почти замертво. Вдали виделись походные костры десанта.

Майор прислушался. Приложил ладонь рупором к уху. Ошибки быть не могло. Этот жесткий акцент, этот хриплый бас он узнал бы из тысячи. Такой шанс выпадает на войне один раз, и то только самым упорным. Тем, кто может совершить невозможное.

Например, пройти в сердце непроходимых болот в конце зимы.

Майор подозвал фон Клейста:

— Если я не вернусь ровно через час, принимайте команду и действуйте по плану.

— Собираетесь сдаться, Каупенманн? — зло прошипел кавалерист. — Я с вами.

— Отставить, — шикнул комендант. — Собираюсь уговорить сдаться врага.

И не давая возможности возразить, запахнулся в плащ. Растворился во тьме.

— А дисциплина у вас всегда была так себе, милорд. Можно быть бес- смертным — но нельзя быть таким безалаберным.

Высокий рыжий детина в алом колете и странной зеленой юбке повернулся — и схватился за палаш.

— Спокойно, милорд! У меня пистолет, и пока вы будете выдавливать из сердца пулю, я легко успею отчикать вам голову саблей. Так что рекомендую не дергаться и поговорить.

— Кто вы такой, к Великому Спруту? — мужчина внешне успокоился, только серые глаза буравили ночного гостя.

Майор снял треуголку, распахнул плащ:

— Ну вспомните ж, полковник. Шпрее, двадцать лет назад. Тогда мы были не врагами, а союзниками. Вспомните лазарет. Вспомните вашу нелепую дуэль с полковником Тартарским. Бессмертный против немертвого, — майор хохотнул. — Я был секундантом, вспомните же.

— Хм, припоминаю... Вы корнет... Как же вас, прошу прощения...

— Не важно, как меня. Важно, что сейчас я майор, комендант крепости, которую вы пытаетесь взять. Важно то, что вашу горную страну силой держат в подчинении королеве Р'льехе. Важно, что — я точно знаю — ваш брат, юный виконт МакАйвор полгода назад обезглавлен за мятеж.

— И почему же это так важно? — оскалился лорд МакАйвор. — Говорите толком, что вы хотите, да побыстрее — а то я не выдержу да и подниму тревогу, несмотря на все мое к вам расположение и даже восхищение вашим мужеством. Вы-то еще не прошли мортификацию, как я вижу.

— Не прошел и не собираюсь. Но это к делу не относится. Я хочу предложить вам, полковник, отомстить за брата. Я хочу вам предложить союз. Хочу предложить...

— Ясно, майор. Я отвергаю ваше предложение — и даже согласен дать вам уйти. Я могу бунтовать против королевы. Я могу бороться за независимость своей страны. Но я не могу изменить присяге в военное время. Как офицер офицера, как гвардеец гвардейца вы меня поймете.

— Я больше не гвардеец, милорд — и я вас не понимаю. Пока я пробирался к вашей палатке, я посчитал. Вас тут всего восемь. Вас поставили на такую позицию, чтобы вы не участвовали во взятии крепости и не получили славы, но попали под удар, если вдруг мы решим совершить невозможное и ударить с тыла.

— Я не обсуждаю приказы командования, майор. И мое глубокое убеждение — что гвардейцы бывшими не бывают. У вас все?

— Вы отказываетесь от союза?

— Я отказываюсь от измены, майор. И вынужден просить вас удалиться — мое терпение безгранично.

— Вы пожалеете, милорд. Сколько сейчас времени?

— Четыре часа утра. Вы уйдете, или мне поднять тревогу?

— Поздно, полковник. Прислушайтесь. Вы думаете, я безумец — притти в одиночку? Три сотни егерей и эскадрон кавалерии сейчас ударит по вам. Вас восемь человек. Восемь бессмертных — но восемь человек, и мои ребята знают, что надо рубить головы. Подмога из лагеря не придет — не успеет. Ну, решайтесь. Союз?

МакАйвор смеется. Резким движением выдергивает палаш, уворачивается от выстрела. Кричит:

— Тревога! К оружию, дети гор! К оружию!

Слышен топот немертвых животных, крики, звон сабель.

Майор бросает разряженный пистолет, выдергивает из ножен серебряную саблю:

— Как глупо, милорд. Умирать за своих врагов.

— Не за врагов, а за свою честь. Если вы переживете меня — вы увидите, как умеют умирать бессмертные.

Горец бросается к выходу, тушей своей отбрасывает майора:

— Ребята! Строиться в линию. Держать удар. Держать сколько можно!

Когда все было кончено, и последние королевские десантники, сгибаясь под тяжестью раненных товарищей, грузились в свои странные пузыри, чтобы твари глубин доставили их неведомыми подземными путями туда, откуда прибыли...

Когда все было кончено, и комендант, тяжело опираясь на саблю, опустился на одно колено — помянуть тех, кто навсегда остался в этих болотах...

Когда все было кончено, и старик-тегин издали смотрел на своего коленопреклоненного друга, и вытирал, не стесняясь, слезы...

Когда все было кончено — и солнце, вышедшее по случаю окончания битвы из-за туч, ласково согревало свежую весеннюю траву — тогда тень накрыла землю. С севера двигалось нечто огромное, мощное. Стальные винты рвали воздух, парусиновый корпус закрывал солнечный свет.

Государь вспомнил, что здесь — на самом краю его владений, есть люди. Вспомнил, и послал к ним первый корабль из только что созданного Воздушного Флота.

По сходням, церемонно опираясь на трость, сошел гвардейский подполковник в парадном мундире, разукрашенном лентами и орденами.

Комендант, одернув разодранный камзол, радостно печатал шаг ему навстречу.

Козырнул:

— Господин гвардии подполковник, разрешите доложить...

— К чему эти фо'мальности, майо'. Будемте без чинов, — приветливо остановил его подполковник. Я вижу, вы оде'жали победу?

— Так точно, — устало согласился майор. — Одержали.

— Отлично, отлично. Вот, получите п'иказ от самого Госуда'я. Получите, 'аспишитесь — и немедленно п'иступайте к исполнению.

Майор взял запечатанный конверт. Вскрыл. Прочитал — и кровь сначала бросилась ему в голову; потом отхлынула от лица.

— Господин подполковник, я... Государь приказывает разрушить крепость, обеспечить эвакуацию гарнизона... Это, должно быть, какая-то ошибка?

— Никакой ошибки, майо'! — строго одергивает его подполковник. От былого радушия нет и следа. — П'иступайте к исполнению. Госуда' позаботится и о своих землях, и о своих поданных. Вы же видели, вам п'ичитается наг'ада.

— Так точно. Полный отпуск с пенсией. Замечательная награда, господин гвардии подполковник.

И не обращая внимания на недоумение подполковника, на гвардейцев, сбегавших со сходней и строящихся в каре, на своих и чужих раненных — не обращая внимания ни на кого и ни на что больше — бывший комендант крепости, бывший победитель, бывший гвардии корнет, бывший майор — бывший подданный государя — шатающейся походкой уходил в степь.

Ему кричали вслед, он не слышал. Он вспоминал слова старого друга, и холодная казенная бумага белела в его руке. Ему нечего было больше защищать. Государь — литография-портрет, бесплотный образ, разряженный и бездушный механизм на троне — конечно, не хочет смерти своих нойонов. Просто, ему все равно. Что ж, пускай теперь он сам заботится о своих (своих ли?) землях.

А по ту сторону Великой Тропы его ждала любимая. Больше ничего не мешало их встрече.

Солнце заливало округу золотым светом.

В степи начиналась весна.

Об авторе

Коренной москвич. Вырос в районе, приравненном к Крайнему Северу, среди доски, трески и тоски. Живет в городе ветров и шпилей, дворцов и болот, островов и туманов. Победитель и призер литературных конкурсов. Публиковался в журнале «Фантастика и детективы», альманахе «Астра Нова», различных сборниках.

Жаклин де Гё

Однажды в Сибири

Волостной урядник Трофим Иванович Глотов любил после бани чайку попить.

Человек он был обстоятельный и чаевничал медленно, с удовольствием, стакан за стаканом возвращая телу потерянную в парилке жидкость. Усатое, красное от жара лицо отражалось в начищенном до блеска самоваре. Свет керосиновой лампы растекался по скатерти ровным круглым озерцом. Отсветы плясавшего за мутным стеклом огонька играли на розеточках с домашним вареньем и графине с наливкой.

— Эх, хорошо! — отдувался Трофим Иванович, блаженно прикрывая глаза. — Славно!

Залаяла на дворе собака — часто, громко, как на чужого.

— Кого еще на ночь глядя черти принесли? — удивленно спросил у самоварного отражения урядник. — Никитишна, — позвал он свою единственную прислугу, — выгляни на двор, если кто по делу, угомони Шалого.

Никитишна, ворча, накинула тяжелый овчинный тулуп, ушла на крыльцо. Вскоре до Глотова донеслись звуки голосов — старуха начала перекликаться с кем-то там, снаружи, — однако слов было не разобрать.

Потом в сенях послышался шум. Скрипнули дверные петли, повеяло холодом и, как ни странно, тонким цветочным ароматом. Вслед за приземистой, тучной Никитишной показалась другая женская фигура. Серая шаль, намотанная поверх «городского», не греющего в морозы пальто, не скрывала стройности и изящества нежданой гостьи, хоть и укутывала лицо так основательно, что видны были только большие серые глаза да схваченная инеем прядь белокурых волос.

— Мария Павловна Вельгурская, — представилась визитерша.

Урядник слегка сконфузился, что с ним случалось редко, пожалел, что не накинул поверх исподней рубахи китель или хотя бы пиджак. Про девицу эту он по долгу службы знал все или почти все — двадцати двух лет от роду, незамужняя, из мещан Смоленской губернии. Окончила в Москве курсы, приехала сюда, в Зауралье, учительствовать, попросилась в небольшое село в сорока верстах от уездного центра. «Учителку» сразу взяли под наблюдение — хотя сама она ни в чем крамольном замешана не была, однако в местной жандармерии вскрывали, согласно правилам надзора, все письма политических ссыльных, и потому знали, что приехала она к Ефиму Резнику.

Резника, тоже московского студента, за участие в сходках и хранение нелегальной литературы власти признали лицом, вредным для общественного спокойствия, и определили на пять лет поселения. Переписка его с Марией не содержала ничего незаконного — обычные шуры-муры, — однако это могло быть и маскировкой. Охранка по опыту знала, что ссыльные часто используют видимость романтических отношений как прикрытие для связных. Потому-то прошение девушки перебросили уряднику и велели решить, что с ним делать, да приглядывать за барышней. Трофим Иванович, подумав, прошение утвердил — работать в школах и библиотеках запрещалось по закону только самим ссыльным, а эта девица вольная, учителя в селах нужны, как тут откажешь? Однако определил он ее не туда, где поселили Резника, а в другую деревню, в семнадцати верстах, — если у молодых людей и правда любовь, то поженятся да съедутся, а если политика, то чем реже видятся, тем лучше. Да и следить за ними проще.

Готов в ту деревню с проверками не ездил, переложил инспекции на сотского, хотя рапорты читал исправно — случись что, отвечать и ему придется.

Зачем Вельгурская вдруг приехала сама, да еще в такой поздний час, Трофим Иванович даже предположить не мог.

— Проходите, барышня, присаживайтесь, — радушно пригласил он.

«Не иначе, надоело на отшибе жить. К милому под бочок проситься заявила, — думал он, наблюдая, как Мария разматывает шаль, отдает прислуге пальто, оправляет строгую темную блузу. — Ишь, декабристка. А хороша. Ох, хороша. Хоть картину пиши. И семья, судя по документам, приличная, старинный род. Что ж ей дома, в Смоленске-то, не сиделось? Такая краля любого чина могла бы себе подцепить, — статского советника, а может, даже и тайного. Вышла бы замуж, мужа ублажала, детей рожала. А ее, вишь ты, сначала в Москву понесло, потом в наш медвежий угол. Добро бы еще этот Резник мужик был справный, а то видел я его. Хлюпик — соплей перешибешь... Или правда ради политики приехала, а любовь приплела, чтоб глаза отвести? Так ведь опять же — зачем такой ундине в политику лезть, против царя бунтовать? Эх, бабы, кто вас поймет...»

Урядник вздохнул. Мария, успевшая уже усесться и принять из рук Никитишны стакан с горячим чаем, удивленно вскинула голову, взглянула в упор. И Готов, сорокалетний, резкий, властный, уверенный в себе человек, вдруг замялся и растерялся под ее взглядом. Пусть обладательница этих завораживающих, холодно-искристых глаз была всего лишь глупой девчонкой, наслушавшейся бредней красной студента, — что с того? Пуль Трофима Ивановича зачастил, а мысли заскакали как стадо коз при первых раскатах летней грозы.

— Я вас слушаю, Мария Павловна, — сказал он хрипло, и, чтобы скрыть замешательство, поспешно подлил из самовара кипяточку. — Зачем пожаловать изволили?

Девушка, словно только и ждавшая этого вопроса, тут же с готовностью выпалила:

— За помощью! Пожалуйста, господин Готов, начните розыск как можно скорее! У нас школьную библиотеку обокрали!

— Кого?! — поразился урядник. Он ожидал чего угодно, только не этого. — Как это — обокрали?

Чем дальше Трофим Иванович слушал взволнованную, сбивчиво повествовавшую о происшествии Вельтурскую, тем больше недоумевал. Начать с того, что крошечная библиотека не содержала решительно ничего не только ценного, но даже просто интересного — школа была маленькая, церковно-приходская, на четыре начальных класса. Средств на нее волость отпускала в обрез, книги закупались редко, исключительно с разрешения и одобрения батюшки, — человека хоть и мягкого, но не либерального, хорошо понимавшего, что можно, а чего нельзя. Так что, судя по привезенному Марией списку, на библиотечных полках находилось только самое необходимое — азбуки, учебники, хрестоматии, жития святых и псалтирь. Да еще несколько нравоучительных книжек, одобренных к прочтению высочайшей цензурой.

На такое добро вряд ли кто бы позарился, к тому же и книги пропали не целиком, — похититель выдрал и унес только страницы с текстом, оставив тканые корешки валяться на полу в библиотеке. И, по словам учительницы, двери и окна в помещении остались запертыми. Хотя этому урядник уже совершенно отказывался верить — проще допустить, что девица читалась историй про сыщика Дюпена. Однако в пропаже книг сомневаться не приходилось.

— Мария Павловна, голубушка, а вы или отец Варсонофий, случайно, детей розгами не слишком часто порете? — осторожно осведомился он. — Сдается мне, это больше на детскую месть похоже, чем на кражу. Не могу себе представить, чтобы взрослый в здравом уме такую штуку отколел.

— Что вы, господин Глотов! — негодуяще выпрямилась на стуле Вельтурская. — Мы учащихся пальцем не трогаем! У нас прогрессивные методы воспитания, без рукоприкладства! И потом, дети точно так же не могут пройти через запертую дверь, как и взрослые!

— Хм, — урядник в сомнениях покачал головой, пропуская мимо ушей последний аргумент. — Может, чем другим обидели? Или просто шалость, без мести? Дети на то и дети, чтоб озоровать, особенно ни разу не поротые. Вы бы все-таки опросили мамаш своих прогрессивных воспитанников, пусть по избам поглядят. Может, все ваши книжки у кого-нибудь в чулане или на чердаке найдутся?

Он вопросительно взглянул на Марию и поразился выражению недоуменной обиды и разочарования, отчетливо проступившему на ее нежном, словно писаном акварелью, лице.

Глотов представил, как девушка ехала к нему за помощью — около трех часов на крестьянской телеге, по морозу, в легком пальтишке. Крякнул от неловкости, хлопнул по столу ладонью.

— Ладно. Уговорили. Завтра рано с утра поеду с вами, поищу пропажу.

Вельтурская просияла, радостно заулыбалась:

— Спасибо, спасибо вам, Трофим Иванович!

— Да подождите вы благодарить, я же еще ничего не сделал, — отмахнулся урядник, страшно довольный, что она назвала его не «господин

Плотов», а по-свойски, по имени-отчеству, и что благодарность прозвучала так душевно и ласково.

«Эх, бабы, — опять подумал он размягченно. — Веревки вяют из нашего брата, а мы, дураки, и рады стараться».

* * *

Плотов планировал выехать на поиски книг рано с утра, чтобы, если его догадка о детской шалости подтвердится, успеть в тот же день засветло вернуться домой. Однако человек предполагает, а бог располагает — не успела еще Никитишна сходить за остановившейся на ночлег у соседки-бобылки Вельтурской, как в сенях загromыхало, затопало, и знакомый бас десятского Ерофеева смачно объяснил, что он думает о падающих ему на башку цинковых корытах и к какой маме полагается идти тем, кто их вешает где ни попадя.

Урядник усмехнулся, распахнул дверь.

— Отставить войну с лоханками, — скомандовал он. — Заходи, докладывай. Ерофеев набрал поглубже в легкие воздуха и заговорил.

Первые же слова его доклада стерли ухмылку с лица Плотова. Он поспешно натянул шинель, торопливо, не попадая от волнения в петли и матерясь не хуже десятника, застегнулся и выскочил из дому, на ходу прилаживая поверх фуражки с кокардой сдернутый с вешалки башлык.

Ерофеев спешил вслед за начальством.

В воротах столкнулись с подошедшими Никитишной и Вельтурской.

— Мария Павловна, миль пардон, не сейчас — у нас тут тоже происшествие! — крикнул на бегу урядник. — Подождите у меня, если хотите, а нет — возвращайтесь домой, я позже приеду.

И услышал вслед:

— Я подожду!

* * *

— Что за чертовщина, — Трофим Иванович вытер вспотевший лоб, с размаху уселся на казенный стул с высокой спинкой. Белесый зимний свет лился сквозь пыльные, забранные решетками окна. В его тусклых лучах разгром, учиненный неведомым злоумышленником в архивах канцелярии уездного суда, выглядел особенно удручающе — вывернутые из столов ящики, пустые полки стеллажей, выпотрошенная картотека. Вор забрал все документы, не оставил после себя ни клочка бумаги, только лужу разлитых чернил на полу.

Плотов не знал, что и думать. Сторож божился, что вечером все двери проверял, как положено, все было заперто. Утром письмоводитель пришел, отворил двери — все замки целы, запоры на месте. Человек он был серьезный, семейный, в пристрастиях к картам или мотовству не замеченный. Сторож тоже служил не первый год, пил в меру, да и то по праздникам.

Причин подозревать кого-либо из них в сговоре с неизвестным вроде не было, но тогда как же он проник в помещение? И как выбрался потом наружу, да еще с бумагами?

Урядник расстроено оглядел безрадостное, пропахшее характерным запахом жженого сургуча и лежалых страниц присутствие — нет, ни малейшей зацепки, никаких улик... Государь император глядел с висевшего на стене портрета укоризненно, словно спрашивал: «Как же ты, Трофим, допустил?»

От этого взгляда Глотов совсем помрачнел. Резко поднялся, махнул сторожу:

— Запирай! — и велел Ерофееву закладывать лошадей.

* * *

Едва вернувшись домой, Трофим Иванович тут же велел Марии садиться в сани. До ограбленной школы доехали быстро. Там, на месте, мужчины осмотрели небольшую комнатку, изучили дверные замки и защелки на рамах. Глотов водил кончиками пальцев по заскорузлой оконной замазке, и мрачнел все больше. В самом конце осмотра к ним присоединился еще один полицейский чин — Верхотуров, сотский той деревни, где жил Ефим Резник. По его словам, с утра был в дороге. Сначала отправился в уезд, затем, узнав, куда уехал урядник, помчался догонять начальство.

Новости, привезенные сотским, привели Глотова в состояние тихого бешенства.

— Значит, и у тебя тоже... Ну и как думаешь, кто? Следы смотрел?

— Смотрел, — немолодой, приземистый, похожий хитроватым лицом на старую куницу Верхотуров пожал плечами. — Какие там следы... Ко мне каждый день по десять человек приходит, да еще, бывает, во дворе подолгу ждут. Весь снег вокруг дома ровно стадом истоптан. Замки не тронуты, окна заперты. Чисто сработано, — нашим, деревенским, в жизни так не сумеешь. Удивительный вор. Артист! Я потому и поскакал к вам в уезд — узнать, не сбежал ли из острога умелец какой-нибудь из присланных. Думал, если что, людей попросить, лес прочесать.

— Нет, — процедил сквозь зубы урядник. — Не бегал никто. Да и зачем беглым бумаги? Им одежда нужна, харчи, деньги. Если бы не библиотека эта, я бы подумал — политика. А так — сомневаюсь. Книжки-то детские зачем портить?

— Для отвода глаз, — встрял молчавший до сих пор Ерофеев. — Девка же зазноба его?

— Чья? — не понял урядник.

— Да у Верхотурова в деревне один политический, других нету. А краля эта сохнет по нему, сама все и подстроила. Потому и двери заперты.

— Ох и любишь ты байки сказывать, — Глотов отвернулся к окну, долго смотрел на игравших на улице мальчишек, размышлял. — Ладно, давайте съездим, проверим, в самом деле, Резника. Все равно место осматривать. И учительницу с собой прихватим. Давно пора разобраться, зазноба она

или такая же бунтовщица. Посмотрим, как встретятся, припугнем, если надо. А дальше видно будет.

* * *

Сани резво скользили по накатанной лесной дороге. Ерофеев, сидя на облучке, браво правил парой полицейских гнедых, время от времени покрякивая и шелкая для острастки кнутом.

Урядник рассеянно провожал взглядом убегающие назад сосны и ели. Рядом сидел Верхотуров, напротив, заботливо укрытая меховой полостью, — Вельтурская, настороженно смотревшая на хмурых и недовольных спутников. Глотов понимал, что у нее есть резоны недоумевать и тревожиться. Вчера он вел себя вполне доброжелательно, а сегодня девушке должно казаться, что полицейского подменили.

Учительница, видевшая, что урядник не в настроении для разговоров, долго не задавала вопросов. Однако когда у очередной развилки сани, вместо того, чтобы продолжать путь к уездному центру, резко свернули направо, обеспокоенно воскликнула:

— Куда мы едем?

— Туда, куда надо, — сквозь зубы ответил Глотов, по-прежнему избегая смотреть на девицу.

Мария испуганно притихла.

До места добрались, когда солнце уже давно село. Ночь, однако, выдалась безоблачная, лунная, и с пригорка хорошо различалась деревня на противоположном берегу замерзшей реки — черные низкие избы на белом снегу, торчащие из сугробов колышки изгородей, редкие огоньки в подслеповатых окошках. Белый дым тянулся ровными струйками из труб к горящим над крышами звездам.

— Узнаете место? — отрывисто спросил урядник.

Вельтурская кивнула. Ей явно было очень не по себе.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросила она, стараясь говорить как можно спокойнее.

— С женихом повидаться, — с неожиданной для самого себя язвительностью ответил Глотов, внимательно глядя в лицо Марии. Та вздрогнула, бросила на урядника быстрый взгляд, но ничего не ответила.

Глотов почувствовал укол жалости. «А может, она и не при чем, — подумал он. — Может, и правда влюбилась. И ко мне приехала не спектакль разыграть, а потому что за ребяташек переживала... Ладно, сейчас узнаем. Проверим, красавица, невеста ты или сообщница. Посмотрим, как женишок тебя встретит, любовь у вас или комедия одна.»

Сани быстро катились по накатанной колее, деревня с каждой минутой приближалась. Верхотуров крикнул Ерофееву:

— Влево забирай! Видишь двор на отшибе? Я его туда определил, к Агашке-вдове на постой!

Через несколько минут кони остановились чуть поодаль от почти рухнувшего на снег забора. К указанному сотским дому не было широкого

подъезда — лошадей на этом подворье не водилось. Пришлось вылезать из саней и идти гуськом по узкой, протоптанной между сугробами тропинке. Миновали колодезный сруб, подошли к покосившемуся крыльцу. Ерофеев одним широким шагом перемахнул две шаткие ступеньки, загрохотал кулаком в хлипкую дверь:

— Открывай, полиция!

Верхотуров тем временем затеплил прихваченный из саней фонарь. В соседских окнах замелькали за ставнями огни. Ерофеев надавал сильнее:

— Открывай, говорю, а то высажу к такой-то матери!

И, не дожидаясь ответа, привел угрозу в исполнение. Плотов, пропустив вперед подчиненных, обернулся к Марии:

— Побудьте здесь, пока не позову!

Та ожгла разгневанным взглядом ярко блестевших в лунном свете глаз, ничего не ответила.

* * *

Внутри было темно. Жарко горела печь. Пахло вениками, кислыми щами, несвежим бельем. В дальнем углу слышалась возня, шуршание, панический шепот.

Сотский поднял фонарь повыше, осветил помещение:

— А ну вылезай!

Куча пестрого тряпья на стоявшей в углу лежанке зашевелилась, из-под лоскутных одеял показалась взъерошенная копна черных кудрей:

— Вы не могли бы отвернуться? Сами понимаете, надо одеться, то-се...

— Чего? — поразился наглости ссыльного Ерофеев. — Я т-те дам «то-се»! И так оденешься, не развалишься. Чай, не баба, мужиков стесняться.

— Да я-то нет, но вот она... — кудлатый вдруг ойкнул и снова нырнул под одеяло.

Плотов обернулся. В дверях стояла Мария. Ни на кого не глядя, она властным движением забрала у сотского фонарь, подошла к самой постели.

— Что здесь происходит? — чеканя слова, произнесла Вельтурская. — Ефим, кто эта женщина?!

В наступившей тишине Ерофеев вдруг начал хохотать. Смеялся он от души, смачно хлопая себя ладонями по ляжкам. Хохот его был таким громким и заразительным, что Верхотуров, сообразив, что к чему, тоже заухмылялся во весь рот.

— Ай да политический! На рябую Агашку позарился! Что ж ты так, парень? Не мог найти покрасивее, так уж нашел бы хоть помоложе!

Вельтурская, с побелевшим от негодования лицом, резко поставила фонарь на пол и направилась к двери.

— Маша! — отчаянно закричал ей вслед чернявый, приподнимаясь на постели. Одеяло упало, открыв почти до пояса тщедушное, узкоплечее, густо поросшее черными волосами тело. — Маша, не уходи! Я сейчас все объясню!

Мария повернулась на каблуках так резко, что чуть не потеряла равновесие.

— Не смей называть меня Машей! — срывающимся от подступающих слез голосом выкрикнула она, наставив указательный палец прямо в лицо незадачливому казанове. — Не смей...

Рыдание помешало ей закончить фразу. Вельтурская закрыла лицо руками и стремительно выбежала из избы.

— Одевайтесь, — приказал не разделивший общего веселья Глотов Резнику. — Вы арестованы.

— За что?! — выражение страха и растерянности на лице бывшего студента было таким неподдельным, что урядник ему почти поверил. Однако если не этот мозгляк, то кто же?

— За совершенные прошлой ночью преступления: кражу документов из кабинета Верхотурова и хищение бумаг государственной важности из уездной канцелярии. А также за ограбление школьной библиотеки, которое вы совершили за ночь до этого — видимо, чтобы потренироваться,

— Да вы что, с ума посходили? — разозлился вдруг Резник. — Какие документы? Какой уезд? Я по ночам дома сплю, вот с ней, — он раздраженно ткнул пальцем в лежавшую рядом с ним рябую толстую бабу лет пятидесяти, без всякого смущения улыбающуюся шербатым ртом. — Агаша, подтверди!

Та с готовностью кивнула.

— Здесь они по ночам, всегда при мне. Чем хочешь тебе, Иваныч, поклянусь. И никаких бумаг не брали. У них у самих, чтоб вы знали, все их запрещенные газеты кто-то намеднись спер.

— Молчи, дура! — взвыл политический, развернувшись к болтливой любовнице так резко, что одеяло съехало набок. Баба взвизгнула, огрела Ефима широкой ладонью

— Запрещенные газеты, говоришь? — задумчиво повторил урядник. — Все слышали? Одевайся, Резник. Посидишь в холодной у Верхотурова, там разберемся. Да прикройся ты, Агафья! — И подумал: «Было б что напоказ выставлять! Вот уж действительно — при такой невесте и на что позарился...»

* * *

На обратном пути Трофим Иванович и Мария сидели в санях вдвоем — Верхотуров остался в своей деревне. Девушка молчала, плотно сжимая губы.

Глотов спросил, отчасти желая отвлечь ее от невеселых мыслей, отчасти потому, что вопрос этот действительно занимал его больше всего:

— Если не... хм... знакомый ваш, то кто? Как думаете? Что за вор такой феноменальный?

Мария посмотрела сосредоточенно, словно с трудом понимая смысл обращенных к ней слов:

— Почему вы меня об этом спрашиваете? Я тут посторонняя, никого не знаю, и, естественно, подозревать никого не могу.

— Ну, вы образованный человек, — пожал плечами урядник. — Книжки читали, в столицах живали.

Вельгурская промолчала.

— Как он успел-то везде, вот я чего не пойму, — заговорил опять после паузы Глотов. — Даже на лошадях путь неблизкий, а если пешим ходом, то и вовсе за ночь не обернуться.

— Карта у вас есть? — неожиданно спросила Мария. — Впрочем, не надо, я так, по памяти, план нарисую. Дайте планшет. И фонарь поставьте вот здесь, пожалуйста.

Вскоре она уже размечала кружочками грифельную доску:

— У меня карта уезда на стене классной комнаты в таком же масштабе. Каждый день на нее смотрю. Вот видите — здесь уезд, здесь моя библиотека, здесь деревня Ефима. Видите, и отсюда, — она ткнула в один из кружков, — и отсюда, — указала на другой, — ехать долго. И из любой точки между этими пунктами — тоже. Да вы садитесь рядом, Трофим Иванович, вам же не видно ничего!

Урядник, чуть помедлив, перебрался на сиденье к Вельгурской. Еле уловимый тонкий аромат ее духов мешался с морозной свежестью лесного воздуха, будоражил чувства, дразнил и дурманил.

— Сами видите, на этом плане есть только один участок, из которого можно сравнительно быстро попасть в оба пункта, — продолжала объяснять слегка оживившаяся учительница. Видимо, мысли о классной комнате и географические эскерсисы придавали ей уверенности в себе. — Вот, смотрите!

Глотов с некоторым усилием сосредоточился на рисунке. Некоторое время молчал, вглядываясь в корявые подписи под кружками и жирный крестик с пририсованным сбоку знаком вопроса, потом вдруг зычно заорал:

— Ерофеев! Разворачивайся! Езжай к заимке Михеича! Ох ты... — он вовремя удержался от крепкого словца. — Ай да Мария Павловна!

* * *

Оживления Вельгурской хватило ненадолго — вскоре девушка опять приуныла. До Глотова, так и оставшегося сидеть рядом, донесся тяжелый вздох. Урядник взглянул искоса на печальное лицо, сказал виновато:

— Простите, Мария Павловна. Знал бы, что так обернется, нипочем бы вас с собой не взял.

— Наоборот, — чуть помолчав, ответила Мария. — Хорошо, что взяли. Сразу все стало ясно. Какая же я была дура. Поехала в Сибирь за таким мерзавцем. Животное.

— Ну, зачем вы уж так-то, — примирительно возразил урядник, не чуждый извечной мужской солидарности. — Дело молодое, мужчина в соку, сами понимаете...

— Нет, — помотала головой Вельгурская. — Я не хочу это понимать. Вы что, хотите сказать, все мужчины на такое способны? Вы что, тоже такой?

— Нет, — решительно отказался Готов. — Я не такой. Я, хоть и вдовею пятый год, себя соблюдаю. С Агашкой в жизни не связался бы. Вот жениться на хорошей девушке — это с удовольствием. Только не идет за меня никто.

— Почему? — тихо спросила явно заинтересовавшаяся Мария.

— Жена у меня родами умерла, — урядник помолчал, потом нехотя добавил: — Сорвался я тогда, не в себе был. На повитуху вызверился, даже в острог сажал. Потом уже выпустил, когда и доктор сказал, что не ее там вина, ничего нельзя сделать было. А повитуха, известное дело, женщина старая, злопамятная. В отместку пошла по домам языком трепать, что, дескать, порченный я, что глаз на мне дурной, и через это все мои жены родами помирать будут. С тех пор как ни зашлю сваху, везде отказ получаю. Главное, все знают, от кого сплетня идет, а доказать никак нельзя. Хуже нет мести, чем бабий наговор.

Девушка смотрела на Готова во все глаза. Он снова залюбовался ее лицом. Не удержался, развернулся к ней всем телом, сказал значительно, глядя в упор:

— Нашлась бы такая, что глупых сказок не испугалась, — ей-богу, всю жизнь на руках бы носил...

Учительница не успела ничего ответить. Захрапели, заметались в постромках лошади. Сани резко вильнули, вылетели из колеи, чудом не вывернув седоков.

— Ерофеев, какого...- начал было урядник, поворачиваясь к вознице и осекся, не в силах поверить собственным глазам.

Истошно завизжала Мария. Ерофеев изо всех сил натягивал вожжи, пытаясь удержать на месте упряжку, и зычно орал:

— Ой, чур меня, чур! Иваныч, перекрести!

Прямо над дорогой, преграждая путь, парил огромный, ростом почти с человека... таракан. Тело твари было словно облитое толстой прозрачной шкурой, по которой бегали, вспыхивая, разноцветные огоньки. Долю секунды он висел неподвижно над блестящей в лунных лучах колеи, потом резко развернулся и помчался в сторону, еле касаясь сугробов тонкими лапами.

— За ним! — заорал Готов, выскакивая из саней. Он успел разглядеть под брюхом жуткого насекомого здоровенную стопу густо исписанных бумаг. — За ним!

* * *

Глубокий снег мешал бежать быстро, и таракана скоро потеряли из виду — однако по всему было видно, что он и впрямь бежит к займке Михеича, стоявшей у небольшого, никогда не замерзавшего лесного озера. Еще не добравшись до жилья старого отшельника, полицейские увидели между деревьями странный, слишком яркий и какой-то неживой свет.

Круглое сооружение, размерами не меньше крестьянской избы, сияя огнями, медленно поднималось с озера в ночное небо. В воздухе стоял низкий равномерный гул. Верхушки елей пригибались, словно от сильного ветра.

Михеич с порога наблюдал за подъемом.

— Где он? — спросил, задыхаясь, Готов.

— Там, — не удивившись вопросу, ответил Михеич, кивая на сооружение. — Натворил, что ли чего?

— Натворил! Зачем он бумагу таскал, не знаешь?!

— Жрал он ее, — спокойно объяснил старик. — И запасы делал. Оголодал, видать, летаючи. Он и у меня все, что было, перетаскал, махорку заворачивать не во что. И опилки жрал.

— Откуда он взялся?!

— Кто ж его знает? Просыпаюсь — на озере эта штукавина плавает, по двору чудище во образе прусака шастает. Ну, я двери-то на засов, ружжо схватил и к окну. А ему, басурману, двери что есть, что нет... только что снаружи был, и вдруг хлоп! — уже в горнице!

— Как?!

— А вот так. Видать, наскрозь через стены ходит. Я стрелять — а его пули не берут. Броня на ем хоть и прозрачная, да крепкая. Ну, тут я, признаться, со страху штаны обмочил... А потом ничего, привык. Он мне дрова пилить помогал — за опилки. А натворил-то чего?

— Все бумаги унес из уездной канцелярии! Списки неблагонадежных, судебный архив, долговые расписки в казну — все, что там было! — урядник смотрел вслед исчезающему в небесах светлому кругу с тем же выражением, какое бывает на морде охотничьей собаки, провожающей взглядом упорхнувшую дичь.

Повисло молчание. Рокот становился все отдаленнее, таял среди звезд.

— Иваныч, нам его там не достать, — заметил наконец Ерофеев. — Пошли обратно к саням, пока девку волки не съели. Потом придумаем, чего в губернию отписать.

И, не дожидаясь начальства, направился к лесу.

Готов минуту стоял, словно все еще надеясь найти какой-то способ перехватить злоумышленника, затем махнул рукой, резко повернулся, и, даже не попрощавшись, размашисто зашагал следом.

— Вон оно как, — задумчиво протянул старик, опять поднимая взгляд к небесам. — Списки да расписки, значит... Хороший, выходит, был человек.

Помолчал и добавил:

— Хоть и таракан.

Об авторе

Родилась в 1963 году и росла в Ленинграде, школьные годы провела на Крайнем Севере, там же поступила в технический университет. Однако инженером-механиком так и не стала — после четвертого курса решила вернуться в город детства и уехала обратно в Питер. Совмещала учебу в Полиграфическом с работой переводчиком (английский, французский). Впоследствии специализировалась на истории французской литературы, проходила стажировку во Франции, потом уехала из России. Жила в разных странах, получила высшее экономическое образование в Fairleigh Dickinson University, Нью-Джерси. В настоящее время живет в США, работает экономистом. В 2011 рассказ «Йо-хо-хо и бутылка рома» был опубликован в журнале «Полдень, XXI век». С этого все и началось и (с переменным успехом) продолжается до сегодняшнего дня.

Ирина Соколова

Зачем и почему

Инопланетянин плюхнулся рядом со мной на скамеечку, слегка просачиваясь между досок. Ни тебе «здрасьте», ни тебе «приятнейшая погода», сразу с места в карьер:

— Зачем люди пишут и рисуют на заборах?

Я опасливо покосился на существо, состоящее из слизи, ресничек и отростков. Они противные, беспардонные и назойливые, эти пришельцы. А еще все время вопросы задают, ну совсем как дети.

— Ну-у-у... Тут может быть много причин. Скажем, выражение чувств, выплеск наболевшего. Например, «Вася чмо» или «Люся, я тебя люблю!»

Инопланетянин задумчиво шевелил ресничками и молча капал на асфальт, так что я решил, что можно продолжить:

— Бывает еще, что это попытка убедить окружающих принять твою точку зрения посредством ее повторения. Известно же, что многократно повторенное утверждение закрепляется в сознании людей, а потом постепенно принимается на веру. К таким надписям относятся, например, «Рэп — отстой», «Спартак — чемпион», «Беркут — лох, Кипелов — бог».

А интересная ведь тема! И ведь сам бы я никогда не задался этим вопросом, — таким, казалось бы простым и в то же время глубоким! Надо будет, когда домой приду, записать мои выводы, сделать табличку..

— Кроме того, человек может рисовать на стенах из потребности показать свою принадлежность к какому-то течению. Поэтому в городском пейзаже часто мелькают такие символы, как свастика, пентаграмма, пацифика. А еще, возможно, в порыве к наскальной живописи проявляется желание просто утвердить свое существование, оставить след на лице мира или хотя бы на заборе. Некоторые пишут «Здесь был Лева», другие изображают рожи или половые органы, что кому ближе. А вообще, здесь вопрос скорее не «зачем?», а «почему?».

Я прервал свою лекцию и посмотрел на пришельца. Тот не перебивал. Редкий случай. Ну что же, надо пользоваться!

— И на вопрос «почему?» может быть целый ряд ответов. Почему? Да потому, что вокруг ребята, и надо показать, какой я смелый и крутой. Почему? Потому что первобытный инстинкт зовет пометить территорию. Почему? Потому что смотри, какой замечательный, совершенно новенький забор, а у меня тут как раз баллончик с краской припасен!

Я замолчал. Все-таки преподаватель — это диагноз. Инопланетянин побултыхал своей тушей а-ля холодец и спросил:

— Ты закончил?

— Д-да, — не очень уверенно ответил я. И тут же разлетелся на сотню маленьких частичек. Это было ужасно больно.

Через какое-то время (короткое, потому что мы сидели на той же скамейке, и гора слизи еще не успела прожечь ее насквозь) пришелец собрал меня назад. И это тоже было невероятно мучительно. Задыхаясь, я по привычке спросил:

— Зачем ты это сделал?

— О, моему поступку можно найти несколько объяснений. Возможно, чтобы показать раздражение. Или несогласие с твоими словами. Или просто чтобы утвердить свое существование за счет распыления оппонента.

Он немного сплющился и спросил вторым, неслышимым голосом:

— Тебя не бесит, когда с тобой так разговаривают?

Потом снова переключился на звук:

— А вообще, тут скорее вопрос не «зачем?», а «почему?». Вот почему вы, люди, на один простой вопрос не можете дать один простой ответ? Или даже «когда?». Когда вы, наконец, поддадитесь нашему благотворному культурному влиянию? Вот тебя, например, я вижу, на этой неделе шесть раз уже распыляли.

Я неуютно поежился. Что поделать, язык мой — враг мой. Но они же сами спрашивают! Что ж теперь, молча разворачиваться и убегать от вопроса? Это как-то некультурно и даже не по-мужски.

— Подумаешь, распыляли. Восстанавливали же.

— Ну да. Грех терять такого собеседника. Ты хорошо объясняешь, только неправильно. Учишь вас, учишь. Образовываешь, муштруешь, дрессируешь, а толку...

Я знал, что мне за это будет, но не смог удержаться:

— Во-первых, мы дикие и своевольные, так что дрессировать бесполезно. А во вторых, простейшим не понять многоклеточных!

— Ну вот, опять! — всплеснулся инопланетянин и развеял меня. Чтобы тут же собрать воедино.

— Нет, вы все-таки безнадежны, — констатировал взвешенной инквизитор.

— Это вы безнадежны, — сквозь боль выдохнул я. — Все сложнее, чем кажется. Не может быть одного ответа. И надо уметь учитывать мнение других. Видишь, вот ты, например, уже немного научился. Хотя бы слушать.

Мой собеседник возмутился и взволновался, как может мутиться и волноваться только существо желатиновой консистенции. Но больше не стал меня распылять.

— И ты большой молодец. И все вы молодцы. Интересуетесь, спрашиваете. Это правильно. Раз уж мы оказались в одной лодке, надо уживаться, учиться понимать друг друга.

Пришелец пошел мелкой рябью и часто-часто задержал ресничками. Я понял, что не надо больше испытывать его терпение, и поднялся. Чуть руку не протянул для прощания, но вовремя себя одернул.

— Ну что ж, спасибо за беседу. Я пойду. Бывай.

— Можем завтра тут встретиться. В это же время, — предложил любознательный студень.

— Почему бы и нет? Погодка приятнейшая.

Я засунул руки в карманы и, посвистывая, направился домой. На автобусной остановке купил в киоске со всякими бесполезностями толстый нестираемый маркер. Нашел во дворах сравнительно неисписанный (в обоих смыслах) гараж. Под размашистым лозунгом «Homo sapiens — лучшие! ET go home!» я крупно нарисовал человечка, как его рисуют на дорожных знаках. Низачем и нипочему. И это было особенно приятно.

Об авторе

Родилась в Курске, с золотой медалью окончила гимназию с углубленным изучением английского языка. Поступила в Институт журналистики и литературного творчества (г. Москва), специальность «Художественный перевод», окончила с красным дипломом. В школе писала стихи, в институте посещала мастер-класс фантастики, принялась за прозу. В тот же период стала переводить с английского для издательства «Эксмо», на данный момент опубликовано 7 переведенных ею книг. После института устроилась в бюро переводов (владеет четырьмя иностранными языками), сейчас работает редактором отдела нефтегазовой тематики по направлению «бизнес, маркетинг». Публикации: подборка стихотворений, журнал «Девичник» № 22/23, 2007 г., рассказ «Записки о демоне» в альманахе Института журналистики и литературного творчества «Этажерка» № 4, 2010 г., Москва, AugustBorg, рассказ «Джунгли, стрельба и немного безумия», иллюстрации к рассказам других авторов — журнал РБЖ «Азимут», 2013 г., рассказ «Перемен», альманах «Антология Мифа 2013», Феодосия.

Елена Сафронова

Спаситель отечества

повесть

Грандиозное изобретение Мити Полозова, молодого специалиста научного института с непроизносимым названием, на машину времени никак не походило.

Впрочем, это была первая машина времени, которую Алик Сергачев видел «вживую» — а не в кино и не на иллюстрации к фантастическому роману.

Черт знает, как должны выглядеть машины времени...

Но все же несолидное зрелище смущало Алика.

Походило это устройство больше всего... на будку уличного телефона-автомата, попавшегося под горячую руку вандалам.

Пластиково-алюминиевая кабинка светилась со всех сторон щелями, лязгала дверцей и вид имела донельзя жалкий. Верный признак, что она была собрана неумелым Митей собственноручно — из чего придется. «Подручные материалы» заплоняли сарай, превращенный Митей в мастерскую, так, что передвигаться можно было только бочком. Но для машины времени Митя освободил от хлама целую площадку метра в три диаметром. И все равно... не впечатляла она, сиротливо стоящая среди гнутых железок, ржавых посуды, листов оргалита и трубочек, трубок, труб и колец непонятно из чего.

Или это неприятзательный фон вредил агрегату?

В довершение сравнения с телефоном-автоматом, на внутренней стенке кабины висела панель с кнопками. На кнопках красовались цифры от 0 до 9, рядом тускло отливало отраженным светом гладкое окошко — на взгляд Алика, вовсе «нио чемное».

Так Алик и спросил, обойдя косо стоящий гроб три раза:

— Мить... а это что за фиговина?

И указал пальцем на окошечко.

Дальше молчать было бы невежливо. Друг суетливо бегал следом, заглядывал в глаза, просительно, как собака, жаждущая кусочка с хозяйского стола.

— Т-т-ты что! Эт-тт-то же дд-дисплей! Н-на н-нем т-сцифры з-загораются! — обрадовавшись вопросу, затараторил Митя. И Алик досадливо сморщился в сторону. Он как-то упустил из виду, что каждодневное заикание Мити становилось вовсе невыносимым от возбуждения, испуга

или радости. Сейчас, полный законной гордости изобретателя, Митя, разумеется, барахтался в омуте положительных эмоций. То есть ускоренную речь его не смог бы расшифровать с первой попытки и профессиональный логопед. Алик не был логопедом. Он был тренером по единоборствам.

Алик попытался дружески успокоить Митю. Сказал: «Ну вот, у тебя получилось! Молодец!» — и начал задавать ему такие вопросы, чтобы изобретатель мог отвечать намеками и жестами. Столь эклектичным образом Алику удалось понять, что на панели набирается год, куда пилот направляет машину времени, для проверки в окошечке высвечивается та же дата, а потом перекидыванием крупного, точно монтировка, рубильника (впрочем, кажется, он и был переделан из монтировки) пилот «катапультируется» вместе с аппаратом сквозь толщу лет.

Все это Алика совсем не вдохновило, хотя он и делал восторженную физиономию. В глубине души он привык считать своего школьного приятеля Митю стопроцентным и бесполезным «ботаном». Как и все, кто соприкасался с Митей — начиная с его родителей. Щуплый сутулый Митя знал, какое впечатление производит на окружающих. И с безумством храбрых боролся за изменение своего «имиджа». Так было все годы, что Алик его знал и защищал от тумачков, какими физически развитые школяры традиционно награждают оскорбительно умных «ботанов».

Алику очень нравилось, что Митя разбирается во взрывчатых веществах. Из невинных бытовых предметов Митя умел собирать классные бомбочки и петарды — лучше покупных!.. Одна из них однажды красиво взорвалась чуть не перед носом старшеклассника, вздумавшего показать Мите в действии превосходство практики над теорией. Но вышло, что Митя ему продемонстрировал первенство теории... Ребята «шизика» с тех пор не трогали.

Но одна бомбочка бахнула у Мити на столе в ходе сборки. Тогда он и начал заикаться.

К счастью, социально опасные идеи для Мити были редкостью. Совершенствование отношений с миром начинал Митя — благородно — с себя. Выдвигал проекты, которые требовали от него проявления «мужского характера» вкупе с применением обширного интеллекта. В третьем классе школы, например, пытался вылететь из окна школы на складных крыльях. И не расшибся насмерть только потому, что Алик сдернул его с подоконника и сломал крылья — пенопластово-алюминиевые, они не выдержали и двух прицельных ударов кроссовки. В шестом классе носился, как с писаной торбой, с идеей вживить себе в мозг сотовый телефон посредством операции. Тут уж родители прописали ему такую лоботомию... Митя несколько дней не ходил в школу — болело от воспитания все тело. По телефону он сказал Алику, что отец поставил условие: станешь совершеннолетним — ломай хоть голову, хоть спину, а пока я за тебя отвечаю, чтобы об этой дури не слышал!

К моменту совершеннолетия Митя разочаровался в «электронном мозге». К тому времени у него сменилось несколько дел всей жизни. На первом курсе института Митя моржевал, зарабатывая жестокие бронхиты и подводя под это дело теорию — что биохимия человеческого организма рассчитана на проживание в условиях мороза, и что все болезни —

от изнеженности и теплолюбия. Он рассчитывал стать провозвестником учения «Отец Мороз» и не слушал приземленных возражений Алика, учившегося на факультете физкультуры. «В-вас-с т-там утшат по ш-шаб-блонам, п-п-природ-да г-гораз-зд-до с-сложнее!».

Ваял из себя «Отца Мороза» Митя ровно до тех пор, как узнал, что в России уже был один Победитель Природы, Учитель народа, Бог Земли Порфирий Иванов, чей культ до сих пор не забыт. Митя же хотел выделиться, заявить о себе. Потому вернулся к изучению взрывчатых веществ.

Только за это упорство (не в любви ко взрывчатке, а в достижении цели) и дружил который год после школы атлетически сложенный и презирающий «дохляков» Алик с начитанным, очкастым и смешным Митей.

Только из уважения... нет, не к Мите, а к своей давней с ним дружбе — терпел Алик осмотр «машины времени», которая, как и новая безумная идея Мити управлять временем, а с ним и историей, представлялась ему ахинеей. Точнее, даже далекий от науки Алик знал, что идея не новая, не такая уж безумная, и вовсе не Митина — но для Мити она была беспрецедентна. Алик побаивался, что воспаленное многолетними насмешками сознание Мити не выдержало — стало потихоньку таять, сдвигая крышу.

— Слушай, а можно ли ее испытать? — спросил Алик, сочтя, что все про «машину времени» понял. — Я готов!

Митя выпрямился и стал очень серьезным:

— Я ей-ей-е исп-пытаю с-сейчас. Но — од-дин! Без-з т-т-тебя! Я н-не имею п-права т-тобой рисковать!

— Да ладно, — легкомысленно отозвался Алик, — подумаешь, риск... Полетели минут на пятнадцать назад... не, в утро сегодняшнее! Чтобы ты меня не обманул! Утром дождь шел, а сейчас солнце. Я сразу пойму: если мы под дождем, значит, перелетели на полдня. И всех делов!

— М-м-маш-шину г-гонять из-з-зза т-таких п-пустяков! — обиделся Митя. — У м-меня н-на н-ней-е д-другие п-планы! — так гордо сказал чудака, что Алик просто вынужден был спросить: «Какие?».

Услышав подробно об этих планах, Алик долго бил себя ладонями по ушам: послышалось, что ли?..

Нет, не послышалось. «Ботаник» Митя, мозгляк и заика, решил податься на своей машине времени ни много ни мало — в декабрь 1237 года! Управление временем и историей, оказывается, надо было понимать буквально. Митей овладела идея-фикс, что отечественная история нуждается в корректировке многих ее не лучших страниц. Первой «провальной» эпохой, затормозившей развитие государства на много веков, Митя считал татарское иго. Считал не от балды — специально прочитал книги всех дореволюционных историков и тех советских, что писали о древней и средневековой Руси (книги валялись на стеллаже вдоль стены, Митя порывался зачитать Алику выдержки, тот замахал руками: не надо, верю!). Чтобы избавить многострадальную родину от этакой беды, исторический процесс завоевания Руси татаро-монгольскими полчищами надо было остановить в самом начале похода хана Батыея. Вот Митя и собрался помогать русичам, жителям стольного града Рязани, встретившего татарское войско первым, себе на погибель. Алик задал резонный вопрос, чем друг собирается помо-

гать средневековым богатырям, которые могут его невзначай чохом убить, неужели своими комариными кулачонками? Митя, лучась счастьем, ответил, что у него кое-что есть — и выволок из секретного угла мастерской, из-за баррикады техногенного хлама, жестяную банку. Внутри лежал серо-зеленый матовый порошок.

— Это что? — удивился Алик.

— П-п-порох! Б-ба-лл-листитный! С-собственного из-зг-г-готов-вления! — восторженно выдохнул Митя. — Б-б-буд-ду русищ-щей утшить п-пушки делать!.. Если н-не в-в-выйд-дет, п-п-просто с-снаряд в-в-з-ззорв-ву п-перед наступающей армией!..

— На хрена? — умно спросил Алик.

— Он-ни не ж-ж-дд-дут т-такого! Он-ни опешат! М-мног-гие п-погиб-бнут! Испугаются! Т-технологическое п-п-рев-восход-дство! Откатятся назад! П-преимуществ-во в-во в-в-времени! Б-будет за русищ-щам-ми! А з-значит — и в-в силе! — брызгал слюной Митя. — Я из-зменю х-ход-д истории!..

— Ну, взорвешь ты один снаряд! — начал уговаривать Алик. — Ну, может, два! Сколько народу перебеешь? Человек пятьдесят! А их тысячи шли! Это не метод, Митюн! Зря только собой пожертвуешь... — Алик, всегда имевший влияние на друга, теперь не знал, как его отговорить от эскапады, которая представлялась более дурацкой, чем героической.

Митя орал, что хочет быть героем, что ему надоело быть ничтожеством! Он, мол, всегда знал свои слабые стороны! Пришла пора доказать, что он тоже кое на что способен! При этом Митя оглядывался за левое плечо, будто разговаривал с кем-то в мастерской, кого не видел Алик. Не сразу догадался гость, что хозяин адресует к запыленному фотографическому портрету, висящему на стене чуть выше залежей утиля. Митя взглядывал на фотокарточку в строгой рамке благоговейно, будто на икону.

Алик подошел полюбопытствовать. Изображен на карточке был военный в фуражке, упрямый подбородок его подпирал воротник с какими-то нашивками.

— Эт-то м-мой д-дед, д-дедушка Жора! В-вет-теран В-великой Отечественной! — с достоинством отрекомендовал Митя Алику человека на портрете. — В-вот, он б-был г-герой! П-поб-бед-ду к-ков-вал! А я — ег-го в-в-внук! И х-хотшу б-быть д-достойным д-дедушки!

Как понял Алик, дедушка Жора (живший отдельно от семьи Мити) умер от почетных ран три года назад. И Митя свихнулся на жажде почтить память деда собственным подвигом. Резонов о том, что можно в честь деда жить, работать, совершать научные открытия, но не предпринимать идиотских вылазок, Митя слышать не желал. Зажмуривал глаза и начинал отчаянно мотать нечесаной дурной головой: «Т-так н-нечестно! Д-дедушка н-на в-войн-не от оп-пасности не п-прятался! И я н-не б-буд-ду!..».

— Ну, вот что, — сказал, наконец, Алик решительно и шагнул к Мите, надеясь применить тот же метод, что сработал в третьем классе, — короче, дай сюда банку!..

Митя отпрыгнул от Алика с перекошенным лицом. Как удалось ему одним движением преодолеть все свободное пространство сарая?.. Из кар-

мана он выхватил зажигалку и высек длинный язык пламени — утвердил зажигалку в слегка прыгающей руке прямо над порохом.

— Н-не п-подх-ходи! Или — з-зажгу!..

— Ты что?! — перетрусил Алик. — Взорвемся же, бляха!..

— В-в-вз-зорв-вемся, — подтвердил Митя. — Ес-сл-ли с-станешь м-мешать.

Так и вышло, что Алик простился с Митей на пороге «машины времени». Он, конечно, высматривал малейший шанс скрутить и обезоружить своего друга-чудака. Но и Митя был начеку. Потребовал, чтобы Алик отошел к самой стенке с портретом бабушки и там, вклинившись между предметами старой-престарой мебели и громоздким мусором, стоял все время, пока он будет совершать перелет. Зажигалкой все время угрожающе чиркал возле взрывчатки. Алику ничего не оставалось...

Он выпросил себе одну поблажку — ждать Митю в мастерской, втайне уверенный, что что-то в полете сквозь века не заладится. Митя великодушно позволил. Но предупредил, что не знает, насколько путешествие затянется. По расчетам Мити, время в прошлом движется так же, как и в режиме онлайн — а вот при возвращении можно выставлять тот же день и час, когда стартовал, но мало ли, какие возможны погрешности. «Эт-то м-можно в-выяснить т-только эм-пиритически!» — важно заявил хренов экспериментатор. Алик саркастически покивал из своего закутка...

Митя сунул под пальто банку с порохом и занял пост перед панелью управления. И точно, Алик угадал: сразу же оказалось, что расшатавшиеся кнопки (где он только достал такую раздолбанную клавиатуру?) не нажимаются, или, напротив, нажимаются вместо одного раза — четыре подряд. Алик невольно хихикнул. Митя сделал успокаивающий жест рукой:

— Н-на эт-тот слутшай есть в-верб-бальное уп-прав-вление! — и, склонившись к окошку в стене кабины, проговорил возможно четко: «Од-дна тыс-сяча д-ддветь т-тридцать с-седьмой г-год, п-пятнадцатое д-декабря, С-старая Ряз-зань!».

На глазах Алика, не ожидавшего, признаться, такого эффекта, машина времени с Митей внутри словно бы растворилась в воздухе.

* * *

...Митя не думал, что древняя Русь была настолько развита, что один из ее стольных градов выглядел примерно как современный изобретателю поселок. Сквозь мутный пластик кабины он видел кривую улицу, застроенную двухэтажными домами, разбитый булыжник мостовой, ведущей к широкой, очень грязной, заваленной ошметками сена площади. Рванув дверцу, придерживая под пальто будущую бомбу, Митя вышагнул на улицу и тут же наступил в лужу. Еле удержался на ногах, извернулся, как угорь, чтобы не уронить банку с порохом. Огляделся.

Улица, плавно изгибаясь, как ленивая змея, одним концом — по-видимому, головным — утекала к скоплению домов о двух-трех этажах. Прежде эти дома были нарядными, теперь, как разглядел даже Митя

сквозь свои бифокальные очки, пастельные их цвета были грязными, а белые завитушки под крышами и кое-где по стенам — облупленными. Завитушки не ассоциировались у Мити с древнерусским зодчеством. Обернувшись в другую сторону, Митя увидел, что край улицы растушевывается подступающими заснеженными полями, а городские строения сменяются вовсе деревенскими избушками. Там, где бревенчатые домишки лепились друг к другу погуще, над их скоплением возвышался какой-то краснокирпичный огрызок. Он напомнил Мите разрушенный болезнью зуб. Рассмотрев над крышей обломки пяти каменных якобы столпов, путешественник во времени догадался, что это церковь — но со снесенными куполами. Что за фигня? Неужели татары уже прокатились по стольному граду Рязани и разрушили христианские храмы? Но ведь все историки, опираясь на известные источники, сходятся, что осада Старой Рязани войском Батюга началась 15 декабря 1237 года!.. Кстати, об осаде! Где вал, откуда, по прикидкам Мити, было бы так удобно шарахнуть снарядом? Где ров, по берегу которого сплошной линией бесновались нукеры, посылая вперед и вверх, на защитников Рязани, тучи стрел? Где крепостная стена, с которой на кожаные шапки осаждающих лили кипящую смолу и нечистоты? Где два величественных собора, один из них — двадцатистенный?..

Митя заподозрил неладное. Но натура исследователя не позволила ему укрыться в машине времени и «вернуть назад» — в свою безопасную эпоху, в уютное свое убежище — сарай-мастерскую, где Алик встретил бы приятеля гомерическим хохотом. Он поудобнее перехватил оружие и торопливо зашагал в сторону площади, обставленной большими домами. Так как Мите приходилось сосредоточиться, ступая по скользким редким булыжникам улицы, он не заметил, как на другую сторону непролазно-слякотной дороги от его «телефонной будки» брызнула фигура в кепчонке, низко надвинутой на глаза. Фигура обогнала изобретателя, пересекла нехитрый каменный мостик над оврагом, перечеркивающим улицу, и вбежала в красивый некогда дом бывшего зеленого колера.

Не дойдя до площади, Митя укрепился в мысли, забрезжившей у него после первого знакомства с пейзажем, что попал не в древнюю Рязань. Взгляд его уперся в портрет, украшающий трехэтажное каменное здание, самое роскошное на убогой улице. Прищуренные глаза, усы, ершик волос над невысоким лбом, полувоенный френч, алое знамя позади — фоном. Лицо кого-то напомнило Мите... но явно не воеводу Евпатия...

«Слава великому Сталину!».

Прочитав плакат близорукими глазами, несчастный изобретатель застонал от обиды и чуть не повалился на тротуар — догадался со всей очевидностью, что его невнятное мычание — при отправлении — машина времени расценила не так. Закинула пилота, бедолагу, не в 1237 год, а на семь столетий позже... Ах, черт, почему же он ей кнопки не отладил?!..

Повалиться ему не дала твердая рука, подхватившая повыше локтя.

— Тихо, не дергайся, — негромко и зло сказали Мите. — А ну-ка, что под пальтом прячешь?

Чья-то лапа умело залезла под пальто, выхватила банку с порохом.

— Отрава! — подхватил второй голос. — Заграничная, небось, Степан, гляди!

— Дура, не лапай! Вдруг на деле отрава! — покровительственно сказал тот, что держал Митю.

— Эт-то не от-т-т... — рванулся Митя. И заткнулся, сообразив, что сказать честно «порох» — еще хуже. Обмяк, повиснув в железной хватке Степана.

— А что с его драндулетом-то делать, Степан? — заговорил тот, что был пониже и повертливее, лез любопытным носом в банку с порохом и густо дышал луком. — Надо ж того... разбираться надо ж, че это за транспорта такая, из ничего выезжает! В жисть такого не видывал!

— Товарищ сержант разберется! — весомо сказал Степан.

— Степан, а Степан! Это ж, наверное, шпиенская транспорта — а? У нас такого не... — говоривший метнул взгляд на портрет и живо исправился: — Да, эта штука заграничная, сразу видно, а против пролетарского оружия — фуфло! Каких бы диверсантов к нам враги ни засылали!

— Не мели зря языком! Ты видел, как он на ней приехал?

— Не видел, но этот же сказал...

— Да мало, че он сказал!.. Может, тому помстилось с испугу! Ты его держи крепче, шток не сбег — вот твоя задача в борьбе с врагом мирового пролетариата!

— Я н-не в-в-в... — от ужаса Митя не мог говорить, и его чрезмерное заикание борцы с врагами мирового пролетариата расценили по-своему.

— Ишь, по-своему забалакал, по-заграничному! Недаром, видно, круг обкома с банкой яда шлялся!

— Степан, — вертелся на месте суетливый, — дак че с транспортой-то? Оставить здесь — не сопрут ли? Народишко дрянь у нас...

— Не сопрут! — авторитетно заявил Степан. — Видал, как этот, ну, што сообчил, перепугался? И другие перепугаются. А мы караул поставим. Только сначала диверсанта надо доставить товарищу сержанту.

* * *

Сержант госбезопасности Георгий Полозов мучился с задержанным. Во-первых, он страшно заикался — хоть переводчика ему нанимай! Да где найдешь такого переводчика...

Чуть не на пальцах задержанный объяснил, что зовут его Дмитрий Михайлович Полозов. Сержант, записывая собственную фамилию, хмыкнул: не родня ли? Да не припомнит он в своем многочисленном деревенском семействе юнцов — 23 года — и Дмитриев! Аристарх есть, двоюродный брат, Серафим есть... был, кочерыжка поповская, вместе с папашей в Сибирь отправлен, как бы в органах не узнали о такой родне, хоть и седьмая вода на киселе... Даже Мордальон — и тот есть, в Москву на метрострой подался! А вот Дмитрия — нет! Но о каком родстве может идти речь, когда перед тобой явный контрреволюционный элемент, завербованный иностранной разведкой с диверсионной целью!.. Цель сейчас предстояло

определить в красках. Над реализацией задачи и бился сержант Полозов, как рыба об лед.

Во-вторых, поняв, что его диверсионная миссия провалена, пойманный преступник стал косить под дурачка и на предъявленные обвинения отвечал что-то непотребное. Впервые за два года своей серьезной службы товарищ сержант не знал, как составлять протокол.

— Назови сообщников! — устало говорил сержант стоящему перед ним, покачивающемуся дохляку — видно, совсем плохи дела у иностранных разведок, если таких пацанов нанимают и засылают в Советскую Россию!..

— Н-н-нет-т с-ссоб-б...

— Это я уже слышал. Не надо врать. Сообщники твои задержаны, дают показания. Скоро очную ставку тебе с ними устроим. Но чистосердечное признание смягчает вину. Говори, кто тебя завербовал, кто в СССР направил?

— Н-н-ник-к...

— Отвечай правду, гад!..

— Н-нет с-собщ-б-щов! — дохляк плевал на пол, где уже валялись его растоптанные очки, кровью. — Я н-н-не в-в-в... Н-н-ник-к... н-не м-мог-г с-с-сд-д-делать, ч-что я! Я од-д-дин ее с-собрал!

— Что собрал, гнида?!

— М-маш-шин-ну в-времени!

Приехали. Начинать сначала. Не запишешь такого в протокол, иначе собственной башкой заплатишься. Впрочем, что это он сказал, что сам собрал машину? Может, это не засланный диверсант, а местный вредитель, проникнутый троцкистским духом и обуреваемый мстостью рабоче-крестьянской власти?.. Но как же тогда заграничное вещество, предположительно взрывчатое, обнаруженное при задержанном в количестве килограмм триста граммов?

— Значит, ты самолично собрал... стой прямо, сволочь! На меня смотри! Собрал аппарат, имеющий диверсионное значение, и неустановленным... пока неустановленным... сейчас расскажешь, как миленький... способом прибыл на нем в Рязань, затем установил его около областного комитета партии большевиков... Какое вредительство ты хотел совершить, устанавливая в этом месте свое диверсионное оборудование? Взрыв устроить? Поджог?

— Он-на н-не в-вз-зры... и н-не г-г-горит-т! Я н-не з-з-знал-л п-про об-блас-с... к-комит-тет! Я в-в С-старую Р-ряз-з... л-летел!

— Нет никакой старой Рязани, недоумок! Есть областной центр в Советском государстве, куда тебя забросили твои хозяева! Итак: ты оставил машину у здания обкома ВКП (б) с целью вредительства, в котором не признаешься, и которое было пресечено бдительными советскими гражданами. А сам отправился на разведку с банкой вещества серо-зеленого цвета, в котором наши специалисты опознали взрывчатку — но такую взрывчатку в Советском Союзе не выпускают! И ты мне втираешь, будто тебя к нам не послали?!

— Я с-сам-м...

— Сам решил вредить Советской власти и взрывать народно-хозяйственные объекты?!

— Р-реш-шил отп-п-прав-виться в-в-в д-древнюю Р-русью и з-защищать Р-рязань от полчищ Б-батыя!

Сержант Георгий Полозов облокотился на стол, уныло склонил на ладонь лоб. Посидел так секунд несколько и, резко вскинув голову, провел по лбу рукой назад, решительно отбрасывая волосы. На этот его жест допрашиваемый, шукура, уставился расширенными глазами:

— Я в-вас... з-знаю?! Д-деда Жора?!

— Какой я тебе дед, песье семя?! — вконец озлился сержант. Но ведь имя-то сучонок назвал правильно. Эх, не к добру вспоминалась обширная сельская семья...

— Ну, все, паскуда, не хочешь по-хорошему сознаваться — придется по-плохому!..

Вырубив шпионского наймита в ходе ведения допроса (счастье не слышать больше его запинаящегося и булькающего голоса, сказок, какие даже буржуазные писатели братья Гриммы не сочинили бы, и намеков на родство), сержант госбезопасности переписал протокол.

«15 декабря 1937 года в Рязани на улице Ленина задержан подозрительный элемент по сигналу сознательных граждан. Он прибыл в город на автомобиле иностранного производства. При задержанном обнаружено предположительно взрывчатое вещество в количестве килограмм триста граммов. По данным специалистов такое вещество не выпускается в Советском Союзе. В ходе допроса обвиняемый называвший себя Дмитрием Михайловым отчесво сокрыл (фамилию, совпадающую со своей, сержант благоразумно опустил — этому семь бед, один ответ, а сержанту еще жить и жить, родине служить!) свою вину не признал упорно запираясь и сумелируя сумашесвие. Но оперативные действия показали что Дмитрий Михайлов является шпионом и диверсантом членом контрреволюционной троцкистской группы. Остальные члены этой группы также задержаны и дают показания. Вина Дмитрия Михайлова в подготовке вредительской акции в городе Рязани в канун дня рождения великого вождя и учителя товарища Сталина с целью диморализации советских граждан и подорвания авторитета Советской Власти полностью доказана. Действия Дмитрия Михайлова подпадают под признаки ст. 58 пп. 2, 6, 7, 8, 9 УК СССР. В виду особой опасности Дмитрия Михайлова для советского социалистического строя дело его передается Особому Совещанию при НКВД СССР по Рязанской области для ускоренного рассмотрения. Сержант госбезопасности Георгий Полозов».

С чувством выполненного долга сержант вызвал дежурного и велел оттащить задержанного, не подающего явных признаков жизни, но, вроде, дышащего, в камеру. Знал — если и очухается задержанный Дмитрий Михайлов, то ненадолго! Ко дню рождения любимого вождя и учителя полагалось выполнить разнарядку обезвреживания контрреволюционных элементов, и как раз десятка не доставало. Но такой крупный диверсант сойдет и за двоих... восьмерых сообщников ему приписать не проблема, и уж сержант госбезопасности знал, кого. А девятым, в крайнем случае, можно притянуть за недоносительство того, кто не побегал, куда надо, когда посреди улицы Ленина возникла аппаратура троцкистского засланца.

Видели двое, а пригнал с донесением один. Непорядок. Кстати, что там с этой аппаратурой?..

Сержант Полозов спустился на машинный двор, где вольнонаемный технический специалист, учившийся, но не закончивший политехнический институт в столице, по совместительству шофер, колдовал над странной машиной. Он разобрал ее по деталям. Отдельно лежали стенки из мутно-прозрачного материала, железные рейки, панель с кнопками... На поддоне — бывшем дне аппарата — сидел технический специалист, скорчившись, будто кот, вылизывающий себя под хвостом, и ковырялся в нутре поддона, где путались какие-то проводки. Все это так и дышало вражескими хитроумными технологиями! Нет, ни в чем не погрешил против истины, совести и долга перед Родиной сержант госбезопасности Георгий Полозов!

— Ну, что, Федор Поликарпович? — обратился к специалисту сержант покровительственным тоном. — Разобрались, в чем вредительский потенциал этого сооружения? Дело задержанного я в ОСО отправляю. По ряду статей, в том числе — «терроризм». Завтра, край послезавтра нас спросят про террористическую аппаратуру — как работает, да в чем вредительство, да можно ли на службу Красной Армии ее поставить! И что мне отвечать?

— Да х... его знает!

Фразу, которую целиком произнес Федор Поликарпович, передать ОСО не осмелился бы никто.

— Не забывайся, товарищ Птушкин! — повысил голос сержант. — Я тебе задание дал, а ты задания не выполнил, да матерными словами на должностное лицо при исполнении!.. Мне отчитываться по предотвращенному преступлению надо!

— Надо, так лезь и сам разбирайся! — огрызнулся Федор Поликарпович. — Ни шиша я не пойму про эту штуку! Я шофер тебе, а не анженер! Хотите с заграничными вещами работать — не надо было анженеров в расход пускать! Оне, хоть и старорежимные, а, небось, больше меня понимали!

— Ты мне контрреволюционную агитацию не разводи! И решения особого совещания про работников технических предприятий, оказавшихся шпионами и вредителями, не оговаривай! — строго сказал сержант. — Не хочешь мое задание выполнять — я к товарищу лейтенанту пойду с докладом, посмотрю, как ты ему матом вякнешь.

Федор Поликарпович что-то угрюмо пробубнил себе под нос, и сержант понял — бунт усмирен.

— А взрывчатка? — спросил сержант.

— Тоже заграничная. На наш дымный порох похожа, только луч...

— Что?!

— Заграничная, похожая на порох, говорю, — спрятал глаза технический специалист, мастер на все руки.

— Короче, сроку тебе с машиной даю до утра! До утра! — веско повторил сержант, видя, как вскинулся шофер, как лихорадочно забормотал про вторые сутки работы. Глаза у шофера, правда, были красные. Но раз Родина велела, тут не до личного отдыха.

Уходил Полозов со двора победителем. Но что-то его все-таки грызло. Наверное, грубость «техника». Надо бы ему язык-то укоротить...

* * *

Особое совещание НКВД СССР по Рязанской области приговорило всех задержанных, ввиду особой тяжести содеянного ими, к высшей мере наказания. Вся группа во главе с Дмитрием Михайловым осуждена была за террористические акты, направленные против представителей советской власти, причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений в контрреволюционных целях, шпионаж и вооруженное вторжение с целью захватить власть. Приговор надлежало привести в исполнение, не откладывая. Что и было сделано на рассвете 17 декабря 1937 года.

Затрещали выстрелы во внутреннем дворе здания управления, и пуля вошла в вихрастый затылок Дмитрия Михайлова.

* * *

Сержант госбезопасности, куривший за столом у себя в кабинете, ощутил, будто все вокруг дрогнуло от огромного мягкого удара, а свет одинокой лампочки на миг померк. Это в будущее направилась волна, стирающая из материального мира все, что было сделано или изменено Митей Полозовым. Однако сержант не знал, что такое «временная петля». Он, ярый материалист, твердо стоящий на марксистско-ленинской платформе и знавший географию, даже в то не поверил, что до его городка докатился отголосок землетрясения. И потому скучно решил, что переутомился. Шутка ли — четвертые сутки на ногах, десять допросов, отправка пороха в военкомат — подарок доблестной Красной армии, да еще машина проклятушая, в которой, хоть расшибись, не могли обнаружить вредоносных свойств. Несмотря на то, что с машиной занимался уже не один Федор Поликарпович, а еще два местных инженера и специально вызванный из Москвы, из наркомата, товарищ с очень белыми холеными руками и грамотной речью. Сразу видно — шишка!..

Но сержант, сознававший ценность своей персоны для Советской власти, решил, что, разобравшись с машиной, непременно покажется врачу ведомственной поликлиники. Специалисты там хорошие: один даже болтал раньше, что врачебное образование получил в Швейцарии! Теперь, правда, уверяет, будто самоучка, фельдшером работал в деревне и научился кое-чему от земского врача... только вся его болтовня давно уже в специальной папочке и под замком. На случай, коли начнет выкомаривать. Врачи, ежели разобратся, страшные люди — заболел человек, расслабится, обратится к лекарю за облегчением, а ты поди пойми, он тебя лечит или калечит!.. Врачу убить-то — проще простого: таблетку не ту дал, и прощайте, товарищи, вы жертвою пали в борьбе роковой!.. Так что с ним, швейцаром этим, настороже надо. Может даже, сразу после того, как про слабость эту внезапную посоветуемся...

Схлынула слабость. Потолок, стены дрожать перестали. Лампа засветила в полную силу. Морок, не иначе, был. Может, и без швейцара обойдется сержант госбезопасности Полозов. Нехай поживет еще лекаришко.

А вот что с машиной? — пора проверить!

Агрегат с машинного двора вчера весь день — по частям — перетаскивали в подвал здания НКВД области. С ним занимались инженеры и столичная шишка. Федор был на подхвате. Туда и направился сержант Полозов.

В подвале он застал картину маслом: все четверо экспертов стояли кольцом, разинув рты, вокруг стола, на котором вчера вечером — Полозов своими глазами видел! — лежали куски загадочной штуки. А сегодня на нем ничего не было. Даже пыли.

— Вы что?.. — в ужасе спросил сержант. — Где машина-то?!

— Пропала... — протянул Федор Поликарпович таким тоном, будто сам не верил себе. — Только что. Пяти минут не прошло. Была — и нету. Чертовщина!

Один из привлеченных к работам инженеров, отвернувшись к стене, быстро перекрестился. Сержант заметил это, но не до отрыжки поповского дурмана ему было. Начальство с него спросит, где вещественное доказательство по делу, которое надлежало изучить, описать принцип действия и взять на вооружение...

— Как — пропала? — не вполне сознавая, что делает, сержант наклонился и посмотрел на пол. Увидел под столом окурки папиросы, плевков и четыре пары обуви — трое штиблет и одни сапоги — на Федоре. И больше ничегошеньки.

— Так, товарищ Полозов, я доложу наверх, что вы не уберегли вещественное доказательство, вверенное вашему попечению! — поспешно заговорил делегированный из наркомата, крупными шагами продвигаясь к двери.

— Стоять! Тьфу, дьявол! Стойте, товарищ!.. — выскочил из-под стола сержант. Но столичная шишка развила такую скорость... да и не станешь же его за грудки хватать, старшего по званию...

Выбегая из подвала и несясь вверх по лестнице, представитель наркомата — Полозов глазам своим не поверил! — тоже истово перекрестился...

* * *

Алик проснулся в полутьме, видимо, рассветной. Не то от холода, не то от внезапно налетевшего чувства неуют, если не угрозы. Открыл глаза — протер их, потряс головой, ничего не понимая. Он вчера задремал в старом кресле, которое раскопал из кучи утиля, когда понял, что ожидание Мити затягивается. Прислонился к стеллажу с книгами и заснул крепким здоровым сном.

Сейчас же Алик сидел... полувися. Еще секунда — он бы грохнулся! Тренированное тело сгруппировалось прежде, чем мозг осознал опасность соприкоснуться черепушкой с полом — невеликую, но неприятную. Алик пружинисто вскочил и оглянулся. Стеллаж за его правым плечом отсутствовал. А под его пятой точкой не было драного, но удобного кресла. Они словно растворились в пространстве. Рассыпались на атомы, не оставив по себе ни винтика, ни щепочки, ни кусочка обивки, ни обрывка книжной

страницы. То, с чего взвился «укушенный» Алик, оказалось деревянной бочкой. Плотной закрытой крышкой и — Алик потрогал бочку и с омерзением отдернул руку — заросшей толстой мягкой пылью, словно плесенью. В сарае стало не в пример просторнее. Груды железа, вечером еще наступавшие на человека, расположившегося ночевать, как сугробы, сейчас, подобно сугробам же... таяли на глазах. Испарялись, не производя ни стука, ни звука. Так, бесшумно и таинственно, истаял, к примеру, здоровенный шифоньер — родной брат того, который: «У вас продается славянский шкаф?». Митя хранил в нем химические реактивы, хотя имевшийся у него ключ и слегка покореженная скважина в двери шкафа отказывались знать друг друга, и приходилось дверцы не запирать, а тяпochкой припирять. В буквальном смысле слова! У Мити водилась великолепная картофельная тяпochка. Она сошла на нет в мгновение ока. Шифоньеру понадобилось минуты две.

По мере того, как мистически пропадала мебель, по спине Алика волнами катался холодок. Впервые в жизни он был ошарашен... огорошен... шокирован... бедноватый лексикон спортсмена не мог извлечь из своего мелководья подходящего слова. Потому Алик не пытался комментировать то, что наблюдал расширенными от ужаса глазами.

Рассвело совсем. Точно молоком залило пустой сарай. «Молоко» делалось все прозрачнее. Отжившая свое мебель, кучи металлических болванок, нагромождения всякой ерунды, имевшей ценность лишь для Мити, исчезли, открыв нагие дощатые стены. К изумлению Алика, на одной из них, ранее казавшейся недостижимой, а теперь доступной, как перекресток, сохранилась фотография, на которую всего-то несколько часов назад чуть не молился Митя. Ничто уже не мешало Алику подойти чуть не вплотную к портрету. Военный — деда Жора, как называл его Митя — все так же сурово смотрел куда-то сквозь нижний угол рамки. Алик разглядел по два квадрата на уголках воротника военной формы и красную звезду с перекрещенными серпом и молотом на околыше надвинутой на лоб фуражки. Околыш был заметно темнее фуражки даже в черно-белом мире «деда Жоры». Алик — должно быть, цепляясь за это мелкое выдуманное дело, дабы не тронуться умом, — дотошно изучил лицо молодого военного, ища в нем черты сходства с Митей — и не нашел ни одной! Все, что в лице офицера выглядело значительным, решительным и мужественным, у Мити смотрелось пародийно. Не выпяченный подбородок был у чудаковатого друга Алика, а срезанный, будто лезвием; не крупный рот с выдающейся вперед нижней губой, а маленькая «щелка»; а поскольку без того небольшие глаза Мити вечно прятались под очками, то казалось кошунственным сравнивать их с круглыми широко поставленными глазами человека на фотокарточке. Одним словом, на фотографии был настоящий красавец — а Митю, при всей симпатии к нему, Алик таковым не смог бы назвать.

«Знакомство», хоть и заочное, с дедом Жорой, успокоило Алика. К тому же вещи перестали исчезать. Алик, дыша ровнее, задумался, что же с ним произошло.

Единственное, о чем смог подумать Алик — в качестве версии — что, может, машина времени сработала дистанционно, и он тоже отправился

в какой-нибудь девятнадцатый век... когда сарай уже был, а Митя еще нет, и некому было загадить постройку. Но это же не значит, что тут Алику и помереть, в этом чертовом сарае!.. Алик встал с бочки, направился к двери сарая — его характер не признавал долгих умозрительных рассуждений, он должен был все посмотреть, пощупать, проверить... Но дверь была заперта снаружи. Для тренера по единоборствам замок, даже засов на щелястой двери не стал бы преградой. Но его удаль молодецкую сдержало опасение — что там, снаружи?! Хорошо, если просто дореволюционные времена! Как говорил на уроках в старших классах школы молодой учитель, рабочие и крестьяне жили вовсе не так плохо, как пишут в учебниках, и были людьми цивилизованными и мирными... их только революция, гражданская война, разруха и квартирный вопрос потом испортили... кстати, этого учителя в середине учебного года «попросили» из школы. Интересно, за что? А если там, за сараем, этот гребаный 1237 год, куда так стремился Митя? И Алик выпадет вместе с выломанной дверью прямо под копыта монголо-татарской конницы?..

Только Алик начал примериваться, можно ли вылезти из узкой щели между потолком и стеной, как...

Сарай содрогнулся. Мягко, точно желе. Стены и потолок поплыли в сторону, и Алик, даром, что никогда не жаловался на сосудистые спазмы, головокружение и нарушения координации, покачнулся на месте, будто оказавшись в эпицентре мощного смерча. Однако смерч не причинил ни ему вреда, ни деревянной темнице разрушений. Это просто... хм? Просто ли? Но Алик уже прекратил удивляться! — посреди сарая возникли громоздкие железные куски. На одном из них что-то мигало.

Алика прошибло холодным потом — но потом он сообразил, что это всего лишь вернулась на свое место машина времени. После этого он снова заледенел: машина материализовалась по кускам, а Мити — ни целого, ни, прости Господи... — среди них не наблюдалось.

«П-пролож-ж-жен в-в-временной к-канал к-к м-моменту п-перв-вой и п-последней к-командиров-в-к-ки машины», — сказал в голове Алика Митин задыхающийся голос. Алик только башкой покрутил. Ну, канал, так канал...

— Эй! — тихо позвал он, склонившись к машине. — Мить! Ты здесь?

Ему никто не ответил. Но на самой большой детали машины — вчера она была задней стенкой, припомнил Алик — пульсировало в окошечке рубиновое изображение: «1937 егго», «1937 егго»...

— Митя! — взвыл Алик, забыв про пугающее неизвестностью «снаружи».

Мити не было. Ни видно, ни слышно. Он пропал и из сознания Алика — больше ни одного словечка характерным заикающимся голосом не «долетело» до товарища. Лишь машина талдычила свое, гася и пробуждая цифры и слово «ошибка» — уж настолько-то Алик знал английский!..

— Ты, железяка гребаная! Куда Митьку дела?! — от досады Алик шархнул по бывшей задней стенке ногой. Это, конечно, было глупо — ногу отшиб, а говорить железяка не умеет, и вообще, шизик, что ль, с предметами разговаривать...

Но, как выяснилось, не так и глупо.

«1937 error» неожиданно пропало с экрана, а сам экран, с полминуты подождав, засветился почти таким же ровным молочным светом, как тот, что окружал Алика. И в нем появился человек, которого Алик сразу узнал — точная копия лица с портрета.

Когда изображение отъехало от границы экрана, стало видно, что «деда Жора», молодой и ладный, гордо сидит на стуле в комнате с пустыми стенами, а перед ним раскорячилась тренога с фотоаппаратом — возле нее, в свою очередь, раскорячился человек, накрытый черным полотнищем по самую поясницу. До Алика даже долетел, странным образом, отрывок диалога между фотографом и объектом фотосъемки: «Внимание, товарищ сержант, сейчас вылетит птичка!» — «Вы это прекращайте, товарищ Соловейчик! Птички при старом режиме вылетали! Делайте свое дело, да без прибауток!» — «Ну так я же что? Я же вовсе ничего! Пожалуйте завтра забирать карточку, товарищ сержант!»

Машина показала Алику небольшое кино про человека с фотографии. Ход кадров постепенно ускорялся. Алик увидел товарища сержанта за столом под фотографическим портретом какого-то черта усатого; на деревянной трибуне в центре какого-то городишки, вытянувшегося по швам перед человеком в сине-красной фуражке, на фоне застывшей колонны пехотинцев — то ли принимающего парад, то ли отчитывающегося за эту пехоту; на стрельбище, ловко садящего из пистолета пули в «яблочко» картонной мишени и довольно-усталым жестом картинно стирающего пот со лба под фуражкой...

«Во дает!» — восхитился в этом пункте Алик, не очень умело обращающийся с травматикой.

Наконец, Алику было даровано видение той же площади, где стояла трибуна — но уже без нее. Она была запружена народом, все, как один, смотрели на черный репродуктор на столбе, а из него вылетали хриплые трубные слова: «... в 4 часа утра... без объявления войны... германские вооруженные силы атаквали границы Советского Союза... Наше дело правое! Враг будет... бит...». Потом появился деда Жора: в числе других военных он стоял в каком-то зале и слушал, как со сцены орет, потрясая кулаком, некий товарищ с двумя большими ромбами на воротнике. В речи оратора повторялись слова из репродуктора: и что враг будет разбит, и что победа будет за нами — только с междометиями и вставками, на которые Алик уважительно хмыкнул, — и еще что-то про особую и важную задачу по предотвращению диверсий на объектах промышленности и транспорта, и если кто недоглядит, то сами рядом с диверсантами ляжете, так-растак вас, вашу мать, вашу бабу и всех родственников до седьмого колена!.. Потом на экране — маленьком, собака! — мелькало что-то невнятное, вроде вспышек огня в полной черноте и валящихся, как деревья в бурю, направо-налево человеческих фигур. А потом Алик увидел низкое полутемное помещение и каким-то шестым чувством догадался, что это землянка. В ней прямо на земляном валике сидели двое — усталый, изможденный человек в военной форме без знаков различия, а подле — положивший планшет на колени «деда Жора», тоже в пехотной защитной форме, но с прямоугольником

в петлицах и на рукаве. Он как раз что-то чертил карандашом по замусоленной карте, поэтому руку с нашивкой в виде «кирпичика» Алик видел хорошо. Хуже, чем видел картинку, он слышал разговор тех двоих — но по мимике и жестам все было понятно без слов. Скупыми, но резкими движениями человек без нашивок показывал «деду Жоре», что ему «зарез», что у него погибло две роты — рогатинкой из двух корявых дрожащих пальцев тот, видимо, командир — тыкал в лицо «деду Жоре», который, не слушая, рисовал на карте стрелки и кружки. И только когда немый палец чуть не заехал ему в глаз, перехватил руку: «Саботировать?! Директиву Центра?! Под трибунал захотел? Или дезертиром тебя объявить?! Выбирай, товарищ Вакин! Или ты нам уж не товарищ?!». Погасший Вакин — по всей вероятности, командир какой-то части, так и оставшейся для Алика нераспознанной — сник, сбледнул с лица, но повторял, будто по инерции, что наступления он не выиграет — с одними новобранцами-то... Но «деда Жора» все пререкания отмел взмахом широкой ладони: «Партийное задание! Не выполнишь — пеняй на себя! В штрафбат захотел?..»

...По мокрому изувеченному полю, где с комьями взорванной земли и недотаявшим снегом мешались голые ветви вырванной с корнем и разметанной чуть не в щепки березы, тащилась колонна бойцов — все, как на подбор, молодые, безусые, неумело держащие тяжелые винтовки... Впереди, подавая команды так безнадежно, что они звучали бранчливо и горько, шлепал, сильно хромая, тот самый человек из землянки. Все они стремились к зарослям сырой, видимо, весенней чащи на горизонте. Но им не суждено было подойти. Лес внезапно раскрылся, точно смертоносная раковина. Из чащи полыхнуло огнем и мощью. Словно под тяжелым ветром, колонна попадала в жижу. Командир приподнялся, крикнул «В атаку!» — будто простонал — и больше не поднимался. А на головы лежащих сыпались крупные и злые черные звезды. И в местах их падения вспыхивали вопли необоримой боли и ужаса.

Белобрысый парень, на вид никак не старше семнадцати лет, упавший в самом арьергарде обреченного войска, внезапно подхватился с земли и на четвереньках побежал по полю назад, подвывая что-то неразличимое, жуткое в своей безысходности. Падение очередного снаряда, казалось, придало ему силы. Когда развеялась муть над местом взрыва, Алик заметил, что спина бегущего уже на двух ногах парня мелькает у самой кромки леса — оказывается, лес полукольцом огибал поле, которое было до войны, скорее, опушкой. Алик даже подался всем телом вслед за бегущим. Он «болел» за солдатика, как никогда не болел на футболе — чтобы тот добежал до спасительных деревьев, под которыми его, может быть, не будет видно... И тот уже почти исчез из поля зрения Алика...

Картинка резко приблизилась к глазам наблюдателя. Парнишка ворвался в лес, снеся на ходу шуплую, ему под стать, березку — но это не было смешно. Он бежал напролом, причитая: «Ой, мамочки!» — и, казалось, спасение близко.

Но ему навстречу поднялся с лежанки из веток и шинели и отбросил бинокль «деда Жора». И заорал так, что Алика отшатнуло от экрана: «Дезертировать, сучонок?! А ну, назад!». Парень повалился ему в ноги,

обнял грязные сапоги: «Ой, мамочки!.. Страшно... Стреляют... Трищ полит... не могу.. боюсь!». «К мамке под юбку захотел?!» — пыхтел дед Жора, встакивая мальчика на себя, точно в любовном объятии. «Я те устрою мамку! В штрафбат пойдешь, сука! Нет — расстреляем показательно, перед строем! А ну, назад!». Сильный удар в грудь метнул безвольное, трепещущее тело в сторону поля, покрытого недвижно лежащими людьми. Парень, не понимая, чего от него хотят, рвался в другую сторону — в глубь леса. Но путь ему преграждал «дед Жора». И «дед Жора», видя, что горе-солдат все равно стремится прочь от поля боя, выхватил из кобуры небольшой квадратный пистолет и выстрелил почти в голову парня...

Оказалось, стрелок, кладущий десять пуль в яблочко, целил не в лоб, а в правое ухо беглецу. Ухо отлетело уродливым комочком плоти. Ошалело поглядев на политработника, парень развернулся и затрусил на поле. Когда он повернулся, из уха вырвалась струя крови. Она плеснула на экран и застила Алику глаза. И больше видимости не было.

А через несколько секунд не только экран погас, но и машина дематериализовалась. Как будто и не собирал ее никогда «спаситель отечества» Митя Полозов.

Алик обнаружил, что у него волосы стоят дыбом. На фоне того, что он увидел, сущим пустяком, не заслуживающим внимания, стало медленное, вальяжное растворение в воздухе фотографии заслуженного чекиста. Даже следа от нее не осталось на стенке, словно и не провисела она тут несколько лет. А может, и правда не провисела? — с сомнением подумал Алик, отирая пот со лба. Его вдруг как молнией пронзило: не похож ли он в этот момент на «деда Жору», демонстративно стирающего пот и водружающего на голову фуражку?.. И он быстрее опустил руку, незаметно потирая пальцы — якобы он вовсе не делал ничего такого, что бы его «породнило» с сержантом.

* * *

Алик выполз из сарая, как и собирался — через прогал между стеной и кровлей. Пришлось немного поакробатничать, зато хозяйственная постройка осталась цела. Поднявшись с рук на ноги, он узрел то, что наполнило его сердце радостью: Митин дом!.. Совершенно такой же, как вчера вечером: розовая трехэтажная «сталинка» с высокими полукруглыми окнами в первом этаже, где испокон Аликова века размещалась детская поликлиника — вход с улицы, а не из двора.

Митин средний подъезд сиял закрытой кодовой дверью. Алик превосходно знал номер Митиной квартиры и код, отпирающий электронный замок. Не было, казалось, ничего проще — подняться на третий этаж, позвонить в знакомую дверь и убедиться, что все события безумной ночи оказались страшным сном... Но Алика удержало на месте, возле сарая, эфемерное чувство: что, если не все было бредом? Что, если Мити дома нет?..

Пока Алик переминался с ноги на ногу, понимая, что ни за какие коврижки не пойдет к другу, и понимая также, что не в силах отправиться

к себе домой, во двор въехал небольшой открытый грузовичок с эмблемой «Земля пухом!» на борту. Так называлось — вчера, до Аликова сна — самое раскрученное похоронное бюро города, бравшее на себя задачу не только достойного погребения, но и полного оформления могилы. Любимым «контингентом» бюро были инвалиды, ветераны, участники Второй мировой и кадровые военные — категории населения, на чьи надгробия готовно раскошелывалось государство. Видимо, сегодня контора с таким же названием выполняла те же функции.

В кузове грузовика красовался высокий памятник черного мрамора, замотанный в полиэтилен. За рулем шофер в форменном комбинезоне, управляя машиной одной рукой, пальцами другой тыкал в кнопки мобильного. Рядом с ним позевывал другой парень в униформе с тем же оптимистичным слоганом на груди.

Острым молодым зрением Алик различил на памятнике хорошо знакомую физиономию. Без сомнения, на обелиске был изображен «дед Жора», причем в лучшую свою пору — бравым воякой, с уже известными прямоугольниками в петлицах мундира и портупеей через плечо. Он даже прочитал выведенную строгими прямыми буквами фамилию «Полозов» и кусок имени «Ге... Сви...» — на фоне струящейся полосатой ленты. Алик догадался, что все это ему показывается не напрасно — и остался зрителем.

Через несколько минут из подъезда вышел Митин отец, Михаил Георгиевич. Алик аж напрягся: вот сейчас мужчина увидит его, узнает, и начнутся расспросы, что да как, где Митя... Но Михаил Георгиевич смерил Алика равнодушным взглядом — и обернулся к водителю грузовика, чтобы начать с ним перепалку. Он пенял сотрудникам «Земли пухом!», что они все перепутали, привезли памятник вместо кладбища во двор к заказчику — что это за издевательство, и кем надо быть, чтобы не понять такого простого распоряжения клиента?... Шофер и его подручный, скорчив мины школяров, подвергаемых томительной нотации, уверяли, что ничего страшного не произошло. Однако Митин отец — раньше, Алик уверен, он не был таким занудой! — продолжал бухтеть: как это ничего страшного, вы не просто безответственные, вы еще и недалекие — у вас всего два места в кабине, а сейчас спустится моя дочка, что же, нам с ней в кузове трястись до кладбища, рядом с памятником, а если он опрокинется, а если нас придавит..

Дверь подъезда снова хлопнула. На крыльце появилась очень симпатичная девушка. Она прошествовала к грузовичку и решительно взяла Михаила Георгиевича за локоть:

— Доброе утро! Чем ты недоволен, пап?

— Да вот, полюбуйся: памятник привезли сюда, вместо кладбища, теперь не знаю, как добираться...

— Вы как хотели до кладбища добираться? — неосторожно буркнул водитель, — видимо, его «достал» нудеж Михаила Георгиевича. — На троллейбусе? Или на такси? Как хотели, так и езжайте! И мы доедем! Там встретимся! Чего придираетесь-то?..

— Вот что, молодой человек! — аж раздулся от гнева Михаил Георгиевич. — Мы, конечно, до кладбища доедем и памятник сегодня установим! Потому что отцу сегодня три года, и для меня это дело чести!

Но потом я на вас жалобу напишу вашему начальству! Потому что вы учинили форменное безобразие! Безответственность, проволочка и сплошное расстройство для клиента! И натуральное издевательство над памятью ветерана Великой Отечественной, спасителя Отечества, можно сказать!

— Пишите, — вякнул шофер, отворачиваясь.

— Ну, не надо так, Степ! — вмешался второй работник похоронной конторы. — Вы, это, извините нас! Ну, ошиблись! Да мы вмиг памятник отвезем! И вы подъезжайте на кладбище! Чего, в самом деле, нервы друг другу трепать?.. Мы это... не подумали!

— А вот надо думать, молодые люди! — без прежнего запала изрек Михаил Георгиевич. — В вашей работе накладки недопустимы! Память о победителях в той войне должна быть священна для каждого из нас!

— Мы понимаем, понимаем, — бормотал сопровождающий, в то время, как Степа заводил грузовик. Машина рванула со двора со скоростью победителя ралли «Париж-Дакар». Михаил Георгиевич перехватил дочь под руку и гордо направился следом.

— Посуди сама, Дина — что за остолопы! Не понимают человеческого языка!..

— Папочка, не волнуйся, тебе вредно! — умиротворяюще сказала дочь. — Поехали лучше! Мы просто потом обратимся к директору и потребуем неустойку за эту путаницу! Они признались, что перепутали — а я разговор записала на диктофон в сотовом! Это послужит нам доказательством! Вот увидишь, скостят до половины стоимости установки обелиска и облагораживания могилы!

— Какая ты у меня умница! Всегда найдешь, чем отца утешить! — завороковал Михаил Георгиевич, смягчаясь на глазах. — У тебя абсолютно правильный мужской подход к делу! Ты у меня единственный ребенок — но такой, который семерых стоит!..

Таким нехитрым образом Алик узнал, что Георгий Полозов в этой реальности действительно существовал и помер три года назад день в день, что произвел на свет сына Михаила, а тот, в свою очередь — дочь Дину. И что в данной реальности не нашлось места чуднику и мечтателю Мите Полозову. Более того — в ней не нашлось места и прежнему Михаилу Георгиевичу, которого Алик помнил человеком интеллигентным, мягким, порядочным до наивности... Может, все-таки Алика «выбросило» в какой-то параллельный мир?.. Но если и так, этот мир был похож на вчерашний до мельчайшей подробности — до трещинки в асфальте, до складочки на растяжке, рекламирующей турагентство, до последнего перышка в головном уборе индейца, приветствующего народ у входа в это самое турагентство. То, что в нем изменилось, не поддавалось никакой физической фиксации. Стало быть, и доказать, что этот мир — иной, не было никакой возможности. По крайней мере, у научно беспомощного Алика. Может быть, Митя бы что-нибудь придумал... но какой Митя? Существовал ли он когда-нибудь?.. Или он был развесистой и многолетней галлюцинацией Алика?..

Алик пешком дошел до дома и, недораздевшись, рухнул на диван. Заснул, чуть его голова коснулась валика.

* * *

Когда Алик проснулся, солнце стояло в зените. Небо было восхитительно пустым и светлым. Ему под стать была Аликова голова. Он встал с дивана бодрым и здоровым. В подсознании истаивал «хвостик» долгого и странного сна, но, разок постаравшись, Алик не смог поймать его и вспомнить, что же снилось. И бросил недостойное занятие, ибо не привык подолгу застревать на одной и той же мысли.

Проснувшийся Алик понятия не имел, что у него был когда-то друг Митя, живший в доме, где малышова поликлиника, и умудрившийся избрести машину времени.

Только иногда, без видимой системы и внешних поводов, Алика мучили какие-то чудные, похожие на фантастические фильмы сны. В них фигурировал какой-то дохляк в очочках, вида самого постозного, смешной уже тем, что возился в неимоверно грязной и захлавленной лаборатории и пытался синтезировать порох. Сны были складные, но кончались всегда плохо — то дохляк взрывался на собственном порохе, то проваливался в бездонный колодец, то выходил на секундочку и не возвращался больше никогда... После третьего такого сна Алик обратился к врачу в своем тренировочном зале, тот присоветовал ему чудака, не хуже того, что снился Алику, — худощавого, нервного, нечесаного и знающего уйму заковыристых слов. Например, сны он называл исключительно «сновидениями» и просил Алика рассказывать их как можно детальнее. Но дело свое психотерапевт знал, несмотря на неприятную внешность. После пары сеансов гипноза и курса таблеток внутрь Алик думать забыл о тревожащих снах... нет, сновидениях.

* * *

В августе мать заставила Алика ехать на дачу — помогать убирать картошку, чтоб ее! Будто нельзя на рынке закупить на всю зиму!.. Но мать расшумелась так, что пришлось Алику отложить все приятные воскресные дела и тащиться на «деревяшке» — пригородной электричке — в дачный поселок. Единственную поблажку дала ему суровая родительница — разрешила поспать до девяти. Сами они с отцом вскочили в семь...

Алик занял место у окна, что в переполненной электричке было уже везухой, и настроился подремать под перестук колес. Поначалу его немудреный план вполне удался. Алик сквозь дрему пропустил мимо ушей скороговорку продавщицы газет, бабки с пирожками, мужика с пивом и воблой и почти впал в приятный транс... когда его разбудили.

Грубый, хриплый, но при этом завораживающий своим уродством мужской голос без предупреждения заорал, заполняя собой, казалось, всю Вселенную Алика:

— Эта рота, эта рота наступала по болоту,
А потом ей приказали, и она пошла назад.
В сорок третьем эту роту

Расстрелял из пулеметов заградительный отряд!..

Песню сопровождали редкие и веские удары по гитарным струнам. Алик встряхнулся, сел прямо и увидел нарушителя спокойствия.

Это был нетипичный для электрички музыкант. Он был стар, но в глубокую надвинутую бейсболку — из-под нее выбивались пряди совершенно седых, но густых волос. Он держался с достоинством. Он не был ни пьян, ни выпивши, ни подшофе. И при нем не было мешка для денег — зато была потертая, но солидно выглядящая гитара. На ней он и наигрывал очень простой аккомпанемент для жутких слов, которые выговаривал с четкой мелодекламацией:

— И покуда, и покуда эта рота умирала,
Землю грызла, лед глотала, кровью харкала в снегу,
Пожурили боевого генерала,
И сказали, что теперь он перед Родиной в долгу..

Напротив Алика, через сиденье, расположился старичок, Божий одуванчик, в порывшемся пиджаке, на котором ярким пятном выделялись орденские планки. Старик, вероятно, был глуховат: приставил ладонь «рупором» к уху, вслушался в слова песни, в мощный голос гитариста — и вдруг сорвался со своего места, будто суматошный петух с насеста:

— Да ты!.. Да как ты смеешь!..

В проходе вагона маленький, сухопарый старик налетел на высокого и мосластого. И впрямь — словно петухи сшиблись. Это было забавно... но никто вокруг не засмеялся. Старик с орденскими планками вцепился в гитару и тянул ее на себя, выкрикивая надтреснуто и оскорбленно:

— Ты что поешь, вредитель?! Ты на что замахиваешься!.. Я до Берлина дошел!.. Я четырежды ранен был!.. Я за нашу Победу тебе глотку перерву!..

Гитара жалобно тенькнула — порвалась струна.

— Пусти гитару, дурак! — бухнул музыкант. — Она ни в чем не виновата!..

— Ты! Ты виноват! Такую клевету!.. — брызгал слюнями дед. — Я ж ты, тварь, насквозь вижу! Крыса тыловая! Сам не воевал, а нашу Победу оскорбляет!.. Поешь тут мерзость!

Певец оттолкнул от себя распаленного противника. Высоко поднял гитару, спасая ее от наскоков старика с орденскими планками. Передал, не глядя, куда-то назад, и — Алик поразился — какая-то молодая женщина приняла музыкальный инструмент бережно, точно младенца.

Освободив руки, певец сорвал с себя кепку.

— Как воевал, так и пою! — провозгласил он.

У него не было правого уха. Путаница седых до серебряного блеска, слегка вьющихся волос прикрывала чудовищный шрам на месте правой ушной раковины. Понятно, почему немолодой уже человек вынужден был носить хиппарскую прическу и молодежную кепку..

— Вот что со мной политработник сделал! На Западном! А ты — мерзость, мерзость!.. Клевета!.. Нашел клевету!..

— Я бы ты на месте, гнида!.. — хрипел и плевался низенький. И все лез сухонькими кулачками к лицу высокого...

Старики дрались в проходе. Пассажиры сидели, замерев, точно при-

мерзшие к скамейкам. Никто не пытался вмешаться, разнять «драчунов». Алик не мог сказать, кто из спорщиков прав, — ему было жаль обоих.

Он отвернулся, прижался лбом к стеклу, невидяще уставился на перелесок, бегущий рядом с поездом. Алик ощущал всем существом: он что-то знает, что-то помнит, несмотря на успешную работу психотерапевта, что-то важное и горькое, связанное с пулевым ранением правого уха и пулей, вошедшей в затылок... Но не мог «ухватить» и конкретизировать это знание, и понимал, что ему теперь всю жизнь маяться...

Об авторе

Окончила Историко-Архивный Институт Российского Государственного Гуманитарного Университета в Москве (1990–1995 год). Прозаик, литературный критик-публицист. В настоящее время — заведующая рубрикой «Проза, публицистика» журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А».

Как литературный критик, публицист и прозаик, печатается в литературных журналах «Знамя», «Октябрь», «Вестник Европы», «Родомысл», «Урал», «День и Ночь», «Литературная учеба», «Дети Ра», «Кольцо А» (журнал Союза писателей Москвы). «Новый Ренессанс», «Бельские просторы», «Юность», «Утро» (Рязань), «Первоцвет» (Иркутск).

Прозаические произведения выходили в сборниках: «"Пролог" (молодая литература России) — 2007»; «Новые писатели» за 2006 год; «Перовестник» Астафьевского фонда 2007 года; сборнике фантастики «Аэлита — 2008», антологии «Русская фантастика — 2013», альманахе Союза писателей Москвы «Литеры».

Татьяна Томах

Шанс для перпендикулярной нереальности

На этот раз Ваня-Ян завис над бутербродом с икрой. Сначала рассмотрел со всех сторон, осторожно поворачивая белое, с золотой каемочкой блюдце. Потом вдумчиво понюхал, как охотничий пес, трепеща ноздрями длинного носа. Потом тронул икринку дрожащим узловатым, с распухшими суставами, пальцем.

— Оу, — выдохнул он и благоговейно посмотрел на Костю, — это правда есть красные рыбы... как это...

Филин сдавленно фыркнул, качнув из-за мониторов взлохмаченной головой.

— Лососевая икра, — торопливо сказал Костик, покосившись на Филина.

— Оу.. Синтетическая?

— Почему синтетическая? Настоящая.

— Оу.. — Ваня-Ян замер с блюдцем на кончиках пальцев, как коллекционер, неожиданно обнаруживший бесценную вазу эпохи Мин.

— Трескай... того... питайся, — предложил Костик, утомившись созерцанием живой статуи Вани-Яна.

— Это есть мне? — изумился тот.

— Тебе-тебе. Есть. Ты на пищепроводе кнопку жал? Вот он твое состояние организма прочитал и выдал тебе оптимальный завтрак. Овсянка, сок, фрукты, икра. Понял?

— Никак не понял.

— Ну и ладно. Ешь, в общем. Ты вон какой бледный и тощий. Хватит на эту икру уже любоваться.

— Хватит, — послушно согласился Ваня-Ян. Вздыхнул. Поставил блюдце, осторожно отодвинул его в сторону.

— Ты чего? Не хочешь?

— Не можешь, — в печальных темно-вишневых глазах Вани светилась благодарность и тоска. — Очень дорогой дар, Костя-сан. Никогда не смогу расплатиться. Но благодарю покорственно.

Ваня склонился, сложив ладони перед грудью лодочкой.

Филин опять фыркнул, высунулся из-за монитора, поинтересовался:

— Вы там пожрали уже? Работать пора. Или опять полчаса будем поклонны бить?

— Сейчас, — недовольно ответил Костя. Повернулся к гостю. Сказал внушительно:

— Ваня, во-первых, прекрати называть меня сан.

— Попросите простить, господин Костя, — смущенно забормотал, кланяясь, Ваня.

— И господином — не надо.

— Господа в Париже, — проинформировал Филин. — Улицы подметают.

— Зачем подметают? — удивился Ваня.

— Кризис там опять. Безработица. И голод. Звериный оскал капитализма. Понял? — Филин выглянул из-за монитора, скорчил свирепое лицо, иллюстрируя капитализм, и стащил из тарелки на столе овсяное печенье.

— Политинформацию отложим, — поморщился Костик. — В общем, кланяться тоже не надо, Ваня. Во-вторых, за еду платить не нужно. Домовой дает тебе ту еду, которую ты хочешь и которая полезна тебе для здоровья в данный момент. Вся еда — бесплатно, понял? И одежда, и свет, и жилье... Бери все, что тебе надо.

— Оу, — Ваня-Ян озабоченно наморщил лоб: — Большой процент за кредит?

— Ты ему про деньги вообще объяснял? — спросил Филин.

— Много раз. Не верит.

— Плохо объяснял, — Филин ухватил еще одно печенье, захрустел. Повернулся к управляющей стене, велел: — Домовой, включи теленовости. Первый марсианский.

— Оу! — испуганно воскликнул Ваня-Ян, отпрыгивая в сторону от черной глубокой, сияющей звездами, бездны, вдруг рухнувшей сверху.

Гладкий пол взбурлил каменистой красной пустыней. Ваня споткнулся, чуть не упал, закачался на одной ноге испуганной цаплей — и только тогда заметил, что ноги проходят сквозь песок и камни. Мимо, едва не задев Ваню локтем, прошел высокий человек в светлом блестящем скафандре, обернулся на ходу, пристально посмотрел на Ваню через окошко шлема и улыбнулся. Ваня растеряно помахал ему в ответ. Тут пустыня под ногами покачнулась, поплыла в сторону, мимо проехала высоченная конструкция из огромных металлических ребер, вокруг которой возилось несколько фигурок. Гулкий голос из звездной бездны известил:

— На этой неделе начался монтаж пятого купола. Прораб Василий Теркин считает, что работы будут завершены с опережением, еще до конца этой пятилетки.

Тут красный песок под ногами исчез, будто в один миг все сгнуло в черной бездне — и пустыня, и стальные ребра, и говорящий невидимка. Ваня-Ян испуганно вскрикнул, падая следом в звездную глубокую черноту.

— Ты чего? — Костя поддержал его за локоть. — Домовой, прибавь прозрачности!

В следующий миг Костя и Ваня-Ян оказались в офисе, где в окружении мониторов сидело несколько человек. Один обернулся, блеснул улыбкой, и в щеголевато одетом красавчике Ваня узнал недавнего прохожего в скафандре.

— Прораб Васили Теркин, — сообщил голос сверху.

— Привет с Марса! — прораб махнул рукой. — И спасибо за новых «Геркулесов». Я хочу передать огромное спасибо ребятам, которые их сделали так быстро и хорошо. А теперь мы с такой замечательной бригадой смонтируем пятый купол быстрее в несколько раз.

Тут один из мониторов приблизился, показывая, как по краю ребра нового купола ползет механический краб, ловко перебирая шестью суставчатыми ногами.

— Домовой, фоновый режим! — велел Филин.

Изображение стало полупрозрачным, голос диктора забубнил еле слышно:

— «Геркулес-пять» — новая модель монтажника-высотника, разработанного специально для постройки марсианских куполов, с учетом...

— Видал? — спросил Филин Ваню-Яна. Тот закивал, смущенно покопился на собеседников и все-таки потрогал подошву сандалии — показалось, что там должен был остаться красный марсианский песок.

— Это кстати, Филин программировал, — заметил Костя. — «Геркулесов-пять».

— Я не о том, — махнул рукой Филин. Но было видно, что ему приятно. — И я не один все делал. Но я не про это. Ты понимаешь, что видел, Ваня? Новый мир. Новая планета. Там уже живут люди. Рождаются дети. Недавно открылась первая школа. Это наш, новый мир. Мы его сделали, понимаешь? А подумай сам, могли бы мы сделать что-то такое космически масштабное, если бы наши граждане мечтали не о новом мире, космических полетах, открытиях, подвигах — а о том, хватит ли у них денег, чтобы прокормить семью, заплатить за жильё и не умереть от голода в старости, когда они уже не смогут работать?

* * *

Ваня-Ян свалился на Костю буквально с неба.

Костя как раз настраивал новую четыре-д-камеру для снимков Казанского собора — Филину, видите ли, не подходили те, что нашлись в сети. И тут тип в грязном балахоне упал сначала в кадр, а потом повалился на Костю. Морда у типа была перекошенная и черная, а глаза блестящие и фасеточные, как у гигантской стрекозы.

Инопланетянин, — подумал Костя, одной рукой осторожно стряхивая с себя типа, второй — бережно прижимая к груди камеру.

Тут пришелец чихнул, стащил с лица маску с круглыми очками и открыл вполне человеческое, очень бледное изможденное лицо и вытаращился на Костю удивленными глазами.

— Оу, попрошу быть здоровым! — восторженно сказал он.

— И тебе не болеть, — растеряно ответил Костя.

— Попрошу извинения, это какой есть город?

- Санкт-Петербург. А вам какой надо?
- Оу! — восхитился пришелец, озираясь. — А почему нет... нет..
- Чего нет?
- Автомобильные машины. Почему нет? Воздух не пахнет, да? Дышать можно без маски, да? Дышать без маски и не умирать?
- Пришелец потряс черной маской с очками.
- Автомобильные машины? Ну, ты, приятель опоздал. Здесь уже лет пятьдесят весь транспорт на нижнем уровне. Наверху только скоростные ленты для пешеходов. Поэтому воздух чистый. Раньше, говорят, в городе выхлопными газами сильно пахло, особенно в центре. Народ даже окна на проспекты наглухо закрывал, комнатную очистку воздуха ставил, прикинь?
- Оу, — задумался пришелец. — Попрошу извинения, а здесь сейчас какой год?
- Две тысячи шестидесятый. А вам... — Костя запнулся, — ... какой надо?
- Мне? — пришелец вдруг засиял: — мне совершенно такой нужно! Он сложил ладони лодочкой возле груди и поклонился.
- Попрошу представиться, Иван-Ян, ваш посол из перпендикулярной нереальности!
- Приятно, — растерялся Костя. — Очень.
- И на всякий случай отступил от пришельца на пару шагов.

Перпендикулярный посол этот, конечно же, был просто психом. Скорее всего, из нелегальных эмигрантов. Дедушка рассказывал, что когда в конце прошлого века рухнул, наконец, железный занавес, сюда хлынули толпы любопытствующих туристов, а потом и эмигрантов из Европы и Америки. Почти все они сперва впадали в ступор, обнаруживая, что в стране победившего социализма все совсем не так, как преподносила капиталистическая пропаганда. Вот, поди, с такими же обалдевшими лицами они озирались вокруг и задавали дурацкие вопросы. А почему медведи по проспектам не ходят? А где заборы с колючей проволокой и концлагеря для идеологических отступников? А почему у вас на улицах люди улыбаются? Должны ходить строем в одинаковых серых шинелях с пионерскими галстуками и петь речевки. И еще беречь свои сумочки и деньги, чтобы их не ограбила милиция. Что, не грабят? И преступности почти нет? Еще и медицина бесплатная? Не только бесплатная, но еще и лечат хорошо? Оу, так не бывает. Медведей нет, преступности нет, концлагерей нет... Может, у вас и водки нет? Есть? Ну, хоть что-то есть, слава богу и компетентным американским СМИ...

Некоторые так и спивались от потрясения. Некоторые немедленно просили политического и экономического убежища. Остальные в слезах уезжали обратно с намерением скоро вернуться и желательно навсегда. Правительства Европы и Америки запаниковали — уезжали их самые лучшие, самые умные, активные, талантливые граждане. Железный занавес обратно было уже, конечно, не вернуть, но выездные процедуры постарались максимально ужесточить. Но люди все равно бежали за лучшей жизнью. И нелегальных эмигрантов тоже хватало.

По-хорошему, нужно было этого чокнутого посла отвести в Центр адаптации. Если это эмигрант с документами — там ему помогут освоиться на новом месте, прикрепят куратора для поддержки. Если нелегал — отправят обратно.

Но посол смотрел на Костю с таким неподдельным восторгом и воодушевлением, что Костя решил в Центр его не сдавать. Жалко. Он там у себя в Америках, поди, голодал и бедствовал — вон какой тощий, бледный, да в драных обносках.

— Ладно, посол, — вздохнул Костя, — поехали в гости. Накормим тебя, переоденем. Только уговор — о своей посольской миссии никому кроме меня больше не говори. Лады?

— Конфиденциально, — посол заговорщически понизил голос, забормотал еле слышно: — поведаю подробности исключительно конфиденциально и лично.

— Договорились, — вздохнул Костя. — Поведаешь. После обеда.

* * *

Обед затянулся. Посол, восхищенный знакомством с автоматическим кухонным блоком, несколько раз бегал к окошку заказов, заглядывал внутрь, восторженно ахал при появлении следующего блюда, поглаживал блестящий бок пищепровода, как крестьянин любимую корову и бормотал что-то ласковое и одобрительное. Возвращался к столу с очередной тарелкой, жадно ел, жмурясь от удовольствия, как бродячий кот, дорвавшийся, наконец, до домашней еды.

— В вашей перпендикулярности не кормят, что ли? — спросил Костя.

— Кормят, почему да. Но экономично. Синтетическими суррогатами. Невкусно, — объяснил посол, облизывая ложку. Покосился на стопку опустевших тарелок и смутился: — Попрошу извинения, что я так много...

— Трескай, трескай, — подбодрил его Костя. — Ты еще перепелок в анасовом соусе не пробовал. У нашего домового — коронное блюдо. Но это лучше на ужин, с вином. Алкоголь у нас, видишь ли, только с девятнадцати до двадцати одного выдают. Раньше хоть до двадцати трех было. Эти законотворцы в городской администрации уже не знают чего придумать, чтоб деятельность изобразить. У нас тут инициативная группа борется, чтобы оставшихся чиновников роботами, наконец, заменили. Тех хоть можно выключить, чтоб никому не мешали. В основном всех уже заменили, конечно. Но эти пока остались. Хитрые. Какую-то инструкцию откопали, видишь ли, что, мол, создание законов — творческая, а значит, человеческая работа. Вот и творят теперь, гады, простым людям жить мешают. Так что видишь, у нас тоже не так все безоблачно, свои проблемы есть.

Посол слушал заинтересованно и задумчиво. Потом отложил ложку и сказал торжественно:

— Костя-сан, попрошу благодарить за успешную ненулевую вероятность решения моей вашей миссии!

И поклонился, прижав к груди сложенные лодочкой ладони.

Тут задумался Костя. Посмотрел настороженно на чокнутого собеседника, на всякий случай немного отодвинулся в сторону. Сказал вежливо:

— Пожалуйста-пожалуйста. Для вашей нашей миссии ничего не жалко. Э... угошайся, пожалуйста.

Эх, надо было все-таки не ввязываться в авантюры, а сдавать пришельца в Центр адаптации...

Ваня-Ян, восторженно блестя глазами, с воодушевлением взмахнул ложкой:

— Костя-сан! Если бы в строго неопределенный ключевой момент мы заменили своих чиновников на роботов, есть космически масштабная вероятность, что мы могли успешно вступить в светлое, а не сегодняшнее настоящее будущее! Выразители нашего научно-революционного кружка думают, что как раз космически масштабное воровство и коррупция привело нашу страну к вымирательному краю!

— Ух ты, — впечатлился Костя. — Вымирательный край... того, паршиво...

И на всякий случай отодвинулся от посла еще чуть подальше.

— Очень, — вздохнул Ваня-Ян. — Если можно, я выпью еще один сосуд этого вкусно пахучего отвара из немороженных ягод, а потом расскажу детали вашей нашей миссии?

— Пожалуйста-пожалуйста, — Костя придвинул к нему поближе стакан клубничного компота.

Поздно вечером, когда посол, подкрепившись и выговорившись, задремал на диване в гостевой комнате, Костя вызвонил Филина.

Филина новая идея воодушевила, как и следовало ожидать. Ему всегда нравились сумасшедшие затеи.

— Зашибись, — задумчиво сказал он, заглядывая в окошко своего И-Блокнота, самой последней трехмерной модели «Яблока». — Так, тезисы я набросал. Пенсионный возраст у них сто двадцать лет, чтоб ясен пень до него точно никто не дожил. Рабочий день — двенадцать часов, чтобы времени и сил не было думать, как это все паршиво. Уже из этих посылок можно такой мир сделать, что мрак, — Филин мечтательно улыбнулся, прикрыл глаза. — А ты говоришь, еще повышения цен, инфляция, квартплаты, платная медицина...

— Я же говорю — полный псих. Даже в Америке такого нет. Это хуже рабства. Так не может быть. Не, Филин, надо этот бред немного смягчить для достоверности. Никто не поверит.

— Костик, — Филин перестал жмуриться, как сытый кот, взглянул прямо в глаза серьезно и даже строго. И сказал почему-то без обычных прибауточек: — В некоторых случаях не нужно ничего смягчать. Нужно, чтобы все, даже у кого туго с воображением, понимали. Понимали, к чему в принципе мы могли бы прийти. Это как с испытанием атомной бомбы. Нужно знать возможные последствия. Нужно всегда помнить, что может случиться, чтобы ни у кого даже мысли не возникло ее когда-нибудь взорвать.

— Филин...

— А?

— Ну, ведь это же вообще невозможно?

Костик почему-то затаил дыхание, испугавшись того, что Филин может сказать. И облегченно вздохнул только, когда друг улыбнулся и ответил уверенно:

— Ясен пень, конечно, нет.

И только уже отключив ультра-фон подумал, что Филин не уточнил, про что говорил — про невозможность взрыва атомной бомбы или про рассказ Вани-Яна.

Когда-то давно семилетний Костик под впечатлением о жутких историях, которые рассказывала про его страну западная пропаганда, спросил у дедушки:

— Деда, ну ведь это все невозможно?

— Что, малыш?

— Ну, чтобы в нашей стране вот так было. Чтобы старые дедушки и бабушки умирали от голода и плохих врачей. Чтобы у людей не было где жить. Чтобы начальники говорили — построим дороги, а сами крали деньги для своей дачи?

Дедушка рассмеялся:

— Конечно, невозможно, малыш. Ну, вот сам смотри. Какая у нас огромная и богатая страна — и земля хорошая, и уголь есть, и нефть, и алмазы, и нефть. А люди? Умные, талантливые, душевные, работающие. Все важные изобретения — наши. Лампочка, радио, телефон, компьютер, марсовые купола. Даже колесо!

— Велосипед? — оживился внук.

— Ну насчет колеса — доказательств нет, — смутился дедушка, — но я более чем уверен... Так вот, сам подумай, разве возможно, чтобы в такой замечательной стране с такими прекрасными людьми происходили те ужасы, про которые ты говоришь? Разве здесь, у нас, возможно что-то другое, кроме самой счастливой и справедливой жизни, которая только может быть на Земле?

Дедушкины глаза светились такой гордостью и воодушевлением, что Костик даже застыдил своего вопроса и своего сомнения.

И с тех пор больше не сомневался...

Теперь, много лет спустя, глядя на потемневший экран после беседы с Филином, Костя не мог понять, к чему вдруг ему вспомнился тот давний разговор...

— Слышь, посол, — спросил Филин, — а ты чего так русский язык то коверкаешь? Ты же вроде сам как бы наш... вроде местный?

— Оу, — обиделся Ваня-Ян. — Я самый лучший говоритель русского языка. Учил сам себя по электронному переводчику классической литературы.

- А, тогда понятно, — усмехнулся Костя.
- Я читал русскую древнюю литературу! Достоевский, Толстой... как это еще... Гарри Поттер.
- Ну, это богатый список.
- Ваня-Ян почему-то смутился. Помялся немного и добавил:
- Я читал немножко не оригинал. Перевод с китайского. Сокращенный. С картинками.
- Комиксы что ли? — уточнил Филин.
- Почему да? Еще стихи. Пушкин, — Ваня-Ян зажмурился, продекларировал напевно: — «Время перед зимой, глаза видят нереально, смотрю на Фудзияму, как красиво».
- Это что было? — растеряно спросил Костя.
- Пушкин — наше все, — гордо сказал Ваня-Ян.
- Филин и Костя молча переглянулись.
- Э, давайте литературу в другой раз обсудим, — предложил Костя.
- Если без частных, с литературой у нас не очень, — немного смущенно признался Ваня.
- Это мы уже поняли.
- Трудное понимание. Книги найти сложно. В прошлом веке сделали реформа, чтобы библиотеки сами работали деньги. Поэтому сейчас уже нет библиотек. В школе тоже сделали реформа чтобы все образовались.
- Что образовалось?
- Реформа всеобщего образования, ясен пень, — пояснил Филин.
- Так, да. Сначала сделали один экзамен на все уроки...
- А потом один урок вместо всех?
- Нет, не один. Всего два. Урок трудовых умений и урок правила почтения китайскому начальнику. Читать не учить, писать не учить, считать не учить. Вместо читать нужно смотреть телереальные шоу. «Раздевалка» — для футбольных больных, «раздевалка-два» — для больных про закулисный театр, «баня» — для...
- Ладно, хватит, направление мы уже поняли, — перебил Костя, поморщившись.
- Еще «баня-два»...
- Ну, это понятно. Одной, ясен пень, мало будет. Все для больных, — усмехнулся Филин, — зашибись у вас реформы. А для здоровых-то что-нибудь есть?
- Про здоровье тоже сделали реформа. Как его здорово хоронить.
- Хорошая реформа, — хмыкнул Филин. — У вас там точно все больные. А в первую очередь эти ваши реформаторы.
- Больные, — вздохнул Ваня. — Работа много, воздух грязно, еда плохо. И дальше все хуже.
- Куда уж хуже.
- Некуда. — В глазах Вани-Яна светились грусть и отчаяние. — Поэтому я и пришел отсюда сюда за помощь...

* * *

— Дорогие несограждане, сам я местный, поэтому попрошу помочь. Я живу в северо-западной провинции Китая, в нашем вашем городе Бей-Джинг, у вас другое имя — Санкт-Петербург. Я живу в тот же год, что и сейчас, в две тысячи шестьдесят первый. Я очень счастливый, что могу видеть вашу нашу страну совсем другую, чем наша ваша страна. Мой друг Саша-Чжао, изобретатель перемещателя, тоже хотел бы видеть, но он не может ходить, поэтому в перемещатель пошел я. Сашу-Чжао почти умертвить, потому что экономически не нужен инвалид. Но мы спрятать Сашу, и он уметь строить перемещатель. У вас не убивать человек, потому что он инвалид, так?

Ваня-Ян смущенно покосился на Филина. Тот улыбнулся, махнул рукой, оплетенной полосками псевдо-мышц, приращенных к титановому каркасу внешнего скелета. Филин управлял сотнями этих мышц и суставов движением одного пальца левой руки. Единственной непарализованной части своего тела. Программы для процессора титанового скелета он писал сам, потом опробовал на себе, а потом уже делился ими с Центром поддержки людей с ограниченными двигательными способностями. Еще он любил придумывать стратегические игры с элементами развития воображения и социальных навыков. Министерство образования уже включило некоторые из них в школьную программу. Костя считал, что эта, новая игра, тоже вполне может туда войти. Ну и еще Филина часто приглашали в большие командные проекты, вроде программирования «Геркулеса-пять». Костя был очень горд, что ему удалось попасть на дипломную практику именно к Филину. Он вдруг подумал — а если и правда есть миры, в которых убивают таких, как Филин? Или оставляют умирать в нищете и боли. Бесчеловечные, отвратительные миры. И еще — очень глупые. Потому что они уничтожают не только отдельных людей, умных и талантливых, а вместе с ними — то нужное и полезное, что они могли бы сделать для общества; но еще уничтожают самые лучшие человеческие качества — доброту и сострадание. Уничтожают саму возможность всеобщего счастья, оставляя взамен всеобщий страх...

— Ваша наша страна совсем другая и очень-очень хорошая, — продолжал Ваня-Ян. — Саша-Чжао говорить, что наша ваша страна совсем неправильная, совсем такая не должна быть. Он говорить, мы делать что-то не так, или наши бабушки-дедушки делать что-то не так. Но есть ненулевая вероятность других перпендикулярных нереальностей, где все сделано так. Я счастлив, что нашел вашу нашу нереальность. Теперь у меня есть новый друг Костя-сан и еще хороший умный человек с именем как птица...

— Надо было, может, ему текст написать? — Костя подрегулировал стерео-звук и покосился на друга. — Слишком коряво. Хотя все равно часто заставки пропускают, да?

— Пусть говорит, — ответил Филин, — так и надо.

— ...Они сделать эта нереальная игра, чтобы она помочь мне знать, что не так. Тут две модель вашей нашей страны и много разновысоких вероятностей строить другие модель. Вы играть игра и находить, что делать нашей вашей стране, чтобы быть как ваша. Саша-Чжао говорить, последний шанс это понять. Хотя он думать, что уже поздно. Что если только чудо. Например, если бы мы уметь говорить через время нашим бабушкам-дедушкам, чтобы они не делать не так. Но перемещатель через время невозможно делать. Можно только сейчас думать и делать...

Филин чуть развернул камеры. Теперь взволнованные глаза Вани-Яна смотрели со всех трех экранов. С отчаяньем и надеждой.

«Он не псих, — вдруг понял Костя, — и не лжец». Эта мысль была такой страшной и невозможной, что холодные мурашки покатались по позвоночнику.

Костя натянуто улыбнулся, повернулся к Филину и сказал нарочито небрежно:

— И правда, хорошо говорит. Можно поверить.

Филин посмотрел спокойно и серьезно, без тени обычной насмешки, и ответил:

— А я и верю.

Об авторе

Родилась и живет в Санкт-Петербурге. Образование высшее техническое (Санкт-Петербургский Государственный технический Университет). Работает ведущим инженером в компании по разработке программного обеспечения для морской навигации.

Более 70 публикаций рассказов, пьес, повестей в сборниках и периодике. Публикации подборок стихов в сборниках и периодике. Единственный на сегодняшний момент роман «Имя твоего волка» опубликован в 2009 году. В 2006-м в №№ 5 и 6 журнала «Знание-сила» был опубликован рассказ «Оплата воздухом».

Финалист, победитель ряда литературных конкурсов. По результатам конференции молодых писателей Северо-Запада 2007 г. принята в Союз писателей России. В 2013-м — в Союз писателей Санкт-Петербурга.

Анна Федорец

Чеканщики слов

Если пройтись по Старому городу, забрести в самое его сердце, поплутать по лабиринтам кривых улочек и переулков, площадей и скверов, можно найти Старочеканную улицу. Именно здесь издавна селились искуснейшие чеканщики царства. Чеканили они не звонкую монету, не кубки тонкой работы и не резные украшения для горожанок, нет. Они чеканили слова, и по мастерству не было им равных во всем христианском мире.

Им заказывали оды могущественные цари и воители, они складывали песни для влюбленных юношей, и целые города прославились благодаря историям, которые сложили о них местные чеканщики слов. Писали ли они стихи или прозу — одинаково стойко отпечатывались слова в сердцах людей, с ними на устах поднимались на плаху и шли в атаку. Случалось, сама смерть отступала, замороженная красотой и дивной силою искусно отчеканенных слов.

Много веков подряд процветали чеканщики слов, и вместе с ними процветал старинный город. Слава его звонкой песней летела к небесам, и к ней приплеталась другая песня — ода родной стране: могучей, изобильной, богатой искусными людьми. Но даже в самом могущественном царстве наступают смутные времена. Времена, когда брат идет на брата, когда горят церкви и подвергаются поруганию монастыри, когда искуснейшие из искусных вступают в бой наравне с простолюдинами и гибнут в едином строю...

Вот и в это царство запустили когти Смутные времена. Многие годы терзали они лик страны, а потом волей Божией подошли к концу. Радовались измученные непрерывными войнами крестьяне, радовались вернувшиеся домой горожане, радовались правители — тут бы и сложить торжественную песнь! Вот только... не осталось в стране ни одного чеканщика слов. Вернее, один остался, но то был старый человек, покореженный то ли временем, то ли войной. Он не брал заказов на новые оды, любовные песни и истории городов. Он — и это было в тысячу раз хуже — наотрез отказался передать свое умение кому бы то ни было! Сам царь со свитой ходил к нему на поклон, но получил решительный отказ. Денег старик не брал — на что они тому, чей жизненный путь подходит к концу? Угроз не страшился: двум смертям не бывать... Так и ушел правитель ни с чем.

Ушел из дома чеканщика царь, ушла его пестрая, шумная свита. Остался старый чеканщик слов наедине со своими мыслями. Мысли невеселые,

грустные мысли. Семья рассеялась по свету, погибли родители, сошли в могилу старые друзья. Все, что осталось у него — крепкий дом да умение, которое некому передать. Неужели захотел Господь, чтобы на всем свете не появилось больше ни одной песни, ни одного трактата, трогающего человека за сердце, исправляющего грешную его душу, наставляющего на праведный путь? Пал старик перед образами на колени и начал молиться. Кончился день, наступило утро. Лишь в полдень позволил он одолеть себя тяжкому сну.

Долго ли, коротко ли спал старик, но проснулся он от тихого стука в дверь. Почудилось? Нет. Вот опять стучат. Чеканщик слов поднялся с нехитрого своего ложа, добрел до порога, осторожно приоткрыл дверь. За нею стояла девушка, молодая, с косой до пояса и чистыми золотистыми глазами. Одета была опрятно, хоть и бедно. В руках держала небольшой узелок.

Долго смотрел старик на девушку, глаза его заслезилась от яркого дневного света. Наконец вспомнил. Елена, возлюбленная его, выданная замуж за Трифона, другого чеканщика слов, более богатого и знаменитого. Не может быть... слишком молода... Ну конечно. Не Елена, дочь ее кровная Ольга. Ныне — сирота.

— Дядюшка Яков, не прогонишь со двора? — Ольга поклонилась в пояс. — Кроме тебя, не осталось ни родни, ни знакомых.

— Да что ж я, враг какой? Проходи, вместе жить веселее, — старик широко распахнул дверь.

Ольга не тронулась с места, лишь принялась тонкими пальцами тереть узелок.

— Не робей, заходи, — Яков почесал в бороде. — Может, тут и не прибрано, зато никто тебя не обидит.

— Дядюшка, я... еще попросить тебя хочу, — девушка, смутившись, посмотрела в глаза старому мастеру. — Научишь меня чеканить слова?

Яков помедлил с ответом. Научить... женщину? Он не мог припомнить среди самых искусных чеканщиков слов, о которых говорилось в старинных легендах, ни одной мастерицы. Искусство это испокон веков передавалось от отца к сыну, дочерей ему учили неохотно и то тогда лишь, когда сыновьями Бог не наградил. Впрочем... может, в этом-то и дело? Почему бы, в самом деле, не попробовать? Если уж сам Господь услышал его молитву..

— Заходи, — решительно сказал Яков. — Буду тебя учить, как родную дочь.

Уныние отлетело от Якова, словно и не стало оно привычным, как дуновение ветра или как тень, следующая за людьми в погожий день. На смену ему, рука об руку с работой, пришла радость. Радость оттого, что не утратил еще ум прежних навыков, от нового наполнения позабытой силой — и радость учителя, нашедшего, кому эту силу передать. Ольга оказалась способной ученицей. Яков учил ее словам восторга и печали, словам созидания и словам разрушения — мало ли какие невзгоды могут встретиться на пути юной девушки!

Прошел месяц, другой, третий, минуло полгода. Яков сам не заметил, как помолодел. Исчезла седина из бороды и с висков, ушли усталость и болезни, появилась бодрость — и угасший было блеск в глазах. Даже дом Якова как-то

посветлел, к нему стали приходить люди. Правда, все больше бедняки, но это не имело значения — теперь Яков работал не за деньги, а за совесть. Славно работал.

Впервые с тех пор, как окончилась война, Яков задался вопросом: сколько же ему лет? Сорок пять? Сорок два? А может, тридцать восемь?.. Отец его в этом возрасте не был стариком, нет. Он был в самом расцвете сил, именно тогда, перед войной, создал он лучшие свои вещи. А Яков? Скис, собрался помирать, так и не сотворив ничего стоящего? Позор. Столько времени зря утекло в песок!.. И Яков с удвоенной энергией брался за перо. А рядом с ним чеканила слова Ольга, так похожая на его возлюбленную... Да она и была его возлюбленной, только Яков не признался бы в этом даже самому себе.

Старый город жил своей причудливой, ни на что не похожей жизнью. Город манил молодого и старого, богатого и бедного. Днем и ночью Яков и Ольга работали в доме или в саду, а вечера проводили в неспешных прогулках. Чуть солнце опускалось к линии горизонта, чуть удлинялись тени, обещающая теплые летние сумерки, выходили они из дому — пройтись по улицам и площадям, еще того больше — по руинам, не так давно бывшим Великой столицей, красой и гордостью царства.

Яков показывал Ольге древние церкви и причудливые дома, устремленное ввысь здание университета и добротные приземистые палаты городского управления. Рассказывал, что и как было прежде устроено, чего недостает в мозаике города. Ольга внимательно слушала, предлагала, как можно сделать лучше, красивее, радостнее. А потом они возвращались домой и чеканили все новые и новые слова.

Однажды вечером, когда они привычно брели мимо разрушенных зданий, Ольга сказала:

— Как бы я хотела видеть наш город воскресшим! Чтобы дома его вновь отстроились, и в каждом из них жили люди, а в церквях шли бы службы — и колокольный звон носился бы над городом, как прежде.

— Даст Бог, твои внуки увидят такой город, — ответил Яков.

— Неужели нельзя ничего сделать прямо сейчас? Ведь ты научил меня Силе слова. Мы могли бы...

Яков покачал головой:

— Сила наша велика, но не безгранична, мы всего лишь люди. Мы можем сложить песню, которая заставила бы горожан отстроить собор, дом, ратушу. Но чтобы город возобновился сам собой — это еще ни одному чеканщику слов не удавалось.

Ольга ничего не ответила, о чем-то глубоко задумавшись.

Они пришли домой и работали допоздна. Сон сморил Якова прямо за столом. Проснулся он от звенящего звука, будто рядом кто-то пытался взять высокую ноту — и никак не мог с нею совладать. Ольга? Ольга! И как он сразу не сообразил, что она будет пробовать... упрямыца... Яков бросился к недвижно сидящей девушке, тронул ее за плечо. Бесполезно, звук не прекращался. Тогда он попытался исправить ее работу. Не получалось. Ольга стала так же сильна, как он сам. Слова дребезжали и бились о своды домика,

раскалывали черепную коробку, окунали мир в черные, красные и серые краски.

Где же Ольга ошиблась? О чем она думала, когда пыталась это создать? О болезни? О войне? О разрушении? Яков взял самую низкую ноту, на какую был способен, и начал песнь о мире. Поначалу тихая, песнь звучала все громче и громче. Яков пел о стадах, что пасутся на зеленых пастбищах. О водах реки, неторопливо текущих к морю. О родном городе, чьи дома крепки и добротны, а купола церквей блестят на солнце не хуже маяков. О мирном труде горожанина и о верных друзьях. Об аромате ржаного хлеба и о вечере, проведенном в кругу семьи. О преданности и о любви.

Только допев до конца, Яков понял, что одновременно с его голосом звучал второй — нежный, сильный. И это был голос Ольги, очнувшейся от песни разрушения.

— Что это было? — спросил Яков. — Зачем... почему ты..?

— Посмотри в окно, — просто сказала Ольга.

Яков выглянул наружу и не поверил своим глазам. Улица не походила больше на челюсти старика, лишившегося к концу жизни половины зубов. Она выглядела такой, какой Яков помнил ее с детства. Дома, крытые красной черепицей, нежно прижимались один к другому, и не было между ними пустот. Фонари важно вышагивали по целехонькой булыжной мостовой. Золотые купола Космодемьянской церкви весело сияли под лучами утреннего солнца. Разве что людей было заметно меньше, но — был бы жив город...

Яков с удивлением оглянулся на девушку. Та помедлила, опустила было взгляд. Потом посмотрела Якову прямо в глаза:

— Я нашла это в одной из твоих книг. Один человек не может восстановить город, это правда. Двое — могут. Мы — смогли.

— Но почему было просто не рассказать мне об этом? Зачем устраивать рискованные эксперименты?

— Ну.. — Ольга смущенно улыбнулась. — Просто я знаю, что ты такой же упрямец, как и я. И ни за что не стал бы пытаться делать то, что удавалось лишь героям легенд. Кроме того, ты до сих пор не сказал мне...

— Но я же намного старше тебя. Зачем я тебе нужен? Вокруг много молодых, здоровых.

— Посмотри на себя, Яков. Ты давно и молод, и здоров. Я думала, что...

— Твоя правда, — Яков взял Ольгу за руку. — Я так люблю тебя. Выйдешь за меня замуж?

Об авторе

Анна Федорец — историк, писатель, лауреат всероссийской премии «Золотой Дельви» в номинации «Молодой Дельви» (2013). Окончила исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

Интересы: научная фантастика, городская сказка, керамика; научные интересы: жизнь и деятельность московского купечества второй половины XIX — начала XX столетия, история православного населения Москвы XVIII века.

Владимир Семенякин

Разговор

Старик проснулся от металлического лязга за окном. Издавая оглушительный шум, по дороге, проходившей через степь мимо его дома, шли танки. Бесконечной вереницей, с мрачным достоинством перебирая траками, они появлялись из-за горизонта на западе, проходили мимо и исчезали на востоке. На каждой боевой машине сидел солдат, в серой форме похожий на часть танковой башни.

Через время старик заметил, что движение по дороге идет не только с запада на восток, но и с востока на запад. Только обратно шли не танки, а грузовые машины с плоскими прицепами. Прицепы были нагружены цинковыми ящиками с номерами. Их было много, этих ящиков, и старику подумалось в начале, что это кирпичи для какой-то монументальной постройки.

Осознав истинное назначение машин, старик потерял всякий интерес к движению за окном.

— Война, — констатировал он, и отпустил занавеску.

Весь день за окном грохотало и ухало, но старик старался не обращать внимания. Он продолжал разгадывать кроссворды. Не зря же он работал всю жизнь. Не для того ведь работал он, чтобы не иметь возможности заняться к старости любимым делом — решать кроссворды — из-за какой-то очередной войны.

Но гусеницы грохотали без остановки. Ночью мешали спать яркие вспышки на горизонте. Старик ворочался, раздраженно бормоча, и засыпал только под утро.

В конце концов, терпенье лопнуло. Старик бросил карандаш и, бормоча ругательства, вышел на улицу. Он остановился возле дороги, пропустил очередной танк, и шагнул, преграждая путь следующему.

Старик раскинул руки и крикнул резким голосом, громогласно раздавшимся в степи: «Хватит!».

Танк замер. Пулеметчик на башне опустил голову и сказал что-то в рацию. Остановился танк, идущий за этим танком. Конвейер войны стал глохнуть — в один из подшипников попала песчинка из другого мира, которую он был не в состоянии перемолоть.

Продолжали двигаться только грузовики.

— Все, — сказал старик, — сказочке конец! Пока не покумекаем — дела не будет!

«Нет, не уйдет» — сказал пулеметчик в рацию. «Дело дрянь!» — ответил ему гневный голос, искаженный наушником. «Убрать?» — спросил пулеметчик. Гневный голос ответил, что если убрать старика, и об этом узнают в штабе, могут быть неприятности. Дурак, сказал голос, нельзя уничтожать стариков без соответствующих санкций командования. Голос заявил, что лично переговорит с этим сумасшедшим.

Старик хмыкнул, глядя на солдата.

Скоро в небе раздался стрекот и рядом с домом сел вертолет. Из кабины вылез человек с квадратным подбородком и красным шрамом через щеку. Он быстро направился к старику.

— Здравствуйте, — вытянулся по стойке «смирно» и улыбнулся доброжелательной улыбкой людоеда. — Я не привык говорить длинно. Как генерал армии, командующий западным наступлением на восточного врага, прошу освободить движение. Я взываю к вашему чувству патриотизма...

— Нет-нет! — воскликнул старик. — Это я, ешки-матрешки, взываю к чувству патриотизма. И прошу освободить меня от назойливого шума. Я семь потов извел, работая на государство, и сейчас желаю дожить спокойно! Это мое... как его... конституционное право, не так ли? Законно? Если вам угодно тратить время между рождением и смертью на такую занимательную вещь, как война — пожалуйста. Исключительно ваше право. Но делайте это тихо, не мешая решать кроссворды!

Генерал, командующий западным наступлением, насупился. Его взгляд помрачнел.

— Я не могу перенести наступление. Эта дорога является оптимальным направлением атаки.

Старик покачал головой:

— Это ваши проблемы. Со вспышками на горизонте я свыкнусь, так и быть. Но шум... Уберите хоть этот ужасный шум!

— Какой шум? — спросил генерал.

— Шум этих ваших машин! Невозможно сконцентрироваться! Как вы только можете воевать так громко? Как ваши солдаты собираются с мыслями перед атакой?

Генерал задумчиво посмотрел в ответ. Было видно, что слова старика задели какие-то струны его души.

— С мыслями солдатам собираться не положено. Но про шум вы правы.

Он огляделся по сторонам. Прислушался к птичьему пению, на котором был настоян степной воздух.

— Как же вреден этот шум, — протянул генерал задумчиво.

— Именно, — проворчал старик.

Они смотрели друг на друга. Было видно, что генерал не на шутку разволновался, и в его голове шла напряженная мыслительная деятельность. Генерал сторбился и нахмурил лоб.

Наконец он сказал:

— Мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить вам спокойную старость. Я обещаю. А теперь прошу — освободите дорогу. Мы должны вернуться.

Старик пожал плечами:

— Ладно. Однако вы понимаете — если завтра все будет так же...

Генерал помотал головой, задумчиво глядя на старика:

— Вы открыли для меня одну истину. Спасибо. Завтра наконец станет тихо.

Он пожал руку старику и направился к вертолету, задумчивый и молчаливый.

* * *

Старик проснулся. Было тихо.

Старик в то утро дольше обычного лежал в кровати, расплывшись в улыбке. Щебет птиц и стрекотание кузнечиков бесшумной музыкой звучали над травами, напоминая, что старик еще жив, что сердце не ленится гонять кровь по жилам, и мозг не обратился в холодный мертвый кисель.

Старик улыбался, ворочая головой из стороны в сторону.

...И все шли, шли бесконечно за окном, грузно приседая — танки. Шли бесшумно и крадучись. Теперь у них были резиновые гусеницы.

Об авторе

Родился в 1990 году в городе Запорожье. Из-за работы отца семья много переезжала — Кривой Рог, Киев, Москва, Днепропетровск и снова Киев. В 2013 году окончил Киевский Политехнический Институт. Работает программистом в компании 4 A, разрабатывающей серию игр по мирам Дмитрия Глуховского.

Писать начал в 2005 году. Первая публикация в периодике — альманах «Полдень XXI век», рассказ «Вкус спелой ежевики». Публиковался в журналах «Знание-сила», «Радуга», «Реальность фантастики», «Если» (в соавторстве с Дмитрием Витером), интернет-журнале «Магия ПК». В 2012 году кинопьеса «Диковинное диво» по мотивам рассказа Рэя Бредбери вошла в шорт-лист международного конкурса «ЛитДрама». В 2014 году занял первое место в конкурсе короткого рассказа «Роскон. Рассказ за час».

Александр Юдин

Космическое наследство

Фобетор, астероид класса М, формой своей напоминающий гигантский, 253,16 км. в диаметре, кукиш, мчался сквозь пространство и время по свободной, никому неведомой траектории. Точнее сказать, она была известна лишь одному существу в Обитаемой Вселенной — его владельцу, Дохлomu Роджеру. Именно он определял направление движения астероида. Впрочем, пролагая маршрут, Дохлый Роджер руководствовался единственным критерием — строго держаться Нейтрального Космоса и — самое главное! — ни в коем случае не пересекать границ околопланетного пространства какой-нибудь легитимной цивилизации. «Пока Кукиш вне ваших гребанных юрисдикций, я для Закона, что дохлый кролик для удава», — любил повторять хозяин Фобетора. И у него имелись веские причины так осторожничать.

За шесть столетий до описываемых событий, когда Фобетор еще вращался по положенной орбите, им заинтересовалась известная трансгалактическая корпорация «Osmium Ltd» и вскоре десантировала туда дюжину самореплицирующихся агрегатов. За какие-то семь-восемь лет размножившиеся саморепликанты, точно жуки-древоточцы, выели астероид изнутри, переработав более половины всей его массы. Но вот промышленные запасы металлов платиновой группы были исчерпаны, и корпорация утратила к Фобетору интерес. Тогда-то Роджер ибн Хаттаб бен Соломон (в те времена еще никто не назвал его «Дохлым») и купил выпотрошенный астероид у «Osmium Ltd» по дешевке, чуть ли не на вес пустой породы. А купив, исполнил, наконец, мечту своей жизни — открыл самый отвратительный притон в Обитаемой Вселенной. И назвал его, соответственно, «Грязный кукиш».

В «Кукиш» стекались подонки, отморозки и отщепенцы со всех миров Местной группы галактик. В заведении Дохлого Роджера вечно толклись многосерийные убийцы и беглые диктаторы, межпланетные аферисты, клинические маньяки и даже несостоятельные заемщики. Впрочем, «Грязный кукиш» посещали и вполне обычные злодеи, темные личности с сомнительной репутацией, индипенденты разных мастей или просто любители запретных ощущений. Короче говоря, старина Роджер привлекал любого, кто был не в ладах с законом.

По периметру центрального зала «Кукиша» зияли стрельчатые арки тринадцати УПС-порталов. Периодически они с легким чавканьем поглощали клиентов и со звуком рвущейся материи исторгали новых. Бармен за стой-

кой — сегодня это был папаша Спок — не обращал внимания на эту своеобразную круговерть. Как и на все остальное вокруг. Привык за полтора года условных юлианских лет работы на Роджера. Да и смотреть-то было особенно не на что: две ленивые потасовки в правом углу, одна драка с поножовщиной — в левом, да звуки перестрелки из смежного зала, вот и все. Старик зевнул и продолжил протирать мутный стакан. Аккурат за его спиной штандартом непобедимой бутылочной армады красовался плакат в тусклой осмиевой рамке. На нем был изображен пузатый джентльмен с толстой сигарой во рту; одной рукой он обнимал обнаженную девицу, а во второй держал початую бутылку виски; надпись под плакатом гласила: «У великих людей — великие пороки. Р.Х.С.».

Вдруг из четвертого портала, расположенного в непосредственной близости от барной стойки, буквально вывалился гуманоид в потертом костюме из кожи керберского мандриана и принялся ошалело озираться. Оглядел зал, споткнулся взглядом о пышную едва одетую гусеницу с планеты Чин-Чин, призывно извивающуюся у шеста, глубоко втянул густой, чадный воздух и шагнул к стойке. Папаша Спок сдвинул защитные очки на лоб и подмигнул новому клиенту.

— Это и есть «Грязный кукиш», я правильно укс-портировался? — спросил посетитель на межгалактическом, приглаживая длинные, стянутые в конский хвост волосы.

— В яблочко, — кивнул бармен, дыхнул в стакан и протер концом грязного полотенца, перекинутого через плечо.

— А вы наверное Дохлый Роджер, так?

— Мимо цели. Сами-то кто будете, мистер?

— Меня зовут Артур Мартынофф. Я... писатель.

— Писатель? — поднял кустистые брови Спок. — Люблю на досуге полистать какую-нибудь книженцию. Как вы сказали ваше имя?

— Артур Мартынофф. Два «ф» на конце.

— Не слыхал, — задумчиво протянул папаша Спок. — Хотя, не запоминая я вас, авторов-то. Вы про что пишете?

— Я научный фантаст, — после легкой заминки пояснил Мартынофф.

Папаша Спок присвистнул. Этот писательский союз в большинстве миров считался откровенно маргинальным, кое-где и вовсе был запрещен как тоталитарная секта, а на планетах эльфийско-гномьей конфедерации избалованного фантаста запросто могли подвергнуть творческой кастрации.

— Значит вы укс-портировались в десятку, — усмехнулся бармен и протянул руку. — Для своих я папаша Спок.

— Очень приятно, — ответил фантаст, пожимая заскорузлую, покрытую химическими ожогами ладонь старика.

— Бывали у нас раньше?

— Нет, первый раз.

— Решили пересидеть неприятности?

— Не то что бы... Понимаете, папаша Спок, у меня творческий кризис.

— Вона как, — понимающе кивнул тот. — Что будете пить?

— Коктейль, пожалуйста. Какой ваш фирменный?

— Сегодня «Красный карлик».

— Пойдет, — не вполне уверенно согласился Мартынофф.

Бармен бросил в шейкер прозрачный кристалл с резким запахом аммиака, отправил следом пригоршню разноцветных горошин и оросил все это содержимым из трех-четырех бутылок. Как следует встряхнул шейкер, поставил на стойку, потом быстро сделал шаг назад и надвинул на глаза защитные очки. Артур тоже с опаской отступил в сторону. Смесь заклокотала, раздался хлопок, и крышка шейкера улетела куда-то в зал.

— Ваш «Красный карлик», — сказал папаша, подтолкнув стакан к Артуру.

Мартынофф застыл в нерешительности, уставившись на маслянистую жижу, что пузырилась в стакане.

— Может, чего-нибудь полегче желаете? — прищурился Спок.

Артур нахмурил брови, схватил стакан и залпом опрокинул в рот. В тот же миг кожа на его лице приобрела охристо-желтоватый оттенок и покрылась какими-то буграми и наростами, точно старая дубовая кора. Артур хотел утереть выступившие слезы, но дотронувшись до лица, ахнул:

— Что со мной?!

— Ничего, ничего, пройдет, — успокоил его папаша Спок, и уважительно добавил: — А ты отчаянный малый.

Безобразные складки и впрямь скоро разгладились, а кожа последовательно сменила цвет с охристо-желтого на ярко-голубой, а потом на молочно-белый.

— Ну как? — поинтересовался Спок. — Кризис миновал? Или повторить?

— Выпивка не поможет, папаша Спок. Мне позарез нужен сюжет, какая-нибудь необычная история.

— Необычная история? Этого добра у нас навалом, — бармен сделал широкий жест. — Ступай к любому, он тебе такого порасскажет — глаза полопаются!

— Но мне не всякая история подойдет, я ведь *научный* фантаст, — вздохнул писатель.

— Вона как. Что же тебя интересует? Ограбление года? Афера века? Или хочешь послушать про безответную любовь виртуальной каракатицы к эльфийской принцессе?

— Мне бы про что-нибудь связанное с космическими технологиями, с наукой.

— С наукой у нас напряженка, — развел руками папаша Спок.

— И не только у вас.

— А на кой шут, скажи, сдались тебе космические технологии? У тебя что, дома УПС-портала нет?

— Одна из целей нашего литературного союза — возрождение интереса к древнейшей истории человеческой цивилизации, — заметил Артур.

— Вона как, — протянул Спок. — Постой, дай-ка подумать... Что б мне засохнуть! — воскликнул он после минутной паузы. — Бедолага Джим, вот кто тебе нужен!

— Кто, кто?

— Бедолага Джим, Джим-тоник. Откликается еще на Наследника Джимми. Познакомить?

— Ну, если его история и впрямь связана с космическими технологиями...
 — Еще как связана, — заверил бармен. — Мы-то ее тут наслушались — из ушей лезет. А тебе наверняка понравится. Ну-ка, пойдём.

Папаша Спок вышел из-за стойки, решительно взял Артура за локоть и увлек в погибельные глубины «Грязного кукиша». Сопровождаемые разноразными окликающими и интергалактической матерщиной, они двинулись между столиками. Со сцены им вслед гремел хит популярной в этом цикле группы «Черви-kozyри»:

— Накося, выкуси!
 У нас вдоволь закуси,
 И винища дохренища.
 Запаслись мы лет на тыщу!
 Эх! Эх! Эх! Эх!
 Положили мы на всех!

Они по диагонали пересекли шумный центральный зал и нырнули в треугольную арку. Взорам Артура открылось смежное помещение с низкими закопченными сводами; стены его терялись во тьме. Тут и там из косматого сумрака выглядывали какие-то безобразные хари, одна гаже другой. Впрочем, на вошедших никто не обратил внимания. Лишь два-три завсегдага скользнули по Артуру осоловелыми взглядами и снова утопили их в глубинах своих стаканов.

Спок подвел Артура к столу, за которым расположилась весьма причудливая компания: нетрезвая девица с растрепанными белокурыми космами, пузатый крепыш-маломерок с лицом, заросшим бородой до самых бровей, и бледный до прозелени брюнет, по всей видимости, мертвый. Во всяком случае, он был весь какой-то... ооченелый что ли; впечатление усугубляли широко разинутый рот и пустые, точно пуговицы, глаза. Еще один стул занимал цветочный горшок, из которого торчал развесистый клюквенный куст.

— Вся шайка в сборе, — удовлетворенно заметил папаша Спок. — И славно, сейчас я вас перезнакомлю. Это Артур, — представил он Мартыноффа, — писатель. Специально к нам укс-портировался, чтобы послушать историю Бедолаги Джима, вона как. Это, — бармен указал на растрепанную девицу, — магичка Шварцлох, она же Белокурая Бестия с Младшей Эдды. Депортирована оттуда по причине злонамеренной невменяемости, а также за бл... пардон, за бесстыдство.

Магичка хихикнула и подмигнула Артуру.

— С ней рядом — Альбрих, цверг со Старшей Эдды. Между прочим, тамошний министр культуры. Правда, с тех пор, как Старшую Эдду оккупировали етуны, цвергское правительство пребывает в изгнании.

При виде цверга Мартынофф невольно поморщился: цвергов он недолюбливал; понимал, конечно, что это неправильно, ксенофобский пережиток, но ничего не мог с собой поделать. Вроде и гуманоиды, а вот не лежит к ним душа, да и все! Впрочем, цверг тоже бросил на Артура взгляд далеко не любезный, почти злобный, а вместо приветствия презрительно высморкался в бороду.

— А это, — продолжил Спок, уважительно кивая в сторону клюквенного куста, — сэр Генри Питтон де Турнефюр младший, известный революцио-

нер и при этом щедрый меценат; финансирует сепаратистов по всему Млечному Пути, и даже в Андромеде и Треугольнике. Мое почтение, сэр Генри!

В ответ сэр Генри-младший меланхолично шевельнул ветвями. Или что там у него было.

— Ну а вот и сам знаменитый Наследник Джимми, наш славный старина Джим-тоник, — с этими словами папаша Спок от души хлопнул бледного брюнета по спине. Но тот лишь качнулся вперед и вновь застыл с бессмысленным достоинством трупа, даже рта не закрыл.

— Алкогольная кома, — констатировала Белокурая Бестия, — еще с обеда в отключке.

— Вона как. Ничего, двойная порция «Взрыва Сверхновой» живо прочистит ему мозги, — заверил папаша Спок, и приставил к столу еще один стул. — Ну, Артур, ты пока располагайся, а я принесу выпивку. Кто чего будет?

— Угостишь нас, парниша? — спросила магичка, придвигаясь к писателю.

— Само собой, — кивнул Мартынофф.

— Тогда мне порцию «Темной материи».

— Пинту эля, — буркнул Альбрих. — И смотри, поменьше пены.

— Я, пожалуй, тоже выпью эля, — определился писатель.

— А вам, сэр Генри, как всегда? — уточнил бармен.

Клюквенный куст согласно качнул ветвями, усыпанными красными горошинами ягод.

— Хочешь, я расскажу тебе *свою* историю? — предложила между тем магичка Шварцлох. — Гарантирую, уснуть под нее ты не сможешь.

— Конечно! Всем до смерти интересно знать, с кем ты трахалась, — ворчливо заметил цверг.

— Заткнись, старый импотент! — взвизнула магичка.

— Шлюха, — не остался тот в долгу.

Обмен любезностями прервался с возвращением папаша Спока; он поставил на стол заказанные напитки: две кружки пива, коктейль и рюмку некоего ядовито-зеленого зелья для сэра Генри. После чего одной рукой зажал Наследнику Джимми нос, а второй залил стакан чего-то шипучего и переливчатого прямо ему в рот, благо тот был открыт. Мертвенно-бледное лицо Джимми покраснело, как помидор, он захрипел, затрясся, схватился обеими руками за горло и гулко рыгнул. Магичка щелкнула пальцами, и изо рта Наследника вырвался огненный выхлоп, едва не подпаливший Альбриху бороду. Пахнуло паленым волосом.

— Стерва долбанутая, — констатировал министр культуры, хлопая себя по закурчавившейся бороде.

— Так с дамами не рав... рагозва... раз-го-вар-ривают, — выговорил воскресший брюнет и с любопытством новорожденного огляделся вокруг. — Эге, знакомые все лица... А вы кто будете? — спросил он Артура. — Вроде, я вас раньше здесь не видел.

— Это Артур, Артур Мартынофф, на конце двойное «ф», он писатель, — ответил за того бармен. — Артур очень хочет послушать твою историю, Джимми. Ты уж меня не подведи, я ему пообещал, вона как.

— Да? — Брюнет остановил на Артуре вполне уже осмысленный, даже

заинтересованный взгляд. — Ну что ж, пусть так... Ничего не имею против. Вот только в горле пересохло, точно в пекле.

— Это поправимо, — понял нехитрый намек Мартынофф. — Папаша Спок, принеси-ка мистеру Джиму пинту эля.

— Раз такое дело, — ухмыльнулся брюнет, — можно просто Джим. И к етунам эль! Пускай несет тройной джин с тоником. Тоника поменьше, а джина побольше.

— И закусить чего-нибудь, — с долей беспокойства крикнул вслед бармену писатель.

— Что ж, мистер как вас там... — начал Джимми, потирая руки и бросая хищный взгляд на рюмку сэра Генри. Тот поспешно зацепил ее одной из ветвей-псевдоподий и опрокинул в свой горшок.

— Артур. И тоже без мистера.

— Хорошо, пусть так, — вздохнул Бедолага Джим. — И с какого же переугу тебя заинтересовала трагическая история моей непутевой жизни, Артур?

— Папаша Спок сказал, что она как-то связана с космическими технологиями...

— А ты часом не коллекционер? — резко повернувшись к писателю, спросил Джимми.

— Нет, — удивленно пожал плечами Мартынофф.

— Ненавижу коллекционеров! Проклятые старьевщики. Собирают всякий хлам, а честным людям от того одни неудобства.

— Я писатель, забыл?

— Проверить никогда не помешает.

— Просто расскажи ему Джимми, — произнес цверг Альбрих, — и пускай он уже отвяжется, со своими технологиями.

Папаша Спок поставил перед Джимом высокий бокал и блюдо с жареными личинками брандашмыга, подрумяненными до хрустящей корочки, красными от жгучего тартарского перца. Тот сделал порядочный глоток, закусил личинкой и удовлетворенно поморщился:

— Пусть так, приступим... Родился я триста пятьдесят юлианских лет назад на Мегере; это самая окраина галактики Треугольника, шаровое скопление Эриний, система Гекаты, если кто не в курсе... Ну, не в этом суть. Семья, в которой мне повезло появиться на свет, была весьма обеспеченной. Папаша мой сделал капитал на торговле фарисейскими гекапами, и фирма его достигла немалого процветания. При всем том человеком он был ограниченным, даже невежественным. Среди коммерсантов такое не редкость, вы, верно, знаете...

— Джим! Джим! — прервала рассказчика Белокурая Бестия. — Только про папу не надо. Давай, ближе к телу.

— Ну, пусть так, — согласился Джим-тоник. — В общем, я рос избалованным ребенком, с малолетства ни в чем не знал отказа. И хотя, когда пришло время, определили меня, понятное дело, в самый престижный мегерский университет и все такое, учеба меня не интересовала. И с чего бы? Я ж не собирался работать. Денег у меня и без того хватало. Впрочем, одно дело я все ж таки освоил неплохо — игру. Играл я во что угодно и где угодно. В рулетку и в покер, в кости и в лотерею, и, разумеется, в крестики-

нолики; делал ставки на сельванских бегах и на лингамских скачках... Но, опять же, интересовал меня скорее сам процесс, нежели результат. Все по той же причине. Так оно и шло, пока папаша исправно снабжал меня наличностью. Однако никто не вечен... Кроме Дохлого Роджера, понятное дело. Короче говоря, после смерти родителя я спустил семейные денежки, а следом и весь отцовский бизнес в каких-нибудь три-четыре года. И остался на мели. Но и это меня не отрезвило — я продолжал играть. Только уже не из чистой любви к искусству. Я вышел на профессиональный уровень. А что было делать? Других-то средств к существованию у меня не осталось. М-да... Порой мне выпадал жирный джекпот, иной раз удавалось сорвать приличный банчок. То бишь, я не особенно бедствовал. Но со временем про меня пошла дурная слава. Дескать, Джим не чист на руку, и все такое. В конце концов — увы — двери приличных игорных заведений Треугольника передо мною захлопнулись. Как говорит наш гостеприимный хозяин: все козлы, а мир несовершенен! Я уже стал подумывать перебраться куда-нибудь в Туманность Андромеды, где меня никто не знал, а порой — в минуты полного безденежья и особенного отчаяния — даже строил планы устройства на какую-нибудь работенку. Видите, господа, я тогда натурально стоял на пороге безумия!

— Лучше не скажешь, — проворчал Альбрих и шумно высморкался в бороду.

Джим смочил горло, отправил в рот очередную жгуче-красную личинку и продолжил:

— Тут-то в моей жизни и появился дядюшка Пол. О том, что мультимиллиардер Пол Крестовский доводится мне родственником — троюродным дядей со стороны матери, я знал и раньше. Новостью для меня стало то, что никаких других наследников, кроме меня, у дяди Пола нет, и не предвидится. Прознав об этом весьма отрадном факте, я немедленно нанес дяде визит вежливости. Надо же было выяснить, как здоровье моего единственного родственника.

— И потенциального наследодателя, — вставил министр в изгнании.

— Пусть так, — легко согласился Бедолага Джим. — Принимая во внимание бедственное положение, в котором я тогда находился, думаю, никто не поставит мне этого в вину. Да, меня до желудочных колик интересовало, сколько еще старикан протянет. Но тут меня ожидало первое разочарование: для своих лет Пол Крестовский чувствовал себя превосходно. Он вел скучный, размеренный образ жизни, не имел вредных привычек или каких-нибудь нездоровых страстишек... Короче, на близкое открытие наследства рассчитывать не приходилось. Впрочем, принял он меня весьма любезно. Даже расцеловал. Только на черта мне сдались его поцелуи! Мне было нужно его состояние...

Рассказчик прервался, чтобы сделать очередной глоток и, обнаружив, что тарелка пуста, сорвал с клюквенного куста ягоду и отправил в рот.

— O tempora, o mores, — неожиданно для всех прошелестел сэр Генри.

— Каковы времена, таковы и нравы, — парировал Джим. — На чем, бишь, я остановился? Ах, да! Я упомянул, что дядя не имел дурных наклонностей. Кроме, пожалуй, одной: он был заядлым коллекционером всякого космического мусора. И главной страстью дяди Пола являлись орбиталь-

ные корабли эпохи первобытного — посредством летательных аппаратов — освоения космоса. Всю обширную территорию его загородного поместья загромождали гигантские кучи металлического лома — то, что сохранилось от этих самых кораблей. И хлам этот он приобретал за немалые деньги. У меня просто душа кровью обливалась, когда дядя с достойной маньяка гордостью демонстрировал мне свои «сокровища». Боги Метагалактики! сколько профуканных миллионов, сколько несделанных ставок! Но я решил не отчаиваться. Наоборот, постарался во что бы то ни стало произвести на Пола Крестовского самое благоприятное впечатление. Я включил все свое обаяние: пытался как-то развлечь старика, выказывал интерес к его историческим разысканиям, и все такое. Даже восхищался ржавыми дядиными железками... И вот, когда между нами установились по-настоящему родственные, доверительные отношения, Пол показал мне «жемчужину» своей долбанной коллекции. На заднем дворе его поместья в специальном ангаре хранился настоящий космический челнок в рабочем состоянии. Надо было видеть, с каким торжественно-глупым выражением лица дядя Пол сорвал со своего детища укрывавшее его полотнище! Как любовно оглядывал эту белоснежную, восьмидесятитонную махину, напоминавшую со стороны разжиревшую пулярку. Он даже придумал кораблю имя... э-э... вот, черт! На языке вертится... Не то «Варан», не то «Братан»...

— «Буран», — подсказал Артур Мартынофф.

— Верно, «Буран», — согласился Джим-тоник и подозрительно прищурился: — Ты точно не коллекционер?

— Точнее не бывает. Но историей интересуюсь.

— Пусть так, верю.

— Ну, ну! — подстегнул его Артур. — Рассказывай дальше.

— Дальше, — зевнул Наследник. — Уж не знаю, вспомню ли — мозги совсем засохли.

— Папаша Спок! — крикнул писатель. — Принеси Джиму еще порцию джина и закусить. Остальным тоже повтори.

— Челнок этот, — продолжил Джим, размочив мозги, — в отличие от прочих дядиных экспонатов, не был раритетом. Его построили по специальному заказу Пола. Но с использованием подлинных чертежей тех времен, когда на подобных штуковинах и впрямь летали. Правда, только до орбиты и обратно. Дядя же велел своим конструкторам сделать так, чтобы его челнок смог выдержать и межпланетный перелет. Для дядиногo удовольствия мне пришлось наизусть зазубрить всю эту машинерию, так что слушайте и удивляйтесь, — Джим прикрыл глаза. — «Буран» был оснащен твердофазными ядерными двигателями. Сколько их было всего, не помню. Зато хорошо помню, что до практического применения этих двигателей человечество так и не дошло — с появлением УПС-порталов в них отпала всякая необходимость. Но стендовые испытания проводились. Это все мне Пол рассказал. Еще на челнок установили пару плазменных двигателей — резервных. Но эти могли пригодиться только в космосе.

— Поразительно! — воскликнул Мартынофф.

— Сам удивляюсь, — согласился Наследник Джими. — Название корабля едва вспомнил, а казуистика эта до сих пор от зубов отлетает.

Сюрпризы памяти! Только и это еще не все. Дядиной идеей фикс стал реальный межпланетный полет на «Буране», можете себе представить? Причем он жаждал осуществить полет самолично! Оказалось, он давно замыслил это дело и все хорошенько обмозговал. Пол решил слетать с Мегеры на Горгону, ближайшую к Мегере планету в системе. Полет, по его расчетам, должен был занять восемь с половиной мегерских месяцев. То есть шесть юлианских. И эта бредовая мысль совершенно овладела его сознанием.

— Восемь с половиной, — уточнил писатель, — это туда и обратно?

— Только туда. Горгона достаточно обжитая планета, и обратно дядя Пол намеревался уПС-портироваться вместе с «Бураном» через грузовой портал. Пола Крестовского можно конечно считать одержимым, и все такое, но безумцем он не был. Полет даже в один конец — предприятие весьма и весьма рисковое. Ведь человеческая цивилизация до Пола никогда не осуществляла пилотируемых межпланетных перелетов. Да и, насколько мне известно, никакая другая — тоже.

— Нет, — не согласился Артур Мартынофф, — девильские кракены успели неплохо освоить межпланетное пространство. К тому времени, как мандрагваздеры проложили к ним первый УПС-портал, они уже вовсю бороздили свою планетную систему.

— Пусть так, — отмахнулся рассказчик, — но кракены не гуманоиды. Я же имел ввиду гуманоидные цивилизации. Ладно, продолжаю. Можете мне не верить, но поначалу я честно отговаривал дядю от этой опасной затеи. Дядюшка, говорил ему я, что ты творишь? У тебя дома УПС-портал, на Горгоне тоже — зайди и выйди! А он: «Джим, родной мой, в этом вся соль. С тех пор, как у разумных существ в Обитаемой Вселенной отпала необходимость решать задачи космического масштаба, наука стагнирует, наши цивилизации деградируют, а носители разума превращаются в пассивных гедонистов».

— Это точно, — вздохнула магичка Шварцлох, — нормальных мужиков почти не осталось.

— Пусть так, урезонивал его я, но что изменит твоя авантюра? «Буран» построен на основе первобытных космотехнологий десятивековой давности. Это ж огромный риск лететь на таком антиквариате! Но Пол, знай, гнул свое: «Как ты не понимаешь, племянник? Я должен совершить полет на Горгону именно на таком, как ты его называешь, антиквариате. Это, можно сказать, сюжетобразующий элемент! Я совершу то, что мы, люди, обязаны были сделать еще тысячу лет назад. Кроме того, своим полетом я подам пример, зажгу сердца...». Ну и прочее «бла-бла-бла» в том же духе. Короче, отговорить его я не сумел. И вот тогда — только тогда, подчеркиваю! — у меня зародилась мысль. Поначалу это была крохотная такая, считай, шутейная мыслишка. Но она росла, росла...

— И выросла в козла, — закончил за него цверг Альбрехт.

— И превратилась в огромную всепоглощающую МЫСЛЬ, — не обращая внимания на реплику, продолжал Бедолага Джим. — Вот он, твой шанс, крутилось у меня в голове, не упусти его. Сама судьба дает его тебе в руки. Что за шанс, спросите вы, наверное?

— Разделаться с дядей и завладеть наследством, — мстительно разрушил интригу сэр Генри Питтон.

— Ну... пусть так, — вынужден был признать Джим. — А кто меня осудит, учитывая все обстоятельства?

— В Кукише точно никто, — заявил цвергский министр, насмешливо сморкаясь в бороду.

— Послушайте, — неожиданно обратился к нему Мартынофф, — не могли бы вы прекратить постоянно сморкаться?

— Это еще почему? — вытаращил глаза Альбрих.

— Меня ваше сморкание отвлекает... и вообще.

— Да-а, — покачал головой цверг, — с культуркой у тебя слабовато. Только заявился, а уже хамишь. А туда же — писатель.

— Хор-рош собачиться! — прикрикнула Белокурая Бестия чуть заплетаящимся языком. — Вечно так — перепьются и давай... Пусть Джим-тоник рассказывает, дальше самое смешное.

— Кому смех, а кому грех, — вздохнул Джим и стукнул пустым бокалом. — Рассказывать что ли?

Точно из-под земли вынырнул папаша Спок и вопросительно взглянул на Артура. Тот кивнул.

— На орбиту «Буран» должен был вывести двухступенчатый ракетный носитель, — подавляя икоту, продолжил Наследник Джим. — И снова сюрприз из прошлого: я до сих пор помню, что первая ступень имела кислород-керосиновые двигатели, а вторая — кислород-водородные. За каким чертом, спросите, я это запомнил? Сам не знаю. Но суть не в этом. Перед самым стартом один знающий человек (по чьему заданию, объяснять, полагаю, не надо?) как следует покопался в бортовой навигации. Короче, долететь до Горгоны у дяди Пола шансов не имелось. Он был обречен сгинуть в глубинах Вселенной. И шансов на спасение у него тоже не было. Ведь к тому времени во всем Обозримом Космосе не осталось ни единого управляемого космического аппарата. Кроме дядиного, разумеется. Орбитальные спутники, и все такое, можно не считать. Покончив с делами и дождавшись старта, я лег в анабиозную камеру, запрограммировав пробуждение через сто тридцать один год. Чтобы, значит, проснуться по-прежнему молодым, но уже богатым.

— Зачем же на такой долгий срок? — удивился Артур Мартынофф. — Неужто Пол Крестовский мог прожить в автономном полете сто тридцать с лишним лет?

— Сразу видно, что ты не знаком с гражданским законодательством Мегеры. Оно весьма строгое. А семейное и наследственное — в особенности. Так вот, если тело так и не обнаружено, официально умершим человека могут признать лишь по истечении ста тридцати лет. Причем не мегерских, а условных юлианских.

— Бред какой-то!

— Когда мой дедушка, будучи в отпуске, нырнул со скалы в море, да так и не вынырнул, моей бабушке пришлось ждать ровно сто тридцать лет, чтобы вторично выйти замуж. Разводить в отсутствие одной из сторон суд

по закону не имел права, вот и пришлось дожидаться официального признания вдовой. Так-то! Но суть опять же не в этом.

Белокурая Бестия неожиданно зашлась смехом. Джим взглянул на нее с укором, но рассказа не прервал:

— По прошествии ста тридцати одного года, отойдя от анабиоза, я с удовлетворением узнал, что с дядей Полом вышло даже удачнее, чем задумывалось изначально. Он, как и положено, сбился с курса, но не затерялся в глубинах Космоса, нет. Вылетев за пределы нашей планетной системы, «Буран» взял курс напрямик на Старую Вельву..

— Старая Вельва? — перебил Мартынофф. — Кажется, так называют черную дыру где-то на окраине Треугольника.

— Точно. Так вот, пока я спал, дядин челнок благополучно в нее затянуло. То бишь, факт смерти налицо. Впрочем, мне все одно пришлось идти в суд с заявлением о признании Пола Крестовского официально погибшим. Но это была лишь пустая формальность! В мечтах я уже тратил дядины миллиарды... Как вдруг судьба вновь шелкнула меня по носу. Да что там — шелкнула! Показала мне задницу, вот как! В суде неожиданно выяснилось, что дядя Пол застраховал свою жизнь на кругленькую сумму. В результате причитающийся мне куш вырос почти в полтора раза.

— Что ж в том плохого? — не понял писатель.

— Вот, слушай. Когда я уже торжествовал победу, в заседание явился следователь страховой компании. Эдакая гадкая, отвратительная рожа! Протокольная душонка! Крыса кабинетная! Чтоб ему.. чтоб ему зачервить, кровососу!

Джим разом опрокинул в себя остатки спиртного. Отдышавшись, он продолжил:

— Так вот, явился следователь и предложил суду в режиме реального времени обозреть снимки, сделанные межгалактическим телескопом «Бубль» — тот как раз по касательной пересекал эргосферу Старой Вельвы. А на этих треклятых снимках я и все прочие увидели дядин челнок. Да, да! «Буран», как ни в чем ни бывало, висел над самой Старой Вельвой! И, похоже, не собирался в нее падать. Правда, выглядел он изрядно сплюснутым. Зато, при должном увеличении, можно было различить самого дядю Пола, прикинувшего к иллюминатору. О, это был гром среди ясного неба! Настоящая катастрофа! Разумеется, суд категорически отказался признать умершим лицо, которое совсем даже и не пропало. И которому едва ли ни рукой можно помахать: «Привет, мистер Крестовский! Как вы там? Не скучаете?»

— Эффект гравитационного замедления времени? — догадался Артур.

— Именно! Уже потом адвокаты растолковали мне, что к чему: весь фокус, оказывается, в гравитационном поле дыры. Сила ее тяготения настолько чудовищна, что не выпускает наружу даже свет! Оттого-то с точки зрения внешнего наблюдателя все физические процессы падающего в дыру объекта идут все медленнее и медленнее. Пока вовсе не замрут. Иначе говоря, по мере приближения любого объекта к этому.. как его дьявола?

— Горизонту событий, — подсказал писатель.

— Во-во, к горизонту событий черной дыры объект замедляется сильнее и сильнее. И, в конце концов, останавливается. На самом-то деле ничего

подобного не происходит. Просто внешний наблюдатель никогда не сможет увидеть, как объект пересечет горизонт событий.

— Как же дело развивалось дальше? — поинтересовался Артур.

— Хреново развивалось. На родной планете я не нашел справедливости — всем известно, что в наших мегерских судах сидят одни маразматико-ортодоксы. Беда в том, что к мнению этих старых пердунов прислушиваются. И еще как! Куда бы я потом не обращался, в какие бы двери не стучал, везде и всюду получал отказ. Короче говоря, я потерпел неудачу во всех судебных инстанциях Обитаемой Вселенной! А что удивительного? Проклятый следователь всякий раз совал судьям снимки «Бурана»: вот-де Пол Крестовский, и куда он не пропал, местонахождение его нам известно, и все такое... Так я дошел аж до Президиума Высшего Межцивилизационного суда Справедливости на Асгарте. Но и Президиум отказал в удовлетворении моей жалобы. А его решение обжаловать просто некуда. Так-то! Я уже и к специалистам ходил, к ученым всяким. Ведь когда-нибудь, спрашиваю, «Буран» свалится в Старую Вельву? Пускай, говорю, случится это нескоро, пускай *очень* нескоро — я готов подождать! Скажите только, сколько? Сто лет? Двести? Пятьсот?! Они в ответ: ждать придется *вечность*.

— Пойдем со мной, — предложила магичка Шварцлох, сочувственно потрепав Бедолагу Джима по голове, — и вечность покажется тебе мгновением.

Артуру ни с того ни сего стало бесконечно грустно. Даже тоскливо. И вовсе не от того, что его расстроили злоключения Джима. Скорее, напротив. Какая смелая, какая радужно-чистая мечта погибла, с горечью думал он. И все из-за глупой жадности ничтожного интергалактического хлюста. Ему захотелось немедленно напиться.

— Что же теперь? — спросил он.

— Что теперь? — с усмешкой переспросил Джим. — Теперь я сижу здесь, в Кукише. Кортаю вечность.

— У всего есть конец, — философски изрек министр в изгнании, — когда-нибудь и вечность кончится.

— Надежды — сны бодрствующих, — едва слышно прошелестел клюквенный куст.

Об авторе

Родился в Москве в 1965 году. Закончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Много лет трудился в органах прокуратуры. В настоящее время живет и работает юристом в Москве.

Печатается с 2003 года. Публиковался в журналах «Полдень XXI век», «Наука и жизнь», «Юность», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Ступени», «Тайны и загадки», «Хулиган», «Шалтай-Болтай», «Я» (США); «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках: «Настоящая фантастика-2010» и «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»).

Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009 г.) и «Золотой лингам» («Вече», 2012 г., в соавторстве с Сергеем Юдиным).

Кристина Выборнова

Кршмяга

С Физзом я познакомилась на следующий день после прибытия на планету Сюсюан. Он, как и все сюсюане, был тощим гуманоидом с синей редкой шерстью, большими круглыми глазами, малюсеньким носом-кнопкой и острыми пушистыми ушами, и в целом напоминал испуганную белку. Встретились мы, когда я решила, выйдя из отеля, прогуляться по городу. Только я присела на низенькую и мягкую скамейку под сенью дерева с красной расплющенной кроной, как он устроился рядом и со свойственной сюсюанам приветливостью, если не сказать, болтливостью, завел со мной разговор:

— Здравствуйте, вы с Земли? Меня зовут Физз, а вас? Вы где работаете? Сколько получаете? У вас семья есть?

— С Земли, Анна, программист ракетных систем, семьсот условных денег, не замужем, — привычно отрапортовала я, поскольку вчера меня успел про это же расспросить весь персонал отеля.

— А я получаю всего триста денег, семьи нет, а работаю я... — тут он выпрямился, развернув уши. — Защитником редкого вида животных!

— Да ну, — сказала я с некоторым интересом.

— Эти животные подвергаются безжалостному террору, они не могут жить, как раньше, рядом с современной цивилизацией, и мы считаем своей задачей повысить их численность... — возвышенно сообщил он и вдруг закончил грубой прозой:

— Дайте денег.

— Да у меня же мало...

— Ну хоть немного.

— Да у меня всего...

— Ну сколько есть дайте, — протянул он ко мне шерстяную лапу. Я отпрянула, хватаясь за сумочку, и сдержанно сказала:

— Извините, но мне ведь на что-то надо здесь жить.

— Вы просто не понимаете глубины проблемы. Но вы должны понять: вы ведь женского пола, а земные женщины очень любят животных. Пойдемте со мной, здесь недалеко! — сюсюанин ухватил меня за полу пиджака и, вскочив, потянул за собой. Я нехотя потащилась за ним, помня слова гида о том, что не стоит возражать местным жителям, когда они хотят тебя, по их мнению, облагодетельствовать.

К счастью, идти и правда было недалеко. Мы повернули на соседнюю улицу и вошли во внутренний двор большого кольцевого дома. Физз при-

ложил нос ко считывающему устройству на круглой двери, на ходу разглагольствуя:

— Мы, группа энтузиастов, уже сумели спасти несколько экземпляров прекраснейшего исчезающего животного, которое раньше в изобилии жило на нашей планете, а теперь, лишь оно появится в черте города, его безжалостно истребляют! У вас такое бывает? Мне другие земляне рассказывали, что бывает. По-моему, у таких гуманоидов нет никакой печени! Проклятые! Я бы таких безжалостно убивал! Проходите.

Дверь открыла, и мы прошли по лестнице в полуподвальное помещение. Чем дальше мы продвигались, тем сильнее становился резкий специфический запах и громче слышались странные звуки типа хриплого хохота и басовитого кудахтанья. Я несколько стухнула и начала раздумывать, правильно ли я поступила, пойдя за этим сюсюанином, и почти сразу же убедилась, что действительно сделала это зря. С лестницы мы попали в узкий полутемный коридор, по обеим сторонам которого стояли плотные ряды клеток. А в клетках сидели по одной-по две громадных размеров зверюги. Шерсть у них была длинная серая с подпалинами, очень густая на спине и почти отсутствующая на брюхе, так что туловище из-за округлой формы напоминало какую-то шерстяную тарелку. Позади тарелки по земле стелился пышный, почти лошадиный, хвост. Передние лапы были намного длиннее задних и на порядок когтистее. Туловище, почти без помощи шеи, переходило в массивную пятиугольную голову со свисающим вниз бесшерстным серо-розовым носом, дырками в шерсти на месте ушей и длинной пастью с оранжевыми, похожими на частокол, зубами. Почти над углами рта висели круглые, как пуговицы, черно-желтые глаза с совершенно бешеным выражением. Все это великолепие мало того, что пахло, как десяток протухших яиц, так еще и при виде нас начало бросаться на решетки клеток, издавая хриплые хохочущие звуки. Клетки затряслись. Я пискнула «ой» и спряталась за сюсюанина. Тот успокоительно дернул ухом и, повернувшись ко мне, сказал умиленно:

— Видите, какое чудесное животное лишают права на жизнь?

— Как это называется? — спросила я дрожащим голосом, стараясь перекричать звериные вопли.

— Кршмяга, — нежно отозвался Физз. — Сильный и гордый ночной хищник, который много лет жил с нами на одной планете. А теперь, стоит кршмяге появиться в городе, ее сразу же уничтожают, представляете? Наша организация борется с этим своими силами: мы покупаем еду, обеспечиваем им клетки, где им хорошо и безопасно, но мы надеемся, что скоро добьемся отмены закона об уничтожении кршмяг в городе, потому что это варварство.

— Гм, — сказала я уклончиво, оглядываясь назад и с ужасом понимая, что теперь лестницу от меня отделяет еще одна опустившаяся, как заслон, дверь. — Ну, может быть, кршмяги немножечко это... Опасны?

— А сюсюане не опасны?! А гуманоиды не опасны?! — всплеснул лапами Физз. — Вы же сами знаете, какие у вас были войны, как вы, да и мы, издевались друг над другом! Животные не способны на такую подлость, как гуманоиды! А между тем, гуманоиды решили, что могут творить, что хотят,

и что они имеют право убивать кршмяг просто за то, что они кршмяги! Вы меня поймете, вы же женщина. Я недавно разговаривал с землянкой, она меня поняла. У нее дома на Земле семнадцать кошек... Дайте денег.

— Ну, я...

— Ну вы посмотрите на них! — воскликнул сюсюанин, резко хватая меня за плечи и поворачивая к ближайшей клетке, из которой, прижавшись к прутьям, ела нас глазами крупная кршмяга. — Смотрите, какой чистый у них взгляд! Не то, что у гуманоидов!

— Кха-ха-ха-ха! — сказала кршмяга и ударила лапами по решетке, не сводя с меня глаз.

— По-моему, взгляд не то, чтобы чистый, а какой-то голодный... И они все, кажется, не очень довольны.

— Ну, естественно! Потому что им не хватает корма, потому что их держат в тесных клетках. Поставьте себя на их место! И дайте денег. Сколько можете.

Сдавшись не столько под напором сюсюанина, сколько под взглядом кршмяги, я порылась в кармане и сунула в подставленные лапы десять условных денег.

— Вы представляете страдания животных в таких условиях?! — с напором повторил сюсюанин, упиав монеты в карман на животе костюма, из чего я сделала вывод, что дала мало. Страдания животных мне тоже были видны: от бросков ближайшей кршмяги уже нехорошо прогибалась решетка клетки.

— Никто не дал нам право считать себя лучше других живых существ!!! — перекрикивая рев благодетельствуемых зверушек, орал Физз. — Они почти так же разумны, как мы, зато не лживы, не лицемерны! Вы знаете, как они преданны друг другу?! Как самец загрызает всех, кто пытается обидеть его самку? Как самка задерет любого, кто приблизится к ее детенышам?!

— Не знаю, но уже представила! — тоже закричала я, судорожно наощупь роюсь в сумочке, не сводя при этом взгляда с пытающейся прогрызть решетку кршмяги. — Вот вам сто условных денег! Пойдемте отсюда!!!

— Я знал, что вы меня поймете, вы же женщина, — удовлетворенно сказал сюсюанин и приложил нос к двери, отделяющей нас от лестницы. — Моя знакомая, у которой семнадцать кошек, говорила мне, что...

Дальнейшие слова его я не расслышала, потому что бросилась наутек и не останавливалась до самого входа в отель.

...Позже, уже находясь на Земле, я услышала в новостях, что движение по защите животных набирает силу. Его сторонники в конце концов добились того, что кусок города был отгорожен и предоставлен для свободных прогулок окрестным кршмягам. Туристический бизнес, правда, при этом резко завял, потому что животные оказались действительно умными и, собираясь в стаи, дружно штурмовали ограду, пока не проделывали в ней лазейку, добираясь до вожделенных ими городских рынков и помоек, а по дороге закусывали местными жителями и туристами. Конечно же, это вызывало беспорядки и многочисленные акции протеста, посмотрев на которые, я поняла, что еще лет десять не видать мне теплого сюсюанского моря.

А Физза я все-таки тоже увидела в каком-то телерепортаже. Он почти не изменился, только одно его ухо было основательно обкусано, и он возглавлял общество по защите города от кришьяг.

Об авторе

Родилась в 1984 году в Москве, где до сих пор и живет. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького, семинар детской прозы. Первая книга «Кристинины сказки» вышла в 1996 г. в известной серии «Семейная библиотека». С тех пор, помимо публикаций в периодике, вышли еще три книги: «Претенденты на Землю» (2000) и «Мечтать вредно» (2004) в жанре детской прозы, а также научно-фантастический роман «Нейронная сеть «Колин»» (2011).

Вторая область деятельности — литературоведение. Аспирант Литературного института, автор ряда статей, исследующих создание образа ребенка в прозе.

Третья профессиональная область — композитор, поэт-песенник. Песни на русском и английском языках передаются на интернет- и «живых» радиостанциях Европы, США, Канады и Австралии. Автор песен к музыкальному фильму «Светло тому, кто любит» (2013).

Альберт Шатров

Фоторобот преступника

Жорж сидел на пыльном полу в заваленной старым хламом и пропахшей плесенью дворницкой и рвал на себе волосы, проклиная тот день и час, когда сошел с поезда в этом задрипаном провинциальном городишке. От испугу его трясло, зубы стучали так сильно, что моментами Жоржу казалось, что их дробь слышна на улице.

За дверью послышались приближающиеся шаги. «Все, кранты. Я пропал...» — запаниковал Жорж. Придерживая трясущуюся челюсть, он на цыпочках подкрался к двери и с небольшого расстояния посмотрел в маленькое дверное окошко.

К подсобке неторопливо приближался робот с метлой в руках — видимо, из местных дворников. Как раз чуть поодаль трудилась целая ватага человекоподобных автоматов, все в одинаковых спецовках и на одно лицо. Они стригли траву, собирали мусор, поливали газоны, порой отвлекаясь на просьбы и поручения прохожих.

«Ведь выдаст, гад, меня...» — перетрухнул Жорж и начал судорожно соображать, что же делать.

В этот момент возле дома остановилось гламурных оттенков авто. Хлопнула дверь. Из машины вышла расфуфыренная дамочка и, открыв багажник, обратилась к роботу:

— Эй, милоч! Ну-ка, помоги мне с сумками.

— Слушаюсь, моя госпожа.

Робот оставил метлу и пошел грузиться авоськами.

«Фу, вроде пронесло...» — выдохнул полной грудью Жорж и сполз по стене на пол. Надо было думать, что же делать дальше...

Жорж Литотовский ехал поездом дальнего следования, куда глаза глядят, в поисках воровского счастья. Он чуть не свалился с верхней полки, когда поезд слишком резко затормозил на одной из проходных станций.

— Старо-Утопинск. Кому Старо-Утопинск? — заголосила в проходе проводница.

— Воздухом успеем подышать? — спросил Жорж, когда она поравнялась с его купе.

— Успеете. Все успеете... — гаркнула та в ответ и продолжила объявлять станцию.

Жорж слез с полки, сунул ноги в штиблеты и направился к выходу.

О Старо-Утопинске Жорж наслышан был от соседки по купе, сошедшей станцией раньше. Славен этот городишка был тем, что его градоначальство много лет назад инвестировало немалые средства в его роботизацию. И теперь почти всю основную работу в городе выполняли роботы, а вот деньги за их труд получали горожане. За каждым жителем от рождения закреплялось N-ое количество роботов, а в течение жизни их можно было еще и унаследовать, получить в дар или просто купить. Большую часть времени люди в Старо-Утопинске были заняты досугом и развлечениями, а если и желали потрудиться, то к их услугам были занятия творчеством и общественные работы — такие, как, например, служба в полиции.

Жорж сошел с поезда и огляделся по сторонам. По платформе взад-вперед сновали роботы, услужливо подсобляя пассажирам с багажом либо ища, кому помочь. Взгляд Жоржа вдруг зацепился за красивый портсигар, который кто-то забыл на лавочке напротив. Жорж быстро смекнул, как быть.

— Дружище, — обратился он к не занятому ничем роботу, — не мог бы ты принести мне вон тот портсигар. Я позабочусь, чтобы он вернулась к хозяину.

— С удовольствием помогу хорошему господину, — отозвался робот и метнулся к лавочке за портсигаром.

Лицо Жоржа расплылось в улыбке.

— А мне здесь нравится, — сказал он, крутя в руках находку. — Пожалуй, я тут задержусь.

В его голове вызрел коварный план.

Сообразив, как и чем можно поживиться в этом доверчивом провинциальном городке, Жорж приступил к реализации своих намерений.

Придуманная Жоржем схема выглядела примерно так. Он выслеживал богатых одиноких дамочек с собачками, узнавал, где они живут, и ждал момента, когда они пойдут выгуливать своих любимцев. Тогда Жорж подзывал первого попавшегося робота и, показывая на стоящую в удалении особу, представлялся ее другом. Потом рассказывал слезную историю о том, что его подружка забыла дома ключи и теперь не знает, как туда попасть, а ей срочно нужны ее украшения, так у нее запланировано важное свидание, и она хочет выглядеть красиво. От лица дамочки Жорж просил робота вскрыть дверь и принести ему все драгоценности, какие найдет, а он, мол, незамедлительно передаст их законной владелице.

Роботы беспрекословно выполняли указания Жоржа и, передав ему драгоценности, возвращались к своей работе. А сам он, понятное дело, исчезал в известном только ему направлении.

Два раза у Жоржа все прошло гладко и без зазоринок. Но на третий раз хитрая схема дала сбой. То ли вскрылись преступления Жоржа, и роботов оповестили о нем по внутренней сети, то ли робот, к которому он обратился, оказался слишком занудным. Но вместо того, чтобы выполнять указание Жоржа, он отправился что-то уточнить у дамочки.

Жорж сразу сообразил, что это провал, и бросился наутек, по дороге выбросив наворованное, чтобы не попасться с поличным. Уже когда он

совсем выбился из сил, то увидел незапертую дверь дворницкой, где и укрылся, чтобы перевести дух.

За дверью снова послышалось шарканье. Жорж прильнул к окошку. Напротив дворницкой остановились две пожилые дамы и о чем-то заговорили, возбужденно размахивая руками. Жорж прислушался.

— Ты слышала? Нет, ты слышала? — возмущалась первая. — В городе объявился преступник. Уже совершено несколько ограблений.

— Возмутительно, — отвечала ей вторая. — Преступник воспользовался доверчивостью роботов. Но теперь полиция примет меры, чтобы поймать злодея.

— Уже приняли. Ты не слышала? По телевизору сказали. Составлен фоторобот преступника. И теперь, чтобы все знали, как он выглядит, лица всех роботов в городе поменяют на его фоторобот.

— Какие молодцы. Какие у нас креативные полицейские...

Жорж вспомнил из рассказа соседки по купе, что все роботы в Старо-Утопинске — трансформеры, и их лица, чтобы не надоедали, примерно раз в месяц меняли. А то, что все роботы на одно лицо, чтоб их не путали с людьми, он заметил еще на вокзале.

— Вон смотри-смотри! Они меняются!!! — закричала одна из старушек, показывая на роботов рукой.

Жорж перевел взгляд в ту сторону и от ужаса обомлел. У него на глазах все роботы один за другим превратились... в него самого. На улице теперь разгуливала целая свора Жоржев, его точных копий, разве что одетых в спецовки.

Жорж снова схватился за голову и нервно ходил из стороны в сторону по коморке. «Или поймают, или помру здесь с голоду...» — пульсировало у него в висках. «Поймают... Помру с голоду... Поймают... Помру...»

Жорж снова выглянул в окно, надеясь, что весь этот кошмар исчезнет, как страшный сон. Но ничего не изменилось. Целая шайка-лейка его клонов по-прежнему копошилась на улице.

— Пойдем-ка, поближе их рассмотрим, — сказала одна из старушек, и они, взявшись под ручки, посеменили изучать «фотороботов».

Наконец Жорж немного успокоился, решив, что прежде чем что-то предпринимать, неплохо было бы передохнуть. Он постелил на пол спецовки, которыми изобиловала дворницкая, и прилег.

Сон уже брал свое, как вдруг умнейшая мысль осенила голову Жоржа. Он даже подскочил от неожиданности.

— Как же я сразу не сообразил?! — воскликнул он. — Я еще утру нос вашим полицейским, бабульки.

Жорж натянул на себя спецовку. Нашел в углу подсобки осколок зеркала и посмотрелся в него. Весело ухмыляясь, он подмигнул отражению. Это он теперь похож на все эти «железяки» вместе взятые.

Озарившая его идея было донельзя проста: под видом робота добраться до железнодорожной станции и умыкнуть из этого злополучного городка.

Схватив метлу, Жорж покинул дворницкую. И уже было собрался дви-

нуться в нужном направлении, как неожиданно сзади него раздался знакомый женский голос:

— Эй, милоч! Пойдем-ка со мной, сможешь своему другу двигать мебель.

Выдать себя никак было нельзя. Жорж повернулся и услужливо произнес:

— С удовольствием, прекрасная леди.

— Я тебе дам «с удовольствием», — ухмыльнулась дамочка и шлепнула Жоржа по заду, когда он поравнялся с ней.

Шафы и тумбочки они двигали часа два, не меньше. Дамочка, расхаживая по дому в просвечивающемся пеньюаре, отдавала обоим «роботам» команды и поклевывала орешки и сочные кусочки фруктов. Для Жоржа смотреть на все это было настоящей пыткой.

Наконец мебель была расставлена как надо. Трудяги, стоя в прихожей, ждали, когда их отпустят.

— Ты можешь идти, — сказала дамочка роботу, потом перевела взгляд на Жоржа: — А ты вынеси напоследок пакет с мусором из кухни.

Последнее указание даже обрадовала оголодавшего Жоржа, у которого уже бурчало в животе.

Взяв пакет с отходами, Жорж вышел на лестницу. Огляделся, нет ли кого здесь. Затем раскрыл пакет и принялся изучать его содержимое. Тут было чем полакомиться. И прокляв все, что только было можно проклясть, он стал жадно поглощать объедки.

Утолив голод, Жорж вышел на улицу и, вернувшись в ампула робота, отнес мусорный пакет на помойку. И снова он собрался было идти в сторону вокзала, как его окликнули. На этот раз это был робот и точная копия его самого в одном лице.

— Брат, я вижу, ты свободен. Нужен робот, чтобы перекопать землю. Пойдем со мной.

«Черт! Я так не скоро доберусь до станции» — возмутился про себя Жорж. Но чтобы не быть раскрытым, пошел за своим названным «братом-близнецом».

До заветной цели Жорж добирался не месяц и не два, а целых полгода. Днем, и в жару и в холод и даже в дождь, он работал не покладая сил, лишь иногда увиливая от работы, чтобы перехватить что-нибудь из ближайшей помойки. По ночам большая часть роботов отправлялась на подзарядку. Жорж выкраивал время, чтобы побриться и привести себя в порядок, так как нужно было соответствовать общему внешнему виду. Потом, заняв место у зарядного устройства, он отходил ко сну, стараясь не выдать себя храпом.

Однажды, еще в самом начале пути, Жорж попытался добраться до станции ночью, но потерпел фиаско: был перехвачен, и пришлось пахать в ночную смену. Полторы суток без сна чуть не сломили и не выдали его. Больше на такие подвиги его не тянуло.

Радовало Жоржа все это время другое. Несмотря на принятые к его розыску меры, ему удавалось скрываться, замаскировавшись, как это

не парадоксально звучит, под самого себя или точнее под «фоторобот» преступника, коим он и был.

И вот, наконец, Жорж вышел на финишную прямую. Станция была в ста шагах от него. Затормаживая ход, к ней приближался пассажирский поезд.

Подъехал автобус, и из него посыпали люди с чемоданами. Роботы, до того ждавшие в сторонке, тут же ринулись помогать им с поклажей. Жорж тоже не отставал от них.

— Могу ли я помочь вам, моя госпожа? — обратился он к дамочке с чемоданами.

— Да, будь так любезен, дружок, — с облегчением сказала женщина и отдала Жоржу оба чемодана.

«Девяносто девять, девяносто восемь... пятьдесят четыре... семнадцать...» — Жорж считал шаги до перрона.

Они поравнялись с нужным вагоном. Дамочка протянула проводнице билет, и та его прокомпостировала.

— Я отнесу ваши вещи в купе, — сказал Жорж.

И уже было ступил одной ногой в тамбур, как кто-то положил руку ему на плечо...

Жорж так и окаменел на месте, но нашел в себе силы обернуться.

Сзади стояли два человека в форме полиции — мужчина и женщина.

— Жорж Литотовский? — строго спросил мужчина.

У Жоржа начали подкашиваться ноги. Рассудок помутился. Руки разжались, роняя сумки — их подхватили полицейские и передали хозяйке.

— Давайте освободим проход.

Полицейские взяли его под руки и отвели в сторону.

— Итак, господин Литотовский, вы разоблачены, — сказала женщина в форме.

— Но как вы вычислили меня? — спросил Жорж, уже все понявший и смирившийся с поражением.

— Элементарно, — ответил полицейский. — Мы с самого начала знали, где вы прячетесь. За вами следили роботы. Когда мы задумывали ход с «фотороботами», то заранее предполагали, что вы сообразите под них замаскироваться. Ведь это так просто — стать одним и тысячи клонов самого себя. Согласитесь?

— Согласен. Хотя я и думал, что мой план гениален. Но почему вы сразу не арестовали меня?

— А мы и не собирались вас арестовывать, — продолжил полицейский. — Вы сами себя арестовали.

— Как это? Я, и сам себя? — удивился Жорж.

— Очень просто, — перехватила инициативу женщина-полицейский. — Разыгрывая из себя робота, вы раньше, чем через полгода до вокзала и не добрались бы — в чем сами и убедились. А пока сюда добирались, то выполняли трудовую повинность наравне с машинами. Так что можете считать, что отбыли свой срок за преступления, что совершили в нашем городе.

— Украшения, которые вы скинули, убегая, нашли и вернули владельцам, — снова взял слово мужчина. — Так что у пострадавших особых претензий к вам нет. К тому же жители нашего городка изрядно повеселятся, когда узнают о ваших похождениях...

— Теперь мы хотим, чтобы вы покинули наш город, — женщина протянула Жоржу билет на поезд и не смогла сдержать улыбку. — Мы бы предложили вам остаться, но вы ведь вряд ли захотите быть посмешищем для всего города.

Жорж кивнул головой. Конечно, ему было обидно больно, но было и чему радоваться. И, похоже, радостные чувства в нем брали верх.

— Надеемся, что вы получили хороший урок и не попадете в подобную ситуацию где-нибудь еще, — похлопал Жоржа по плечу полицейский.

— Нет, к чертям! — отмахнулся Жорж. — Встану на путь исправления. В вашем городе я освоил столько профессий, что найду теперь, чем полезным заняться.

Это и было как раз тем самым, чему Жорж радовался со слезами на глазах.

Об авторе

Родился в Москве в 1972 году. По образованию политолог. Занимался политическими технологиями, журналистикой. Публиковался в общероссийских и региональных СМИ. Работал редактором различных изданий и интернет-проектов. Член Союза журналистов РФ. В настоящее время — директор рекламно-полиграфической компании. Коуч, тренер личностного роста. Первые «бумажные» публикации рассказов были в № 1 за 2008 г. «Знание-сила: Фантастика» — рассказ «Компьютерра», № 4 за 2008 г. — рассказ «Колодец», в № 1 за 2010 г. — рассказ «Путешествуйте по созвездиям!» и в № 1 за 2012 г. — рассказ «Поселенная».

Екатерина Наркевич

Может же

— Кирюша сказал, что если бы Яков пошел по его стезе, то он непременно бы ему помог. А пока сын не определился — помогать ему нечего, — пересказывает последние семейные новости солидная дама Ольга Ивановна мужу Сергею Ивановичу. Сергей Иванович в курсе всех дел, но в них не вникает. Зачем, у него есть Ольга Ивановна.

Они едут на троллейбусе и наблюдают за Садовым кольцом. Очень похожи друг на друга — тучные, аккуратно одетые, хмурые. За сорок лет совместной жизни Ольга Ивановна хорошо изучила супруга и знает наперед все, что он скажет. Муж болезненно воспринял отставку по службе, последнее время совершенно перестал помогать по дому. Стал игнорировать сына Кирюшу и внука Якова, расхондрился и научился на всех обижаться. Короче, расслабился.

Ольга Ивановна изо всех сил оберегала мужа от стрессов, от чего он решил, что нужно ее понукать и во всем наставлять. Хотя без нее был абсолютно беспомощным, вялым и недееспособным. Чтобы его не расстраивать больше, она всякий давала ему высказаться — так сказать, облегчиться морально. Его мнение ей было понятно заранее, потому что на все случаи жизни он говорил одни и те же прописные истины, от чего они стали не истинами, а занудством, сказанным ни к месту. Вернее, Ольга Ивановна забыла место, к которому пришлось бы прописные истины Сергея Ивановича. Сержа, как неофициально называла его она.

— Человек должен сам прокладывать себе дорогу, — многозначительно ответил Сергей Иванович, чуть наклонившись к супруге. Когда появлялась возможность толкнуть речь, лицо Сергея Ивановича багровело и потело. — Сейчас в Москве юристов — как грязи. Их столько сейчас, сколько никому не требуется. Яков должен сам найти свое место в жизни, иначе... — затянул он громким скрипучим голосом.

Когда-то у него в подчинении было много людей, а на последнем рабочем месте только двое. Хотя Сергей Иванович считал, что подчиняться ему должны трое. С ними он пытался проводить ежедневный инструктаж. Но третий — курьер Стас, долговязый невоспитанный студент — стажер, Сергея Ивановича начальником в упор не признавал. Инструктаж пропускал и дерзил.

Зайдет утром в контору, заберет корреспонденцию, быстро ее доставит и бездельничает. Ему больше делать ничего не надо, но он раздражал Сергея

Ивановича свободными манерами. Если бы Стас инструктаж не прогуливал, то нареканий бы к нему не было. А так — он очень портил нервы Сергею Ивановичу. Если бы не Стас, в целом, работа была бы спокойной. Увы, и с нее сократили. Но Стас оставил в душе неприятный осадок.

Сергей Иванович затянул речь, как две капли воды похожую на другие речи. Ольгу Ивановну накрыло знакомое «дежа вю». Хорошим был человеком Сергей Иванович, но очень нудным. Вроде и правильно все говорит, но вешаться хочется. Иной раз, хоть с ним не заговаривай — как затянет свою тягомотину, можно надолго отключиться. Пристрастие к прописным истинам у него появилась с тех пор, как ему поручили проводить инструктажи по пожарной безопасности. Но там-то ладно, может быть, кому-нибудь в жизни они пригодились. Но какой аудитории можно посвятить речь о «своей стезе», Ольга Ивановна даже не представляла. Сколько речей она прослушала — можно со счета сбиться.

Чтобы оратора не прогневать, чаще кивала головой. Так бы и кивала бы себе, но сейчас в троллейбусе что-то у нее в душе перевернулось. Как-будто осенило: вот бы сейчас что-то случилось, чтобы он навсегда читать нотации перестал. Не удар апоплексический, не дай бог, и не землетрясение — чтобы невинные люди не пострадали. А так, что-нибудь нравоучительное и не вредное для здоровья. А то сил больше нет никаких. Сейчас вот хотела с Сергеем Ивановичем поделиться планами сына Кирюши по трудоустройству внука Яши. Яков университет скоро закончит, но никак не определится, в какой области народного хозяйства юристом работать. На практике во многих местах побывал, но пока ничего не выбрал. Яков до последнего года был целеустремленным, а последний год как-то сдал. Но, похоже, что это беспокоит всех, кроме Сергея Ивановича. Иначе, зачем говорить формальности про «свою стезю»?! Ведь речь идет об единственном любимом внуке.

Говорит, говорит, слова с часами перетирает, как будто уши мои все стерпеть могут. Сколько же он пробубнил времени за нашу жизнь? Вот, если бы дельное что говорил... — с тоской подумала Ольга Ивановна. А сама по привычке кивнула, чтобы не огорчить супруга.

— Юристов в Москве, как грязи, — для убедительности Сергей Иванович повторился. Он часто повторялся там, где себе нравился и казался особенно убедительным. Но вдруг он будто запнулся и открыл рот. Подбородок затрясся и прилип к грузной шее.

Ольга Сергеевна посмотрела в направлении его взора и увидела следующее. За окном, вдоль дороги стояли юристы — в белых рубашках, бабочках и черных сатиновых полу рукавах до локтя. Но не сатиновые поддевки подсажали, что эти люди — юристы. Они держали плакаты «Юристов в Москве как грязи».

В нижней части плаката мелкими буквами было написано «Цитата Сергея Ивановича Наумова».

Сергей Иванович вдаль без очков не видел. Ольга Ивановна, наоборот, видела хорошо. Поэтому мелкий шрифт разобрала и убедилась, что их, правда, как грязи.

— Серж, это твоя цитата, — прошипела она. От волнения голос сел. Ситуацию получилась скверная — за слова Сергея Ивановича нужно отвечать. Но как? Сам Сергей Иванович ни за что никогда не отвечал. Вернее, только за одно — за проведение противопожарного инструктажа.

Юристы, завидев Сергея Ивановича, радостно заулыбались и замахали свободной от плакатов рукой.

Сергей Иванович нервно посмотрел на супругу. Он всегда так делал, когда что-то не понимал. Ольга Ивановна привыкла поддерживать мужа в любой ситуации, поэтому машинально ответила примерно таким выражением лица:

— Серж, ты молодец, не обращай внимания. Я сейчас все улажу.

В шоковом состоянии Сергей Иванович, обычно, молчал.

Поэтому и сейчас замолчал. По лицу стало понятно, что сознательно. Как только он прекратил речь, юристов поубавилось. Единичные не протестные пикеты — не в счет. Троллейбус подъехал, Сергей Иванович с супругой покинули транспорт.

Дальше пошли пешком. Дорога к ЖЭКу лежала сквером.

В этом месте у Сергея Ивановича обязательно срабатывал рефлекс рассуждения. Если где-то он и мог смолчать, то только не в сквере. Здесь это было практически невозможно. Убедившись, что юристов больше нет, Сергей Иванович продолжил:

— Наш Яков — бездельник. Только труд сделал из обезьяны человека, — изрек Сергей Иванович, стараясь о юристах не думать. Он привык о неприятностях не думать, потому что о них заботилась Ольга Ивановна. — А он трудиться не желает, и без труда останется человекоподобным существом. Уже не обезьяной, конечно, все-таки, кое-какое образование получил, но и не человеком.

Ольга Ивановна вздохнула. Видно, супруга не переделаешь.

Они вошли в ЖЭК. Узнали, что попали в перерыв и смиренно сели на стулья. Зато после перерыва будут первыми. На улице стоял прохладный май. В помещении было тепло, поэтому погреться не помешает.

Через несколько минут дверь диспетчерской открылась и из нее вышла шимпанзе. Она несла папку с бумагами и ни на кого не обращала внимания. Потом ей навстречу вышла еще одна шимпанзе, но эта несла большой гаечный ключ. Видимо, как Яков, эта обезьяна института не закончила. Потом шимпанзе с ключом окликнули. Из комнаты отдыха мастеров вышел курьер Стас. Ольга Ивановна тоже его узнала. Супруг показывал сотрудников на фотографии. Стас тоже, как и вторая шимпанзе был одет в рабочий комбинезон. Он негромко что-то спросил у шимпанзе, та ответила Стасу на ухо. Она поманила его пальцем наклониться, потому что был выше ее на две головы. Стас захихикал, спросил: «Правда?». Потом получил от шимпанзе задание и удалился. Но Сергею Ивановичу подморгнуть успел.

Нашел другую работу — догадался Сергей Иванович и только тут испугался. Испугался, что не во всем еще ЖЭКе труд переделал обезьян. Может оказаться, что на замену смесителя ЖЭК пришлет к ним шимпанзе. Как она поменяет смеситель — непонятно.

Хотя шимпанзе лучше, чем Стас, опять подумал Сергей Иванович и с надеждой посмотрел на Ольгу Ивановну. Она сама тоже испугалась, но увидев лицо супруга, самообладания не потеряла и сделала лицо поддержки «Серж, все под контролем».

Она о чем-то стала догадываться.

— Серж, перестань, пожалуйста, говорить свои прописные глупости, иначе чего-нибудь накликаешь.

— Но Оленька...

— Серж, молчи, умоляю, — убедительно цыкнула она в надежде на то, что Сергей Иванович заткнется.

Сергей Иванович замолчал, крепко защелкнув рот. Он понял, что именно из-за него начали происходить загадочные вещи. Если признаться самому себе, то он не очень-то верил в то, что изрекал. Сам он, особенно, в обезьяний труд не верил. И про грязь из юристов придумал сам. Просто ему казалось, что изрекающий сентенции мужчина гораздо солиднее не изрекающего. Что чужая мудрость в его устах звучит убедительно, и Ольге должно нравиться, что он такой умный. Книжек он не читал, и с народом общался мало. Поэтому до народной мудрости додумался сам, что старался продемонстрировать Ольге Ивановне.

Сергею Ивановичу казалось, что вместо того, чтобы что-то делать, можно что-то говорить. Например, внук Яков часто у них гостил. Но Сергей Иванович очень ленился уделять ему время. Чаще всего с внуком он смотрел телевизор и даже шахматами не занимался. Сергей Иванович был представительским дедом. У других и такого не было. Сергей Иванович понимал свою номинальную ценность. Речей внуку он не произносил, потому что Яков рос подвижным ребенком. Стоило деду открыть рот, как внук исчезал из поля зрения. А говорить без слушателей Сергей Иванович не любил. Ему нравилось, как Ольга понимающе кивала в такт его словам. Может, и делала вид, что согласна. Но, поучив ее, Сергей Иванович испытывал колоссальное моральное удовлетворение:

Надо же, как без труда удалось быть кладезем человеческой мудрости. Хоть и теоретической.

Когда Сергей Иванович немного помолчал, и мастер отобедал, Ольга Ивановна подала заявку на замену смесителя. Они покинули ЖЭК без единой обезьяны. Дорога домой лежала через сквер.

— Давление сегодня высокое, — многозначительно заметила Ольга Ивановна. Она понимала, что причина обезьянам должна быть, так почему бы животным не появиться от высокого атмосферного давления? Или низкого. Но снять подозрения с Сергея Ивановича было ее долгом. Или привычкой.

Шли домой молча. И все закончилось бы благополучно, если бы Сергей Иванович не взялся за старое. Правильно говорят, что привычка — вторая натура.

— Наш Яков крайне избалован. Он думает, что жизнь — это все равно, что перейти поле. А прожить жизнь — это совсем не одно и то же, что

перейти поле... — сказал Сергей Иванович прописную истину, и тут же она сбылась. Прimitивно, конкретно и дословно. То ли магией какой Сергей Иванович заразился. То ли верностью занудству пробил плешь там, где нужно. Но истины его стали вещими. Они и без него были ничего себе. Недаром собрали в себя мудрость, фольклор, предания и газетные штампы.

Не успел закончить Сергей Иванович про поле, как сквер растворился, и они оказались посреди огромного поля. Перейти которое, по его завещанию, очень трудно.

Ольга Ивановна окончательно убедилась, что произошло. Она поняла, что Сергей Иванович стал как бы «каркать». То есть, как только скажет то, что никому не нужно, сразу перед ним раскрывается буквальный простор формальных глупостей. Конечно, широкое поле — это не глупости. Пословицы с поговорками своими корнями уходят в добротную народную мудрость. Но изрекать их в таком количестве в адрес Ольги Ивановны, когда она и так женщина мудрая, наверное, лишнее. Она давно об этом думала, но теперь удивилась — как была права.

Оказавшись перед разливным бескрайним полем, Сергей Иванович резко выдохнул, пропотел и сказал:

— Ух. В поле, Оленька, за ветром не угонишься.

И тут же поле стало абсолютно безбрежным. Торчавший вдали сквер и дома исчезли, и завыл протяжный тревожный ветер.

— Серж, я хотела тебя спросить, — робко начала Ольга Ивановна, опасаясь, что Сергей Иванович материализует еще какую-нибудь стихию. — Ты зачем про поле сказал?

— Я не знаю, чтобы ты понимала...

— Серж, я в порядке. Ты надоел мне даже, немного. Прости, пожалуйста.

В другой день таким заявлением она сильно разозлила бы Сержа. Он разгневался бы и раскричался.

Если не раскричался, то обиделся бы та-а-а-ак, что лучше бы раскричался.

— Так я, Оленька, для тебя же...

— Только лишнего сейчас не говори, пожалуйста. Ты видишь, что от твоих слов получается. Лучше придумай, что делать.

К этому Сергей Иванович не привык точно. Он привык морали читать, а думать, что делать, не привык.

— Я...

— Серж, если ты сейчас что-нибудь дурацкое скажешь, то мы отсюда никогда не выберемся.

Ольга Ивановна потопталась на месте в поисках выхода.

Сначала испугалась, но потом мобилизовалась. Она всегда находила выходы, особенно, когда вытаскивать из ситуации нужно Сергея Ивановича.

— Выручить нас можешь только ты, — начала она медленно, но решительно. — Скажи что-нибудь человеческое, а не как всегда. Не спеши, подумай прежде. Если сомневаешься, лучше молчи.

Иванович подумал-подумал и промолчал. Потом еще подумал и опять промолчал. Поле на глазах рассеялось и превратилось в привычный сквер.

Ольга Ивановна быстро засемила к дому. Сергей Иванович поспешил за ней.

Дома он молча поужинал. Плотно, но без аппетита. Сел смотреть телевизор, изучил репортаж про разведение страусов в домашних условиях и открыл рот, чтобы сообщить Ольге Ивановне, что у страусов, как у людей, вожака выбирают не за интеллект. Но потом передумал делать сообщение и сказал:

— Оленька, давай я посуду помою.

Комната страусами не наполнилась, но от предложения Ольге Ивановне стало приятно. Может же, если хочет.

Об авторе

Родилась в 1965 году. Живет в Москве, работает психотерапевтом. По образованию врач и журналист. Пишет рассказы, обзоры культурных событий и театральные рецензии, научно-популярные статьи по психологии о взаимоотношениях, особенностях детского и подросткового периода. В каждом рассказе содержится позитивный выход из сложной ситуации, заимствованный из жизни.

Лауреат литературных конкурсов, печаталась в сборниках «Офисный акын», «Русский stil 2012», «Венский литератор 2011», в журнале «Худеем правильно» (федеральный журнал «Здоровье»), является ведущей колонки на сайте «псифактор».

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание-сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание-сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

ЛИТЛАВКА
LITLAVKA.RU

Литературный магазин

В наших Интернет-магазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»:

Юридический адрес:

109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д.13

ИНН / КПП:

7723339052 / 772301001

БИК:

044525219

Банк:

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

Расчетный счет:

40702810800670000380

Корр. Счет:

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — *Степанов Е. В.*